

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЦЕНТР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

А.Л. Абаев, Т.В. Боровикова, А.С. Кузавко

Социально-коммуникационные процессы
в региональном развитии:
нереализованные возможности
в миграционной политике

Москва
2022

УДК 314.15
ББК 60.74
А13

Ответственный редактор

М.А. Омаров

доктор политических наук, профессор,
директор Центра социально-политических исследований
и информационных технологий РГГУ

Рецензент

Л.С. Леонтьева

доктор экономических наук,
профессор Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова

*Работа выполнена в рамках государственного задания
на оказание государственных услуг (выполнение работ)
по организации мероприятий на 2021 год
№ 751100Ф.99.1.А330АА0001*

ISBN 978-5-7281-3101-4

© Абаев А.Л., Боровикова Т.В.,
Кузавко А.С., 2022
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2022

Оглавление

<i>Введение</i>	7
<i>Глава 1.</i> Трансформация социальных процессов в российских регионах на современном этапе	12
1.1. Социально-экономический потенциал российских приграничных регионов	12
1.2. Демографические и миграционные процессы в российских регионах	24
1.3. Миграция интеллектуального потенциала в приграничном регионе	33
<i>Глава 2.</i> Трансформация в хозяйстве, расселении и сознании населения в российских и белорусских регионах	47
2.1. Анализ и сопоставление показателей российско-белорусского приграничья с общегосударственными тенденциями	47
2.2. Интеграционные процессы в восточнославянском приграничье: ментальные основы	72
2.3. Влияние цифровизации на социальные процессы в российско-белорусском приграничье	113
<i>Глава 3.</i> Современные тенденции развития российских регионов: новые возможности приграничных территорий	117
3.1. Туризм – как фактор социально-экономического развития приграничных территорий	117
3.2. Интегрированные коммуникации и их влияние на динамику развития миграционных потоков	124

3.3. Предложения по изменению внутренней миграционной политики в целях экономического развития регионов России	132
3.4. Предложения для регионов: новые возможности приграничных территорий	137
<i>Заключение</i>	<i>161</i>
<i>Список источников и литературы</i>	<i>163</i>

Системная трансформация, охватившая все сферы общественной жизни России, не обошла стороной и бывшие республики Советского Союза. Наличие границ между ними актуализирует необходимость выбора стратегических ориентиров общественного обустройства, настоятельно требует самоидентификации населения данных республик.

Республики бывшего СССР, на просторах которых все еще во многом социально, культурно, ментально, технологически и экономически сохраняется единое цивилизационное пространство, сегодня вновь стоят на распутье. Украина и Молдова смотрят в сторону Европейского союза и при этом раздираемы внутренними противоречиями. Как результат они пока еще не определились с вектором развития – европейский или евразийский. Молодые государства Центрально-Евразийского региона балансируют между Россией, Китаем и некоторыми другими странами. Государства Закавказья «разбегаются» в разных геополитических и экономических направлениях. Прибалтика формально консолидирована в Европу, но вряд ли ее вхождение в Европейский союз будет беспроблемным.

Россия тоже никак не определится в своих приоритетах – либерализм или государственно-монополистический капитализм, социальное или социалистическое государство, собирательница земель или лидер евразийского пространства.

Данная монография посвящена некоторым общим проблемам развития постсоветских государств, поскольку историческая общность препятствует стремительному их расползанию по различным геополитическим образованиям. Разрушение единой страны привело к исчезновению ее экономического могущества. В этой ситуации в прошедшие десятилетия использование природных ресурсов стало основой существования многих государств постсоветского пространства. В современных условиях во всех государствах мы видим много сложностей, но в некоторых регионах

ситуация особенно тяжелая. Так, трудно живется народам Карабаха и Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии, находящимся в зонах конфликтов на пространстве бывшего СССР.

При этом нельзя не замечать и того факта, что все страны выбрали собственные векторы развития. Так, Казахстан смог нарастить свой экономический потенциал и сохранить дружбу с Россией (РФ). Беларусь (РБ), раздираемая внутренними противоречиями, в основном удержала свой экономический потенциал и сохранила дружбу с Российской Федерацией, но так и не определилась с собственной позицией, называя ее «многовекторной». Эта «многовекторность» поворачивает ее то в сторону ЕС, то в сторону России, в зависимости от того, что ей выгодно на конкретном этапе. При этом экономические и социальные проблемы стран постсоветского пространства остаются и в некотором смысле даже обостряются.

В связи с этим в научной среде поднимаются вопросы поиска решений для преодоления существующих проблем постсоветских государств и их отдельных регионов, в том числе приграничных.

Определенный вклад в изучение вопросов трансграничного взаимодействия внесли российские исследователи, а также их коллеги из других стран бывшего СССР (в том числе белорусские): В.Л. Бабурин, И.С. Гуменюк, Т.Ю. Кузнецова, В.А. Колосов, А.П. Клемешев, А.П. Катровский, В.С. Корнеевец, Г.М. Федоров, Л.Ф. Трацевская, В.С. Фатеев, И. Точицкая и другие. Среди зарубежных исследований рассматриваемой проблематики значительный интерес представляют работы таких авторов, как П. Чешир и Ж. Дюрантон, П. Кхер, Р.Ж. Баро, С. Хонг, К.Л. Клисен и другие.

Так, Л.Б. Вардомский выделял две модели приграничного сотрудничества: институциональную и торговую (традиционную) [21, с. 18]. Он отмечал, что для развитых приграничных регионов характерно преобладание институциональной модели, для российских же регионов нового приграничья по-прежнему свойственно наличие более узкой торговой модели, что, несомненно, сказывается на общих тенденциях экономического развития белорусско-российского приграничья.

Проблемы сотрудничества приграничных регионов рассматриваются также в работах сотрудников Института экономики Национальной академии наук Беларуси П.Г. Никитенко и Т.С. Вертинской. Ими детально изучено влияние формирования Союзного государства на внешнюю торговлю России и Беларуси [58, с. 38]. В своих работах Т.С. Вертинская охарактеризовала

трансграничные связи в российско-белорусском приграничье. По ее мнению, связи между субъектами хозяйствования либо носят исторически сложившийся характер, либо возникают стихийно под воздействием рыночных сил [21, с. 38]. Также Т.С. Вертинская констатирует, что до сих пор нет всестороннего анализа структуры, тенденций развития единого экономического пространства ЕАЭС в региональном срезе [21, с. 18].

Впервые к выводу о том, что приграничные регионы России и Беларуси развиваются медленнее по сравнению с экономиками своих стран, пришли А.П. Катровский и Г.В. Ридевский [40, с. 13]. Они выдвинули гипотезу, что межстоличное положение снижает экономический потенциал Смоленской, Витебской и Могилёвской областей за счет оттока человеческих и финансовых ресурсов.

Большое внимание исследованию трансформации институциональной среды регионов российско-белорусского приграничья уделено в работах К.А. Морачевской. Она рассматривает ключевые последствия государственных интеграционных процессов для экономического развития российско-белорусского приграничья и приходит к выводу, что эти процессы имеют как положительные, так и отрицательные стороны [58, с. 118]. В частности, из-за свободного перемещения товаров через российско-белорусскую границу усилилась конкуренция на смоленском рынке продовольственных товаров, что привело к вытеснению смоленской продукции более дешевой белорусской.

Изучением опыта приграничного сотрудничества, его принципов и анализом транснациональных связей занимался ряд зарубежных ученых. В коллективной работе С. Бракмэн, Г. Гарретсен, Ч. Ван-Марревик выделяют такой положительный аспект расширения Европейского союза, как рост численности населения вдоль границ интеграции [103, с. 13]. Также своими исследованиями они подтверждают влияние интеграционных процессов в ЕС на социально-экономическое положение приграничных регионов и городов.

С. Стиллер и А. Нейбер исследуют влияние интеграционных процессов на развитие приграничных территорий, выделяют и описывают положительные и отрицательные эффекты от этого воздействия [93, с. 33]. По их мнению, приграничные регионы могут иметь преимущество в привлечении ресурсов из-за нахождения их в центре интеграции государств. Также улучшает положение приграничных регионов близость к внешнему рынку, ведь это обеспечивает дополнительный спрос.

Однако, по мнению С. Стиллера и А. Нейбера, может сложиться ситуация, при которой экономическому росту противостоят внутрирегиональные силы, которые пытаются сохранить доинтеграционную структуру региональной экономики. В результате они делают вывод о том, что пространственный эффект интеграции зависит от конкретных обстоятельств. Приграничные регионы могут и выиграть, и проиграть от интеграции, при этом Стиллер и Нейбер приводят как теоретические, так и эмпирические доказательства этого тезиса [101, с. 19].

П. де Грауве, рассматривая динамику развития регионов европейских государств в рамках построения ЕС, делает вывод о поляризации регионального развития. Им установлено, что в результате интеграционных процессов волатильность в экономике стран-союзников усилилась, что сопровождается большими спадами и подъемами внутри экономических циклов. Страны и регионы утрачивают в результате интеграции иммунитет к негативным экономическим процессам соседних стран или стран-союзников [101, с. 18].

Д. Ньюман рассматривает политические аспекты взаимодействия регионов, находящихся в разной правовой юрисдикции. Он описывает явление ментального обмана, характерного для приграничных регионов, при котором кажется, что текущие социальные и экономические проблемы лучше решаются в соседней стране. Так же как и другие зарубежные исследователи, он приходит к выводу о незавершенности теоретических и эмпирических исследований по вопросу оценки эффекта от интеграции для приграничных территорий, указывая на отсутствие устоявшегося общего понятийного аппарата по этому вопросу [102, с. 18].

В данной монографии представлены материалы докладов и выступлений авторов на международных конференциях, симпозиумах и форумах по социальным, демографическим и миграционным процессам, происходившим и происходящим на территории стран бывшего Советского Союза в конце XX – начале XXI в., которые, на наш взгляд, ознаменовались кардинальными изменениями в территориальной картине воспроизводства, расселения и миграционных потоках населения. Результаты проведенных авторами исследований по данной тематике позволяют говорить о постсоветском пространстве как о тесно интегрированном сообществе государств, несмотря на все политические препятствия, которые сегодня их разделяют.

Тематически монография включает в себя три раздела.

В первом разделе рассмотрены общие вопросы трансформации социальных процессов в российских регионах, особое внимание при этом уделяется демографическим и миграционным процессам. В данном разделе также рассматриваются вопросы миграции интеллектуального капитала в региональном разрезе.

Второй раздел посвящен характеристике трансформационных процессов развития хозяйства, расселения и сознания населения в российских и белорусских регионах, а также сравнительному анализу развития отдельных регионов российского и белорусского приграничья. В качестве таких регионов выступают Брянская, Смоленская и Псковская области России и Могилёвская область Беларуси. В данном разделе рассматриваются интеграционные процессы в восточнославянском приграничье и их ментальные основы, а также влияние цифровизации на социальные процессы развития миграционных потоков в российско-белорусском приграничье.

В третьем разделе рассмотрены современные тенденции развития российских регионов и представлены выводы и предложения по изменению внутренней миграционной политики.

Разделы монографии подготовили:

Введение: д-р экон. наук, профессор А.Л. Абаев (Российский государственный гуманитарный университет); д-р пед. наук, профессор Т.В. Боровикова (Российский государственный гуманитарный университет).

Глава 1. Трансформация социальных процессов в российских регионах на современном этапе: д-р пед. наук, профессор Т.В. Боровикова (Российский государственный гуманитарный университет); канд. экон. наук, доцент А.С. Кузавко (Смоленский государственный университет).

Глава 2. Трансформация в хозяйстве, расселении и сознании населения в российских и белорусских регионах: д-р экон. наук, профессор А.Л. Абаев (Российский государственный гуманитарный университет); канд. экон. наук, доцент А.С. Кузавко (Смоленский государственный университет).

Глава 3. Современные тенденции развития российских регионов: новые возможности приграничных территорий: д-р экон. наук, профессор А.Л. Абаев (Российский государственный гуманитарный университет); д-р пед. наук, профессор Т.В. Боровикова (Российский государственный гуманитарный университет); канд. экон. наук, доцент А.С. Кузавко (Смоленский государственный университет).

Глава 1

Трансформация социальных процессов в российских регионах на современном этапе

1.1. Социально-экономический потенциал российских приграничных регионов

Для России, занимающей по своей территории первое место среди стран мира и насчитывающей в своем составе более 20 тыс. муниципальных образований, вопросы миграционной привлекательности территорий относятся к перспективным направлениям долгосрочного устойчивого развития региональных экосистем ее административно-территориальных единиц (АТЕ). При этом особое внимание акцентируется на процессе воспроизводства человеческого капитала АТЕ с учетом стадий его формирования, распределения и использования.

Необходимым условием экономического роста является создание благоприятной среды для набирающей обороты коллаборации государства, предпринимательства и науки. В рамках данного тренда совершенствование механизмов развития человеческого (интеллектуального) капитала как результата взаимодействия акторов (научно-образовательные организации, органы власти, частные компании, структуры гражданского общества и т. д.) инновационной экосистемы «Государство – Наука – Бизнес» выступает драйвером трансформации национальной экономики [30, с. 148].

В условиях экономической неопределенности важной составляющей процессов управления региональным развитием является мониторинг, обеспечивающий органы управления всех уровней иерархии власти (федеральной, регионального и местного самоуправления) объективными критериями и оценками социально-экономической ситуации в регионе, его положения среди других АТЕ и на фоне страны в целом. Федеральным органам управления такие критерии и оценки необходимы для определения наиболее эффективных путей территориального развития

страны, выработки стратегии и тактики государственной региональной политики, нацеленной на сглаживание диспропорций в экономике регионов и качестве жизни их населения. Региональные органы управления нуждаются в адекватных оценках состояния экономики и социальной сферы АТЕ для определения ориентиров и приоритетных направлений их региона, отслеживания динамики и характера движения АТЕ к целевым установкам его развития.

В современной науке под социально-экономической экосистемой понимается «локализованный комплекс организаций, бизнес-процессов, инновационных проектов и инфраструктурных образований, способный к длительному самостоятельному функционированию за счет кругооборота ресурсов, продуктов и систем» [30, с. 148].

Рассмотрение государства, науки и бизнеса как основных элементов национальной инновационной экосистемы предоставляет возможность акцентировать внимание на изучении синергетического эффекта от коллективного взаимодействия всех участников, среди которых университеты, научно-исследовательские центры, институты развития и им подобные, оказывающие влияние на формирование и развитие человеческого капитала. В результате взаимодействия акторов, формирующих для генерации знаний благоприятную среду, формируется механизм инновационной коллаборации (рис. 1.1) на макро-, мезо- и микроуровнях [30, с. 152].

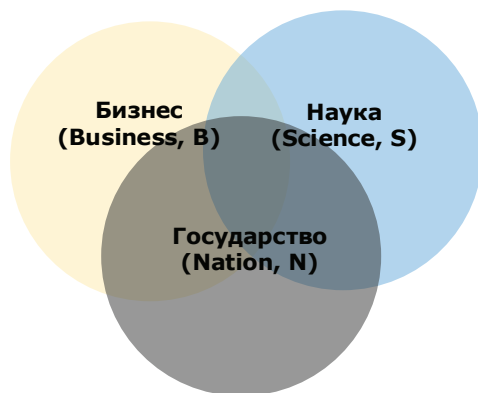

Рис. 1.1. Механизм формирования инновационной коллаборации

Уровень развития экосистемы АТЕ – многоаспектная дефиниция, включающая в себя комплекс социально-экономических синтетических категорий: состояние и развитие важнейших отраслей производства, финансовое положение, инвестиционная привлекательность, инновационная активность, состояние рынка труда, качество и уровень жизни населения, экологическая ситуация и степень использования ресурсного потенциала АТЕ и др. В большинстве своем эти категории недоступны непосредственному измерению, их показатели, как и интегральный (сводный) показатель состояния человеческого капитала АТЕ, являются латентными переменными и могут определяться лишь путем построения тех или иных оценочных моделей [30, с. 154].

Следует отметить, что сопоставительный анализ развития территориальных единиц наблюдения (ТЕН) проводится, как правило, в административно-территориальном разрезе – по федеральным округам, по регионам того или иного федерального округа (республики, края) или же по регионам страны в целом. Вместе с тем представляет интерес анализ социально-экономического развития ТЕН, однородных по типу региональных экономических систем. Могут рассматриваться, например, совокупности регионов с экономикой аграрной ориентации, индустриальной ориентации (слабой, средней, высокой), с ориентацией на производство услуг и др. [30, с. 155].

В международной и отечественной практике для проведения сравнительного анализа экосистем ТЕН используются различные экономико-математические модели, информационно-аналитическое обеспечение которых включает различные показатели, характеризующие объект исследования в контексте достигнутого уровня социально-экономического развития, инвестиционно-инновационного климата, качества человеческого капитала и т. д. Так, в целях реализации Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», устанавливающего и утверждающего национальные проекты России по 13 стратегическим направлениям. Правительством Российской Федерации утвержден Федеральный план статистических работ, который включает 340 показателей, в том числе 113 показателей национальных проектов. В настоящее время в разрезе национальных проектов Росстатом проводится сбор данных по таким показателям, как:

Национальная программа «Демография»:

- ожидаемая продолжительность жизни граждан в возрасте 55 лет (число лет);

- ожидаемая продолжительность здоровой жизни (число лет);
- смертность населения старше трудоспособного возраста (на 1000 человек населения соответствующего возраста);
- суммарный коэффициент рождаемости (число детей на 1 женщину);
- доля граждан, ведущих здоровый образ жизни (%).

Национальная программа «Здравоохранение»:

- смертность населения трудоспособного возраста на 100 000 человек населения соответствующего возраста (%);
- смертность от болезней системы кровообращения на 100 000 человек населения (%);
- смертность от новообразований, в том числе злокачественных, на 100 000 человек населения (%);
- младенческая смертность, число детей, умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми (%).

Национальная программа «Жилье и городская среда»:

- объем жилищного строительства (млн м² общей площади);
- ввод жилья в многоквартирных жилых домах (млн м² общей площади);
- средняя стоимость 1 м² модельного жилья на первичном рынке (тыс. руб.).

Национальная программа «Наука»:

- доля исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности российских исследователей (%);
- внутренние затраты на исследования и разработки за счет всех источников (тыс. руб.).

Национальная программа «Цифровая экономика»:

- доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (%).

Для проведения сравнительного анализа ТЕН по состоянию экосистем предлагается использовать критерий i_{EcoSys} развития экосистемы, который может выступать в качестве динамического норматива, имеющего вид:

$$i_{EcoSys} = \frac{ОПрЖ(ТЕН_i)_t \times ВРП(ТЕН_i)_t}{ОПрЖ(ТЕН_i)_t^{max} * ВРП(ТЕН_i)_t^{max}}$$

где: $ОПрЖ(ТЕН_i)_t$ – показатель «Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в году t », прогнозируемый для $ТЕН_i$ в году t ;

$ВРП(ТЕН_i)_t$ – показатель «Валовой региональный продукт на душу населения за год t », рассчитываемый для $ТЕН_i$ на момент времени определения ожидаемой продолжительности жизни в году t ;

$ОПРЖ(ТЕН_i)_t^{max}$ – наилучший (наибольший) показатель «Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в году t » по рассматриваемой совокупности ТЕН в целом в году t ;

$ВРП(ТЕН_i)_t^{max}$ – наилучший (наибольший) показатель «Валовой региональный продукт на душу населения за год t » по рассматриваемой совокупности ТЕН в целом в году t .

Показатели для расчета критерия i_{EcoSys} развития экосистемы включены в число показателей социально-экономического развития Российской Федерации, необходимых для мониторинга достижения показателей национальных проектов (программ) и размещаются на информационных ресурсах Росстата [30, с. 145].

Значения индекса i_{EcoSys} могут варьироваться от нуля до единицы. При $0 < i_{EcoSys} < 1$ есть основание полагать, что вновь созданная стоимость (ВРП) работает в основном на решение задач модернизации составных элементов экосистемы ТЕН, а не на повышение качества и уровня жизни его населения (на рост ОПЖ). В случае $i_{EcoSys} = 1$ экосистема ТЕН характеризуется как эффективная с точки зрения результативности проводимой в ней социально-экономической политики [30, с. 150].

В данном исследовании в качестве ТЕН выступают субъекты РФ российско-белорусского приграничья – Брянская, Смоленская и Псковская области.

Сравнительный анализ данных табл. 1.1. позволяет сделать вывод о том, что состояние экосистемы Смоленской области характеризуется как эффективное среди субъектов РФ российско-белорусского приграничья [67, с. 150].

На основе метода парных сравнений с применением индекса i_{EcoSys} развития экосистемы как единого показателя получена качественная характеристика дифференциации субъектов РФ российско-белорусского приграничья с образованием групп лидеров, аутсайдеров и «срединной» группы (рис. 1.2).

Таблица 1.1

Характеристики экосистем субъектов РФ российско-белорусского приграничья

Субъекты РФ (области)	ОПРЖ(ТЕН) _t			ВРП(ТЕН) _t		
	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
1	2	3	4	5	6	7
Брянская	71,3	55,7	61,0	198,3	256,4	275,7
Псковская	70,0	56,9	55,7	187,7	240,8	262,3
Смоленская	71,1	57,5	59,6	244,9	299,1	334,6
наилучший (наибольший) показатель	71,3	57,5	61,0	244,9	299,1	334,6
Субъекты РФ (области)	ОПРЖ(ТЕН) _t × ВРП(ТЕН) _t			i_{ProSus} (ТЕН)		
	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
1	8=зр.2*зр.5	9=зр.3*зр.6	10=зр.4*зр.7	11	12	13
Брянская	18 272,27	14 280,42	16 819,84	0,857	0,830	0,824
Псковская	16 841,25	13 699,32	14 610,33	0,790	0,797	0,716
Смоленская	21 276,52	17 197,08	19 944,68	0,998	1,000	0,977
наилучший (наибольший) показатель	21 315,40	17 197,08	20 413,17	0,998	1,000	0,977

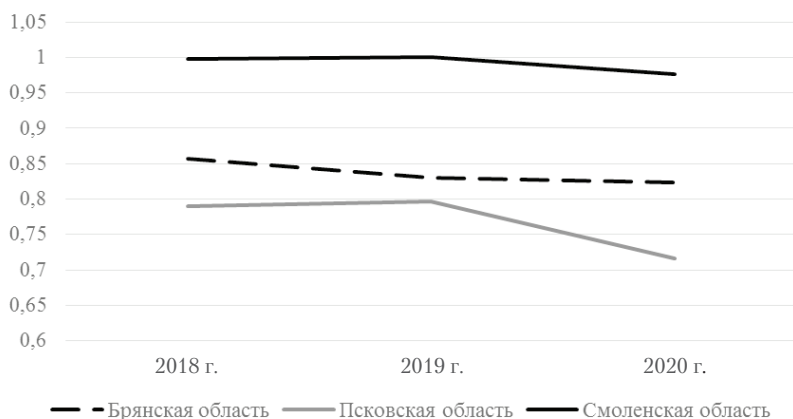

Рис. 1.2. Динамика индекса развития экосистем субъектов РФ российско-белорусского приграничья за 2018–2020 гг.

Как видно из рис. 1.2, Смоленская область по выделенному критерию классифицируется как «регион-лидер», чье превосходство среди субъектов РФ российско-белорусского приграничья в значительной степени обусловлено выгодным географическим положением. С одной стороны, Смоленская область – важнейший транспортный и коммуникационный узел. Через нее проходят: транспортный коридор Восток–Запад (кратчайший путь из России в Европу), включающий автомагистраль М-1 «Беларусь», А-101 «Москва–Бобруйск», железнодорожную магистраль и российский магистральный экспортный газопровод «Ямал–Европа»; транспортный коридор Север–Юг, формируемый вдоль европейской границы России и включающий автомагистраль А-141 «Орел–Рудня», балтийскую трубопроводную систему (БТС-II) и другие железнодорожные и автомагистрали. С другой стороны, регион близко расположен к крупнейшему мегаполису нашей страны и главному центру общенациональной дистрибуции – городу Москве (расстояние от Смоленска до Москвы – 378 км, от Гагарина до Москвы – 186 км), что способствует повышению конкурентоспособности субъекта РФ и создает условия для долгосрочного устойчивого экономического роста [30, с. 151].

Есть основание полагать, что состояние экосистем Брянской и Псковской областей в значительной степени определяется процессами цифровой трансформации ее структурных элементов,

что позволяет оценить его как «регион срединной группы» и соответственно – «регион-аутсайдер».

Для анализа необходимо рассмотреть также темпы роста реального ВРП в ЦФО РФ за период с 1996 по 2017 гг. (табл. 1.2) [66, с. 104].

Полученные результаты показывают, что ВРП не позволяет делать выводы о реальном повышении благосостояния и уровня развития экономики региона. Существующая методика сбора данных по ВРП региона учитывает фактическое место производства товаров, но не позволяет зафиксировать преимущества региона от этого процесса. Данную ситуацию можно прояснить на примере столичных регионов РФ и РБ. Москва и Минск имеют далеко не лучшие показатели роста реального ВРП, особенно в период после 2008 г. Однако по уровню доходов населения, объему бюджета, темпам развития инфраструктуры и целому ряду других показателей данные регионы нельзя назвать отстающими. В соответствии с Федеральным законом от 29.11.2007 № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации», если юридически организация находится в одном регионе, а производство осуществляет в обособленном подразделении в другом, то данные о выпуске продукции будут включены в ВРП по месту фактического нахождения обособленного подразделения. При этом региональная часть налогов будет уплачена организацией по месту регистрации. После кризиса 2008 г. организации в целях экономии по оплате труда, аренде производственных и офисных помещений вывели производственные мощности за границы города Москвы в Московскую область или иные регионы, имеющие привлекательный в новых условиях экономический потенциал. При этом юридически данные организации остались налоговыми резидентами Москвы.

Из анализа динамики индекса ВРП в сопоставимых ценах достаточно сложно оценить, какое влияние на развитие Смоленской области оказывает приграничное, межстоличное положение региона. Однако видно, что приграничные регионы ЦФО, за исключением Смоленской области, в период с 2008 по 2017 гг. достигли высокого экономического роста. С момента создания Таможенного союза (2010) экономический рост в Смоленской области снизился, а после образования в 2015 г. ЕАЭС перешел в стадию стагнации. На это, в том числе, оказали влияние факторы, связанные с итогами российско-белорусской интеграции: усиление конкуренции на региональном рынке из-за свободного

Таблица 1.2

Динамика индекса ВРП регионов РФ
в сопоставимых ценах относительно уровня 1996 года, %

Регион	1996	1998	2000	2005	2008	2010	2012	2014	2016	2017
Белгородская область	100	101,1	127,5	165,4	234,0	260,8	305,4	323,4	344,4	357,2
Брянская область	100	95,8	105,7	138,3	174,8	166,6	195,3	204,1	207,8	217,6
Владимирская область	100	95,5	114,3	135,0	166,9	168,8	177,6	181,5	179,6	180,4
Воронежская область	100	96,8	112,5	136,9	179,6	175,0	213,1	230,6	235,0	240,9
Ивановская область	100	83,1	98,1	120,4	144,5	137,1	133,0	125,7	122,7	122,1
Калужская область	100	88,9	96,9	129,2	179,8	185,3	229,3	229,8	223,2	235,7
Костромская область	100	96,2	108,3	127,9	150,5	144,3	156,1	160,3	153,0	156,1
Курская область	100	103,9	116,8	153,8	184,1	182,1	206,6	225,0	240,6	246,6

Липецкая область	100	90,4	101,1	134,5	162,8	158,3	168,9	183,5	188,3	190,4
Московская область	100	105,7	118,2	181,6	236,1	229,8	260,4	266,4	282,3	286,0
Орловская область	100	109,1	129,3	166,9	195,5	173,4	204,1	210,7	211,2	208,7
Рязанская область	100	96,4	111,9	140,7	164,7	161,1	183,7	186,4	181,2	184,1
Смоленская область	100	91,6	119,3	144,2	179,6	184,1	200,8	210,7	204,0	209,9
Тамбовская область	100	100,4	122,9	164,6	206,2	199,2	244,7	282,5	287,2	290,1
Тверская область	100	93,5	104,7	131,9	168,9	159,8	168,9	168,7	170,2	172,1
Тульская область	100	90,3	99,5	124,3	163,2	157,4	169,9	187,7	206,3	214,4
Ярославская область	100	96,6	116,0	157,7	187,6	177,6	198,8	207,8	211,1	216,0
г. Москва	100	103,2	131,1	194,8	251,6	222,5	235,5	238,4	235,7	240,2
ЦФО	100	95,0	115,9	165,7	213,1	195,8	212,8	217,9	219,2	223,4
ВРП РФ	100	94,6	110,5	153,7	190,5	184,1	200,1	206,3	206,7	210,5

Примечание: рассчитано через индекс физического объема.

притока белорусских товаров, имеющих низкую стоимость в сравнении со смоленскими; увеличение формальной и неформальной трудовой миграции из Беларуси в Смоленскую область, которая сдерживает рост стоимости труда из-за насыщения регионального рынка дешевой рабочей силой, что вытесняет квалифицированные местные кадры в Московский регион; снижение экономической целесообразности кооперации с организациями из приграничных регионов из-за объединения товарных рынков и возможности прямого взаимодействия с экономическими агентами на пространстве Союзного государства и др.

Используя данные табл. 1.2, можно составить рейтинг регионов ЦФО по приросту реального ВРП к уровню 1996 г. Получаем, что лучшие результаты по состоянию на 2017 год имеет Белгородская область, ее ВРП вырос более чем в 3,5 раза (рис. 5). Наихудший результат – у Ивановской области (рост на 22,1% за 2021 г.). [66, с. 104].

Сопоставляя индекс реального ВРП регионов со значением индекса ВРП ЦФО и ВРП РФ в целом, можно дифференцировать результаты их развития за период с 1996 по 2017 гг. Смоленская область показала результаты, сопоставимые со среднероссийскими (рис. 1.3) [75, с. 66]. Регионы ЦФО по анализируемому показателю можно разделить на три группы:

- регионы с индексом роста реального ВРП до 200% к 2017 г. в сопоставимых ценах 1996 г.: Ивановская область (122,1%), Костромская область (156,1%), Тверская область (172,1%), Владимирская область (180,4%), Рязанская область (184,1%), Липецкая область (190,4%);
- регионы с индексом роста реального ВРП до 230% к 2017 г. в сопоставимых ценах 1996 г.: Орловская область (208,7%), Смоленская область (209,9%), Тульская область (214,4%), Ярославская область (216,0 %), Брянская область (217,6%);
- регионы с индексом роста реального ВРП более 230% к 2017 г. в сопоставимых ценах 1996 г.: Калужская область (235,7%), г. Москва (240,2%), Воронежская область (240,9%), Курская область (246,6%), Московская область (286,0%), Тамбовская область (290,1%), Белгородская область (357,2%) [74, с. 166].

Проведенная группировка показывает, что наиболее развитые регионы с ростом ВРП от 230% – это регионы, расположенные в южной части ЦФО. Единственное исключение – Калужская область, но она имеет самые низкие темпы роста в этой группе.

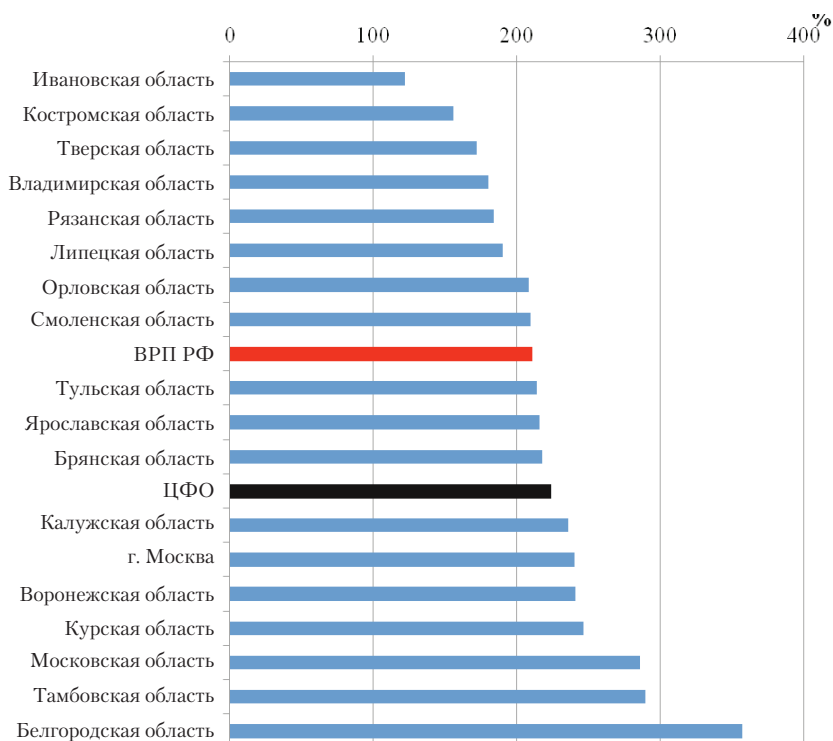

Рис. 1.3. Индекс роста реального ВРП регионов ЦФО РФ на 2017 г. в сопоставимых ценах 1996 г., %

Наименее слабая группа, показывающая рост ВРП до 200%, – это пристоличные регионы северной и восточной части ЦФО, а также регионы, областные центры которых расположены в стороне от федеральных трасс, ведущих в г. Москву.

Регионы со средней динамикой роста реального ВРП от 200 до 230% – это преимущественно западные и юго-западные регионы ЦФО, за исключением Ярославской области, расположенной на северо-востоке. При этом региональные центры имеют прямое сообщение со столицей, дорога до которой занимает в среднем от 4 до 5 часов как на поезде, так и на автомобиле, а расстояние измеряется от 282 до 368 км. Исключение по этому критерию – Тульская область, так как от Тулы до Москвы менее 200 км.

1.2. Демографические и миграционные процессы в российских регионах

Двадцать пять лет назад произошел распад единого экономического пространства, который сопровождался разрушением традиционных, производственных связей. Одновременно с этими связями разрывались экономические и социальные отношения. Разрыв производственных связей негативно отразился на деятельности хозяйствующих субъектов по обе стороны границы и поэтому за очень короткое время стали возникать новые административные структуры управления и социальные институты. Изменилась функция границы, которая в новых экономических и политических условиях стала сдерживать потоки товаров, капиталов, препятствовать трансграничным учебным, трудовым миграциям. Граница стала выполнять сдерживающую функцию.

За 25 лет произошло сдерживание экономической роли российских регионов, пограничных с РБ. Российско-белорусское приграничье активно теряло население, прежде всего за счет миграции.

В период 1991–2020 гг. районы российского приграничья потеряли более 15% своего населения, районы белорусского приграничья понесли несколько меньшие потери – около 12%. Если в 1992 г. на Брянскую, Смоленскую и Псковскую области приходилось 2,6% населения страны, то в 2020 г. – только 2,05%. Причем наибольшее сокращение численности населения имело место в административных районах, непосредственно прилегающих к белорусско-российской границе. Именно для этих территорий распад СССР стал наиболее драматичным. Если до распада СССР приграничные с РБ районы Брянской, Псковской и Смоленской областей по своему развитию превосходили средние показатели своих областей, то уже в постсоветский период в приграничной зоне произошли глубокие социально-экономические перемены, которые изменили как демографию, так и расселение, и быт, и хозяйственный уклад. За это время выросла территориальная концентрация экономики, повысилась роль областных центров и межрайонных внутриобластных центров. Мигрирование населения в крупные города сопровождалось уменьшением сельского населения и населения малых городов. Если в РБ для сохранения сельского расселения избрали курс на строительство «агрогородков», то в российской части приграничья уменьшению сельского населения ничего не мешало. В результате около четырех тысяч сельских населенных пунктов перестали существовать.

Российско-белорусская граница – это регионы, которые имеют длительную совместную историю проживания в рамках единой страны.

Однако за последние годы заметно выросла доля лиц, как в России, так, и особенно, в РБ, придерживающихся иных взглядов. Подобные результаты лишь подтвердили наше предположение о том, что по мере дальнейшего самостоятельного развития двух стран, доля населения, считающего, что исторический путь народов России и РБ отличается, будет постоянно расти.

Нынешний житель российско-белорусского приграничья значительно отличается во взглядах на жизнь от жителя недавней поры. Причем трансформации в сознании происходят очень быстро, даже быстрее, чем в материальной сфере.

Отношения между Россией и РБ в рамках союзного государства минимизируют сдерживающую функцию государственной границы, пролегающей между странами, так как в рамках единого таможенного пространства исчезают ограничения на перемещение через границу товаров, населения, капиталов.

Современное существование Союзного государства и единого таможенного пространства дает возможность говорить о формировании особой территориальной общности – трансграничного региона в составе шести приграничных областей.

Однако анализ экономического, социального и демографического развития приграничных районов двух стран в настоящее время позволяет делать утверждение о возникновении глубоких проблем в российско-белорусском приграничье. Тенденции демографического развития здесь более сложные, чем в других макрорегионах России и Беларуси. Граница, несмотря на принятие положительных мер по развитию трансграничных связей, повышению «прозрачности» и «мягкости», по-прежнему активно выполняет сдерживающую функцию.

Приграничные с РБ районы Российской Федерации так и не смогли реализовать преимущества своего географического положения. Более того, они все больше становятся типичными периферийными районами, в которых экономическая депрессия сочетается с социальной, где происходит разрушение внутренних и внешних связей, опорного каркаса расселения.

В экономической науке не сформирован пока единый подход к содержанию и методике построения моделей, комплексно оценивающих реальный уровень состояния человеческого капитала для ТЕН разного иерархического уровня. Исследования в этом направлении находятся на стадии разработки и апробации

различных моделей, метрик и мер аттестации регионального развития, создание на их основе экспериментальных методических схем для межрегиональных (межмуниципальных) сопоставлений и кластеризации ТЕН по состоянию их человеческого капитала. В измерениях широко применяются различного рода балльные оценки, ранги, частные и сводные рейтинги, индексы, экспертные оценки и другие порядковые меры. В последнее время повышенное внимание уделяется многомерным рейтинговым оценкам, позволяющим оценивать уровень развития различных ТЕН и динамики в сопоставимой форме – в виде скалярной величины. В основе построения таких многомерных рейтингов лежат специального вида свертки частных индикаторов, характеризующих важнейшие аспекты регионального развития на базе определенных наборов первичных социально-экономических показателей, регистрируемых социальной статистикой [31, с. 146].

Спектр предложенных концептуальных схем и методик многомерного рейтингового анализа регионов достаточно широк, однако они малопригодны в качестве инструментов рейтингового мониторинга регионального развития страны либо в силу сложности применяемых методов, либо ввиду субъективности предложенных методик, отсутствия обоснования их корректности и оценок достоверности полученных на их основе результатов межрегиональных сопоставлений.

Показатели, характеризующие состояние человеческого капитала с учетом стадий его формирования, распределения и использования, одновременно отражают достижения в социальной сфере и успехи экономического роста. При этом необходимым условием для измерения, анализа и агрегирования этих показателей является их количественная определенность. В связи с этим разработка научного обоснования методов и результатов исследований по вопросам данной проблематики представляет собой актуальную задачу. Практическая значимость темы исследования обусловлена необходимостью удовлетворения потребностей органов управления различного уровня (федерального, регионального, местного самоуправления) в точной информации, позволяющей оценить эффективность социально-экономической политики, направленной на повышение уровня и качества жизни населения.

Многоаспектность понятия «человеческий капитал» обуславливает ее изучение учеными самых разных научных направлений (история, демография, социология, медицина, экономика и др.).

Вопросы теории, методологии и практики исследования человеческого капитала, включая различные аспекты развития

демографических процессов, направления институциональных преобразований в экономике отражены в трудах таких ученых, как М. Блауг, А. Боярский, Г. Бэккер, Д. Валентей, А. Вишневский, Н. Зубаревич, Р. Лэйард, Дж. Минцер, Т. Шульц и других.

Как отмечает Марк Блауг: «Концепция человеческого капитала, или “твердое ядро” исследовательской программы человеческого капитала, заключается в идее, что люди тратят на себя ресурсы различным образом – не только для удовлетворения текущих потребностей, но и ради будущих денежных и неденежных доходов. Они могут инвестировать в свое здоровье; могут добровольно приобретать дополнительное образование; могут тратить время на поиск работы с максимальной возможной оплатой вместо того, чтобы соглашаться на первое же попавшееся предложение; могут покупать информацию о вакансиях; могут мигрировать, чтобы воспользоваться лучшими возможностями для занятости; наконец, они могут выбирать низкооплачиваемую работу с более широкими возможностями для обучения вместо высокооплачиваемой работы без каких либо перспектив развития» [18, с. 318].

Существенное значение для определения места миграции и оценки ее влияния на стадиях формирования, распределения и использования человеческого капитала имеют работы В.И. Переведенцева, Л.А. Рыбаковского, Ж.А. Зайончковской, А.П. Катровского, Т.С. Плехановой, Н.С. Мкртчяна и других.

Отдельные аспекты, связанные с измерением качественных признаков изучаемых объектов в исследованиях социально-экономических процессов, рассмотрены в работах зарубежных ученых, среди которых К. Джинни, Л. Закс, М. Дэйвисон, М. Холлендер, Э. Маленво, П. Фишберн, У. Торгерсон, Д. Стимсон, Р. Экенроде, М. Найтенгейл, Б. Рознер и другие.

При этом в международной и отечественной практике для оценки дифференциации регионов по состоянию человеческого (интеллектуального) капитала единый комплексный показатель (критерий) отсутствует. Вместе с тем особое значение приобретают исследования состояния человеческого капитала на уровне муниципальных образований, статус которых значительно изменился за последнее десятилетие. Однако вопросы количественного измерения состояния человеческого капитала применительно к муниципалитетам с учетом региональных особенностей, а также с учетом определения направлений гармонизации региональной и муниципальной статистик и обеспечения в дальнейшем межрегиональных и межмуниципальных сравнений состояний человеческого капитала остаются недостаточно разработанными.

Если взглянуть через призму актуальных сегодня тенденций – уменьшения рождаемости, депопуляции, старения населения, становится очевидным уменьшение трудовых ресурсов в России и Беларуси. Существенно повлиять на складывающуюся неблагоприятную ситуацию может только проведение в жизнь системной, научно обоснованной семейной политики, ориентированной на воспроизводство и формирование человеческого капитала. В связи с этим нами была предложена методика расчета показателя, характеризующего миграционную привлекательность отдельного региона [31, с. 154].

Для проведения классификации муниципалитетов Смоленской области (см. рис. 1.4) нами рассчитан индекс миграционной привлекательности $I_{МП_{\text{мо}}}$ по j -му муниципалитету i -ой ТЕН:

$$I_{МП_{\text{мо}}} = \frac{МП_{ij}}{N(P_{\text{мо}})_{ij}}, \quad (2)$$

где: $МП_{ij}$ – муниципальный продукт по j -му муниципалитету i -ой ТЕН,

$N(P_{\text{мо}})_{ij}$ – доля населения j -го муниципалитета в общем населении i -ой ТЕН.

Рис. 1.4. Административно-территориальное деление Смоленской области и ее географическое положение

Таблица 1.3

Индексы $I_{МПРМО}$ муниципалитетов Смоленской области
за 2020 год

№ п/п	Название МО	$I_{МПРМО}$	№ п/п	Название МО	$I_{МПРМО}$
1	2	3	4	5	6
1	Смоленск	2,4	15	Новодугинский	1,0
2	Десногорск	4,7	16	Починковский	1,2
3	Велижский	0,8	17	Рославльский	1,0
4	Вяземский	1,8	18	Руднянский	0,9
5	Гагаринский	1,6	19	Сафоновский	1,5
6	Глинковский	0,9	20	Смоленский	1,1
7	Демидовский	0,9	21	Сычевский	1,1
8	Дорогобужский	2,1	22	Темкинский	0,6
9	Духовщинский	0,9	23	Угранский	0,9
10	Ельнинский	0,7	24	Хиславичский	0,8
11	Ершичский	0,8	25	Холм-Жирковский	1,7
12	Кардымовский	0,8	26	Шумячский	0,8
13	Краснинский	0,8	27	Ярцевский	1,1
14	Монастырщинский	0,9			

- среднее значение $I_{МПРМО}$ (среднеобластной уровень) по рассматриваемой совокупности составляет 1,3. При этом 76% муниципалитетов Смоленской области имеют значения $I_{МПРМО}$ ниже среднего и, следовательно, являются наименее привлекательными для мигрантов.
- высокая неоднородность ($V_{\sigma} = 65,6\%$) распределения муниципалитетов по индексу $I_{МПРМО}$ обосновывает необходимость применения в сравнительном анализе в качестве надежной характеристики средней – медианы ($Me = 0,9$) [31, с. 150].

В результате расчетов, которые представлены в табл. 1.3 [74, с. 134] и на основе сравнительного анализа данных по муниципалитетам Смоленской области нами были сделаны следующие выводы: в целом по Смоленской области на начало 2021 г. наиболее привлекательным для мигрантов является Десногорск ($I_{\text{МПР}_{\text{мо}}} = 4,7$) – один из центров атомной энергетики в ЦФО. «Аутсайдер» – Темкинский муниципальный район ($I_{\text{МПР}_{\text{мо}}} = 0,6$), отставание которого в основном обусловлено такими факторами, как нестабильная работа предприятий агропромышленного комплекса, высокая смертность населения трудоспособного возраста (особенно среди мужчин), отрицательное сальдо миграции и др. [31, с. 148].

Представляет интерес исследование распределения муниципалитетов Смоленской области по индексу $I_{\text{МПР}_{\text{мо}}}$ в экономико-географических группах:

- *муниципалитеты с центром – городом районного подчинения и городские округа* (районы Сафоновский, Рославльский, Вяземский, Ярцевский и города Десногорск, Смоленск);
- *муниципалитеты, имеющие городское и сельское население* (районы Гагаринский, Дорогобужский, Ельнинский, Велижский, Демидовский, Духовщинский, Починковский, Руднянский, Сычевский, Холм-Жирковский, Монастырский, Кардымовский, Краснинский, Хиславичский, Шумячский);
- *муниципалитеты, имеющие только сельское население* (районы Ершичский, Глинковский, Новодугинский, Смоленский, Угранский, Темкинский) [74, с. 234].

Результаты группировки представлены в нижеследующей табл. 1.4.

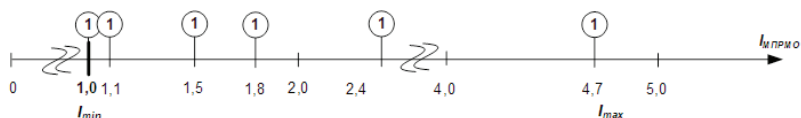
Таблица 1.4

Характеристики распределения муниципалитетов
по $I_{МПРМО}$

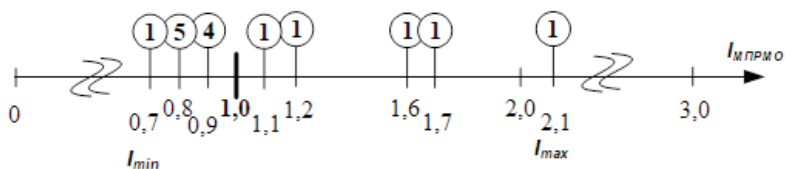
Показатель	Группы			Смоленская область в целом
	МО с центром – городом областного подчинения и городские округа; 1-я группа	МО, имеющие городское и сельское население; 2-я группа	МО, имеющие только сельское население; 3-я группа	
Муниципалитет-«лидер»	Десногорск ($I_{МПРМО} = 4,2$)	Дорогобужский ($I_{МПРМО} = 2,1$)	Смоленский ($I_{МПРМО} = 1,1$)	Десногорск ($I_{МПРМО} = 4,2$)
Муниципалитет-«аутсайдер»	Ярцевский ($I_{МПРМО} = 1,1$)	Ельнинский ($I_{МПРМО} = 0,7$)	Темкинский ($I_{МПРМО} = 0,6$)	Темкинский ($I_{МПРМО} = 0,6$)
Число МО	6	15	6	27
$\bar{x}$	2,1	1,1	0,9	1,3
Me	1,7	0,9	0,9	0,9
$V_{\sigma}, \%$	66,2	38,6	19,4	65,6
Качественная оценка межмуниципальной дифференциации	Неоднородная совокупность	Неоднородная совокупность	Однородная совокупность	Неоднородная совокупность

Распределение ТЕН по оценочным шкалам для трех экономико-географических групп представлено на рис. 1.5: а) – в). При этом за точку отсчета в соответствии с формулой (2) принята единица – «1». [31, с. 152].

а) 1-я группа «Муниципалитеты с центром – городом районного подчинения и городские округа»

б) 2-я группа «Муниципалитеты, имеющие городское и сельское население»

в) 3-я группа «Муниципалитеты, имеющие только сельское население»

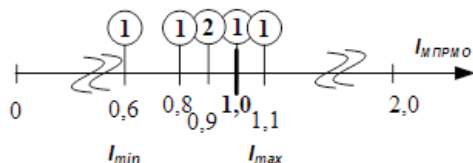

Рис. 1.5. Распределение муниципалитетов Смоленской области по индексу $I_{МПРМО}$ в экономико-географических группах [31, с. 152]

Как видно из рис. 1.5, смещение распределения муниципалитетов относительно единицы вправо наблюдается только в экономико-географической группе, в которую вошли *муниципалитеты с центром – городом районного подчинения и городские*

округа, что свидетельствует о доминировании высоких значений индекса $I_{\text{МПР}_{\text{мо}}}$ в выделенных ТЕН.

В остальных экономико-географических группах наблюдается смещение распределения муниципалитетов относительно единицы влево, что указывает на преобладание низких значений индекса $I_{\text{МПР}_{\text{мо}}}$ в выделенных ТЕН [31, с. 153].

Сравнительный анализ муниципалитетов Смоленской области по выделенному критерию – индекс $I_{\text{МПР}_{\text{мо}}}$ показывает, что органам управления следует проводить постоянный мониторинг за ТЕН, входящими в «срединную» группу и группу «аутсайдеров». Своевременное выявление факторов, оказывающих дестабилизирующий эффект на стадиях формирования, распределения и использования человеческого капитала, будет способствовать приближению отстающих к «середнякам» и формированию группы лидеров за счет ТЕН «срединной» группы [31, с. 154].

1.3. Миграция интеллектуального потенциала в приграничном регионе

В современных условиях все большее количество занятых в производительной сфере людей связывает повышение эффективности своего труда с развитием их интеллектуальных способностей [11, с. 22]. В условиях неравенства в развитии отдельных российских регионов становится обычным явление, которое все чаще объясняется неравенством развития интеллектуального потенциала в данных регионах. Поэтому важное практическое значение приобретает оценка интеллектуального потенциала регионального развития. Проблеме взаимосвязи экономического роста и величины человеческого капитала посвящены многочисленные работы отечественных и зарубежных исследователей [11; 17; 20; 83; 87; 88]. Главный их смысл состоит в том, что в современных условиях приоритетными и наиболее перспективными представляются инвестиции в самого человека, т. е. в развитие образования и здравоохранения. Особое место занимают исследования, посвященные взаимовлиянию высшей школы и экономического развития [19; 20; 31; 40].

Мобильность человеческого капитала и региональное развитие. Для современной экономики, «основанной на знаниях», все большее значение приобретает интеллектуальная рабочая сила. Почему при относительной схожести географического положения, институтов и открытости одни регионы развиваются быстрее?

Нам представляется, что в качестве конкурентного преимущества отдельных регионов выступает наличие количественного приращения интеллектуального потенциала. Увеличение интеллектуального потенциала может стать источником инновационного развития, что в конечном итоге и станет важным конкурентным преимуществом. Низкая стоимость неквалифицированной рабочей силы перестает быть конкурентным преимуществом стран и регионов. В современных условиях наиболее конкурентоспособными становятся регионы, располагающие инновационными центрами, содействующими их развитию. Проблема состоит в том, что значительное региональное неравенство в интеллектуальном развитии становится источником усиления поляризации регионального развития, увеличения «разрыва между богатыми и бедными регионами» [31].

Разрыв регионов по уровню развития интеллектуального потенциала является весьма значительным. Так, например, в Москве, Санкт-Петербурге, Томской, Новосибирской областях, Республике Татарстан уровень интеллектуального потенциала по показателям: количество студентов вузов в расчете на 10 тыс. населения региона; финансирование отрасли «Образование» региона; результативность послевузовского образования региона и др. соответствует уровню развитых стран. Наиболее слаборазвитые регионы России, такие, как республики Тыва, Марий Эл, Ингушетия, сопоставимы со странами, имеющими низкий уровень социально-экономического развития, где, соответственно, отсутствует приращение интеллектуального потенциала [12, с. 47].

Подобный разрыв регионов России в развитии интеллектуального потенциала замедляет развитие всей страны. Кроме того, такая дифференциация не может не отражаться на состоянии региональных образовательных систем, уровне их ресурсного обеспечения и, соответственно, качестве образования. Это, с одной стороны, способствует нарастанию социально-экономического неравенства регионов, а с другой – инвестиционная привлекательность и возможность эффективного экономического роста во многом определяются уровнем профессионального образования населения [68, с. 37].

Вместе с тем недостаточно исследованными остаются вопросы регионального и межрегионального анализа состояния интеллектуального потенциала, отсутствует обобщенная картина состояния интеллектуального потенциала высшей школы региона и тенденций его развития в условиях развития инновационной экономики.

В настоящее время наиболее привлекательной является концепция развития интеллектуального потенциала, в которой интеллектуальное развитие человека рассматривается как основная цель и критерий общественного прогресса, а экономический рост – как средство его достижения. Под интеллектуальным потенциалом региона мы понимаем совокупность образовательного, научного, инновационного и культурного потенциалов, формируемых под влиянием широкого спектра исторически обусловленных (экономических, организационных, политических, этических, этнических) признаков региона [14, с. 98].

Для количественного сопоставления уровней социально-экономического развития регионов ООН разработала специальный показатель – индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), основными составляющими которого являются следующие равнозначные компоненты: долголетие, образование, доход.

В 2015 г. ИРЧП в России составил 0,778, что позволило РФ войти в группу стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала (57-е место из 188). Анализ составляющих ИРЧП позволяет увидеть, что такие высокие позиции Россия занимает благодаря индексу уровня образования. По этому показателю РФ находится на 49-м месте из 188 стран [13, с. 42].

Следовательно, развитие системы высшего образования, ее адаптация к потребностям экономики являются важнейшей задачей государства, поскольку именно современная и эффективная система образования остается основным источником формирования интеллектуального потенциала России, предпосылкой личной успешности и благосостояния людей [39, с. 37].

Квалифицированные трудовые ресурсы, характеризующиеся повышенной мобильностью, находятся в постоянном движении, т. е. происходит процесс так называемой интеллектуальной миграции из одного региона в другой. Миграция квалифицированных специалистов обусловлена различным уровнем экономического и социального развития регионов. Интеллектуальные трудовые ресурсы переезжают в другие регионы, если там созданы благоприятные условия для более высокого материального вознаграждения, существуют широкие возможности для творчества и саморазвития, более комфортные бытовые условия и др. Интеллектуальная миграция, в отличие от миграции неквалифицированных кадров, характеризуется тем, что регион, теряя наиболее квалифицированную рабочую силу и «креативный класс», ухудшает инвестиционный климат, свое сегодняшнее положение, теряет перспективы развития в будущем [18, с. 33].

Под интеллектуальной миграцией мы понимаем процесс территориального перемещения высококвалифицированных трудовых ресурсов с целью поиска лучших возможностей для реализации своего интеллектуального потенциала. Отток интеллектуальной элиты снижает уровень интеллектуального потенциала региона и увеличивает этот показатель в принимающем регионе. В свою очередь интеллектуальный потенциал региона является основой для обеспечения устойчивых темпов экономического роста. В этих условиях наращивание интеллектуального потенциала превращается в важнейшую стратегическую задачу регионального развития [15, с. 77].

Существует несколько направлений региональной политики, нацеленной на рост интеллектуального потенциала. Одним из наиболее эффективных направлений представляется увеличение инвестиций в систему высшего и послевузовского образования.

Ядром любой системы образования, как источника знаний и основы формирования интеллектуального продукта, является высшая школа. Именно она – тот исторически сформировавшийся социальный институт, цель функционирования которого связана с наследованием, накоплением и воспроизводством научных знаний, культурных ценностей и нравственных норм поведения людей в любом обществе, в любой экономической системе. Но роль современной высшей школы не ограничивается только воспроизводством нового знания, она, продвигая современные технологии, также выполняет важную инновационную роль [11, с. 124].

В настоящее время высшая школа в России находится в периоде трансформации. Это связано прежде всего с переходом от индустриального к постиндустриальному типу социально-экономического развития, или информационной экономике, где основным фактором процесса производства являются новые знания. С их помощью и создается самый востребованный в современном обществе продукт – интеллектуальный.

В данный период возрастает роль высшей школы, особенно ведущих университетов, способных играть роль драйверов инновационного регионального развития [14, с. 101], на что указывал Б. Морган [101, р. 66].

Определенный интерес представляет комплекс факторов формирования интеллектуального продукта региона, к которым относятся:

1. Высокообразованная рабочая сила, характеризующаяся такими показателями, как масштабы подготовки бакалавров, ма-

гистров, темпы роста числа студентов вузов в регионе, качество образования, уровень жизни населения региона и др.

2. Нематериальные активы, характеризующиеся такими показателями, как уровень интеллектуального потенциала региона, уровень интеллектуальной миграции и др.

3. Инновационное инвестирование, характеризующееся такими показателями, как доля финансовых ресурсов, вложенных в инновации в регионе, удельный вес инновационного инвестирования в регионе и темпы его роста.

В современных условиях перспективы развития региона могут осуществляться через значительное увеличение его интеллектуального потенциала. Прежде всего это может быть достигнуто за счет создания и функционирования региональной системы подготовки специалистов высшей квалификации для работы в сфере интеллектуального производства. Несомненно, что при достижении этой цели основная нагрузка ложится на высшие учебные заведения, НИИ и другие научные организации, так как именно они способны подготовить интеллектуальные ресурсы для производственной деятельности [16, с. 38]. В связи с этим возрастает важность в разработке и обосновании методики оценки интеллектуального потенциала региона, как ключевого фактора создания инновационной экономики региона.

Система оценки интеллектуального потенциала региона включает в себя образовательный, научный, культурный и инновационный критерии [12, с. 48]. В данном исследовании мы опираемся на критерии образовательного и научного потенциалов региона, которые выражаются следующими показателями: обеспеченность населения образовательными услугами высшего образования, результативность послевузовского образования, уровень образованности населения.

Для оценки интеллектуального потенциала региона авторами предложена методика, в которой основной акцент сделан на высшее и послевузовское образование, поскольку именно в этой сфере осуществляется подготовка профессиональных кадров, являющихся основой регионального инновационного развития.

В качестве объектов оценки интеллектуального потенциала нами предложены Владимирская, Брянская, Рязанская, Тверская, Костромская и Смоленская области, имеющие одинаковые показатели по социально-экономическим характеристикам: размеру территории, количеству населения, среднедушевым доходам, структуре региональной образовательной системы и др.

Предлагаемая методика определяет оценку интеллектуального потенциала региона в два этапа. На первом этапе отбираются и анализируются количественные показатели. Обеспеченность образовательными услугами высшего образования – показатель, определяющий численность студентов вузов в регионе на 10 000 чел. населения. Он важен для интегральной оценки интеллектуального потенциала региона и как показатель привлекательности вузов для потенциальных абитуриентов (количество студентов вузов в регионе), и с точки зрения оценки доступности высшего образования в регионе (количество вузов, наличие и число бюджетных мест, стоимость платного обучения).

Результативность послевузовского образования – не менее важный показатель, отражающий численность защитившихся аспирантов на 100 000 чел. населения, так как именно сфера научного труда составляет основу интеллектуального потенциала региона. В настоящее время региональная экономика ориентирована на инновационное развитие, и в числе показателей инновационной активности территории выделяют долю научно-исследовательских подразделений и организаций, участвующих в создании инновационной продукции. Рассматриваемый показатель может быть, по нашему мнению, оценен как показатель интеллектуального потенциала инновационного развития региона.

Профессиональная образованность населения региона – показатель наличия высшего образования у трудоспособного населения региона. Данный показатель определяет долю трудоспособного населения региона, имеющего высшее образование, в общем количестве трудоспособного населения территории [14, с. 98].

На втором этапе пронормированные по максимальному значению показатели суммируются, после чего определяется интегральный показатель уровня интеллектуального потенциала региона, как их среднеарифметическое значение.

Полученный интегральный показатель позволяет ранжировать регионы по уровню интеллектуального потенциала и вырабатывать стратегические решения по развитию данного потенциала в условиях инновационной экономики.

Таким образом, в исследуемых регионах ЦФО очевидна региональная дифференциация по уровню развития интеллектуального потенциала. В частности значение итогового показателя во Владимирской области – 32,48%, что свидетельствует о высоком уровне интеллектуального потенциала. В структуре данного

показателя наибольший удельный вес занимает результативность послевузовского образования, что говорит о высоком потенциале инновационного развития региона. В Тверской области итоговый показатель составляет 21,2% и является самым низким среди анализируемых регионов, т. е. проигрывает по всем представленным показателям. В этой ситуации необходимо принимать решение по усилению позиций данной области в сфере образовательной обеспеченности и научной результативности в условиях ограниченных ресурсов.

К числу регионов с высоким уровнем интеллектуального потенциала можно отнести Смоленскую область. По интегральному показателю Смоленская область занимает 2-е место среди исследуемых регионов и 26-е – среди регионов России. Такой уровень интеллектуального потенциала объясняется высокой степенью образованности населения региона (39,75% трудоспособного населения имеют высшее образование). Это связано с доступностью образовательных услуг как с позиции развитой сети высших учебных заведений, так и с разнообразием предложений по программам дополнительного профессионального образования и профессиональной переподготовки. Вместе с тем следует обратить внимание на низкий показатель результативности послевузовского образования в Смоленской области (11 защит диссертаций на 100 тыс. чел. населения). Усиление позиций в этой сфере позволит региону повысить уровень интеллектуального потенциала и приблизиться в рейтинге к регионам-лидерам (Томская, Новосибирская области и др.).

Учитывая взаимосвязь уровня образования и социально-экономического развития регионов, можно сказать, что регионы-аутсайдеры изначально обречены на отставание в развитии. Получается замкнутый круг. Отсутствие в регионах развитых систем образования вынуждает молодежь уезжать учиться в другие регионы. Получив образование, специалист редко возвращается назад, так как стремится устроиться на престижную работу и улучшить условия своей жизни. В результате происходит миграция внутри страны, когда население из менее экономически развитых регионов перемещается в более развитые. Это в конечном счете и приводит к таким колоссальным разрывам в социально-экономическом развитии регионов России. Представленная методика позволяет выявить различия в уровне интеллектуального потенциала регионов и разработать мероприятия, направленные на создание условий их сбалансированного социально-экономического развития.

Рейтинг регионов ЦФО
по уровню интеллектуального потенциала, 2019 г.

№ п/п	Регионы (место в рейтинге)	Обеспеченность образовательными услугами высшего образования (число студентов вузов на 10 000 чел.)	Результативность последующего образования (численность защи- тившихся аспирантов на 100 000 чел.)	Профессиональная образованность населения региона (чел. на 10 000 чел. трудоспособного населения)	Интегральный показатель интеллектуального потенциала региона (% от населения региона)
1	Владимирская область (14)	31,68	19,94	45,83	32,48
2	Смоленская область (26)	35,86	11,01	39,75	28,87
3	Брянская область (34)	32,94	9,93	36,79	26,55
4	Костромская область (35)	26,02	14,65	34,75	25,142
5	Рязанская область (17)	26,46	12,92	42,71	27,36
6	Тверская область (49)	24,80	8,96	29,79	21,2

Как видно из таблицы, численность экономически активного населения в большинстве регионов ЦФО России сокращается. Это прежде всего обусловлено естественной убылью населения, различиями в качестве жизни и, как следствие, миграцией, в первую очередь экономически активного населения. Люди в поисках лучшей работы и получения за это достойного вознаграждения, лучших условий труда стремятся в регионы с наиболее развитой структурой и инфраструктурой рынка труда. Для Центральной России – это Москва, где доля экономически активного населения с 2015 по 2019 г. выросла на 543,7 тыс. человек, в том числе за счет миграции из других регионов. В Смоленской области численность экономически активного населения за этот же период уменьшилась на 22,2 тыс. человек, в Брянской – на 13,2 тыс. человек, Калужской – на 10,3 тыс. человек, Тульской – на 6,3 тыс. человек [12, с. 401], а численность экономически активного населения с высшим и послевузовским образованием с 2015 по 2019 г. увеличивается, о чем свидетельствуют данные табл. 2. Это обусловлено прежде всего тем, что на современном рынке труда постоянно возрастает спрос на специалистов высшей квалификации, способных создавать интеллектуальные продукты и услуги.

Данный процесс имеет место во всех рассматриваемых регионах, однако его темпы отличаются. Более высокими темпами растет численность высококвалифицированной рабочей силы в Москве (рост за указанный период составил 22,8%) и Калужской области (9,3%), медленнее растет число экономически активного населения с высшим и послевузовским образованием в Брянской (0,3%) и Смоленской (5,8%) областях.

Необходимо также отметить, что увеличение доли трудовых ресурсов с высшей квалификацией в определенном регионе обусловлено не только потребностями регионального рынка труда в этой рабочей силе, но и потребностями межрегионального и международного уровня. В связи с этим эффективное развитие региональной системы высшего и послевузовского образования в современных условиях приобретает решающее значение при формировании интеллектуальных продуктов [16, с. 45].

Изменение численности высококвалифицированных трудовых ресурсов оказывает влияние на динамику валового регионального продукта. Соответственно увеличение численности экономически активного населения, в первую очередь с высшим образованием, с 2015 по 2019 г. в Москве позволил повысить ВРП на 19,3%. В целом по России не только Москва является «центром притяжения» высококвалифицированных трудовых ресурсов, это и Санкт-Петербург.

бург на Северо-Западе, Самара и Нижний Новгород в Поволжье, Екатеринбург на Урале, Красноярск и Новосибирск в Сибири, Владивосток и Хабаровск на Дальнем Востоке и многие другие крупные города. В условиях общей трудовой миграции из депрессивных регионов в более развитые и развивающиеся постоянно увеличивается доля «интеллектуальной миграции», что в современных условиях отрицательно сказывается на социально-экономическом развитии депрессивных регионов.

Результаты расчета коэффициента интеллектуальных ресурсов региона, т. е. потенциальных возможностей формирования интеллектуального продукта территории, представлены в табл. 1.6. Анализируя полученные результаты, можно сделать вывод об отрицательной динамике коэффициента интеллектуальных ресурсов в большинстве регионов Центральной России (Смоленская, Брянская, Калужская, Тульская области) и положительной динамике данного показателя в Москве, что обусловлено интеллектуальной миграцией между этими регионами.

Таблица 1.6

Коэффициент интеллектуальных ресурсов региона

Регион / Год	2015 г.	2017 г.	2019 г.
г. Москва	0,84	0,87	0,94
Смоленская область	0,64	0,63	0,67
Брянская область	0,63	0,61	0,65
Калужская область	0,73	0,71	0,74
Тульская область	0,61	0,60	0,60

Не только регионы зависят от наличия высшей школы, других институтов инновационного развития, но и само инновационное региональное развитие способно привлекать креативный класс, наиболее квалифицированную рабочую силу. Эффективная региональная политика в современных условиях неотделима от инновационного развития регионов.

Для обеспечения устойчивых темпов экономического роста, повышения уровня благосостояния населения, необходимо развивать региональную систему высшего и послевузовского

образования, ее структуру и инфраструктуру, т. е. формировать интеллектуальный потенциал региона, с одной стороны, а с другой – необходимо создавать благоприятные условия для удержания высококвалифицированной рабочей силы в своем регионе [16, с. 298]. Наивысшая обеспеченность ими имеет место в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирской, Нижегородской областях, Татарстане. С точки зрения теории центр-периферийного развития, данные субъекты представляют центр и внутреннюю российскую периферию. Наименьшая обеспеченность высококвалифицированной рабочей силой в Дагестане, Ингушетии, Калмыкии, Тыве, Карачаево-Черкесии, Чеченской Республике и ряде других регионов, которые в настоящее время являются периферией и нуждаются в большем внимании со стороны федеральных структур. Не решив проблемы обеспечения данных субъектов высококвалифицированными кадрами, трудно рассчитывать на их успешное инновационное развитие.

По нашим оценкам, отставание в развитии высшей школы часто показывает отставание в инновационном развитии [14, с. 98], что совпадает с результатами нашего исследования. В связи с этим необходимо констатировать, что для пропорционального пространственного развития российской экономики важное значение приобретает региональная политика в сфере высшего образования. Предложенный показатель и его результаты позволяют сравнивать и ранжировать между собой регионы по степени обеспеченности интеллектуальными ресурсами для инновационного развития производства, а также проводить анализ влияния факторов и показателей на формирование интеллектуального продукта региона.

Вместе с тем недостаточно исследованными остаются вопросы регионального и межрегионального анализа состояния интеллектуального потенциала; отсутствует обобщенная картина состояния интеллектуального потенциала высшей школы региона и тенденций его развития в условиях перехода к инновационной экономике, что по-прежнему подчеркивает актуальность данной проблемы [12, с. 41]. В настоящее время наиболее привлекательной является концепция развития интеллектуального потенциала, в которой интеллектуальное развитие человека рассматривается как основная цель и критерий общественного прогресса, а экономический рост – как средство его достижения. Под интеллектуальным потенциалом региона мы понимаем совокупность трудовых и информационных ресурсов, взаимодействующих с внешней средой, которые в процессе своего производительного потребле-

ния создают результаты интеллектуального труда (новые знания, технологии, продукты), способствующие повышению конкурентоспособности региона и обеспечивающие устойчивый экономический рост в постоянно изменяющейся внешней среде [14, с. 98].

Интеллектуальный потенциал региона мы рассматриваем как уровень определенных компетенций, измеряющий влияние знаний, умений и навыков на устойчивое экономическое развитие и повышение благосостояния населения региона [13, с. 39].

Однако, по-нашему мнению, для проведения более глубокого анализа интеллектуального потенциала региона в его оценку необходимо включить такой показатель, как доля расходов на образование и науку в валовом региональном продукте.

Для оценки регионального интеллектуального потенциала в исследовании основной акцент сделан на все ступени высшего образования, поскольку именно в этой сфере осуществляется подготовка профессиональных компетентных кадров, являющихся основой регионального инновационного развития [13, с. 38]. В качестве объектов оценки регионального интеллектуального потенциала и сравнительной характеристики уровня их социально-экономического развития, нами предложены Смоленская и Калужская области, которые, могут быть сопоставимы по определенным социально-экономическим характеристикам, а именно размеру территории, количеству населения, среднедушевым доходам, структуре региональной образовательной системы и др.

Оценка интеллектуального потенциала региона проводится в два этапа. На первом этапе отбираются и анализируются количественные показатели.

Обеспеченность образовательными услугами высшего образования – показатель, определяющий численность студентов вузов в регионе к количеству экономически активного населения региона. Этот показатель важен для интегральной оценки интеллектуального потенциала региона и как показатель привлекательности вузов для потенциальных абитуриентов (количество студентов вузов в регионе), и с точки зрения оценки доступности качественного высшего образования (количество вузов, наличие и число бюджетных мест, стоимость платного обучения). За 2015, 2017 и 2019 гг. по этому показателю анализируемые регионы имеют следующие данные: Калужская область в 2015 г. – 4,6%; в 2017 г. – 5,8%; в 2019 г. – 6,1%; Смоленская область – 8,9; 9,1; 8,8% соответственно [14, с. 102].

Результативность третьей ступени высшего (послевузовского) образования – не менее важный показатель, отражающий

численность защитившихся аспирантов к количеству экономически активного населения региона, так как именно сфера научного труда составляет основу его интеллектуального потенциала. В настоящее время региональная экономика ориентирована на инновационное развитие, и в числе показателей инновационной активности территории выделяют долю научно-исследовательских подразделений и организаций, участвующих в создании инновационной продукции.

Рассматриваемый показатель может быть, по нашему мнению, оценен как показатель интеллектуального потенциала инновационного развития региона, имеющего следующие данные за 2015, 2017 и 2019 гг.: Калужская область – 0,05%; 0,09%; 0,11%; Смоленская область – 0,1%; 0,11%; 0,11% [15, с. 76].

Профессиональная образованность населения региона – показатель наличия высшего образования у трудоспособного населения к количеству экономически активного населения региона. Данный показатель используется как ориентир, позволяющий сопоставить уровень интеллектуального потенциала разных регионов, например, в Калужской области за 2015 г. – 16,6%; за 2017 г. – 19,2%; за 2019 г. – 20,3%; в Смоленской области за 2015 г. – 17,6%; за 2017 г. – 17,8%; за 2019 г. – 18,1% [15, с. 75].

По «доле расходов на образование и науку в валовом региональном продукте» анализируемые регионы имеют следующие показатели: Калужская область: 2015 г. – 4,9% (ВРП в 2015 г. – 288 млрд руб.); 2017 г. – 6,1% (ВРП в 2017 г. – 318,4 млрд руб.); 2019 г. – 7,2% (ВРП в 2019 г. – 335,3 млрд руб.); Смоленская область: 2015 г. – 3,2% (ВРП в 2015 г. – 201 млрд руб.); 2017 г. – 2,4% (ВРП в 2017 г. – 215,3 млрд руб.); 2019 г. – 1,9% (ВРП в 2019 г. – 252 млрд руб.) [15, с. 73].

На втором этапе пронумерованные по максимальному значению показатели суммируются, после чего определяется интегральный показатель уровня интеллектуального потенциала региона (как их среднеарифметическое значение). Полученный интегральный показатель позволяет ранжировать регионы по уровню интеллектуального потенциала и вырабатывать стратегические решения по развитию данного потенциала в условиях инновационной экономики.

Анализируя полученные данные, можно сделать вывод, что интеллектуальный потенциал Смоленской и Калужской областей имеет разнонаправленные векторы развития. В Калужской области наблюдаются устойчивые тенденции наращивания интеллектуального потенциала прежде всего за счет увеличения расходов

на образование и науку в валовом региональном продукте с 4,9% в 2015 г. (14,1 млрд руб.) до 7,2% – в 2019 г. (24,1 млрд руб.), а также за счет роста профессиональной образованности экономически активного населения региона.

В Смоленской области также наблюдается рост основных показателей формирования интеллектуального потенциала, однако величина его интегрального показателя имеет тенденцию к снижению с 7,45% в 2015 г. до 6,05% – в 2019 г. Это прежде всего связано со снижением расходов на образование и науку в валовом региональном продукте с 3,2% (6,4 млрд руб.) до 1,9% (4,8 млрд руб.) соответственно. В Смоленском регионе наблюдается рост показателя «количество вузов в регионе», однако увеличение количества вузов не оказывает существенного влияния на рост интеллектуального потенциала области. Важно отметить, что с 2009 г. в Калужской области принята и успешно реализуется региональная программа «Человек – центр инвестиций», что позволило увеличить ВРП Калужской области с 2009 по 2019 г. в 3 раза.

Представленная оценка позволяет выявить различия в уровне интеллектуального потенциала регионов и разработать мероприятия, направленные на создание условий сбалансированного социально-экономического их развития.

Таким образом можно сделать вывод, что рост интеллектуального потенциала региона зависит от:

- 1) развития региональной системы профессионального образования, формирующей необходимый уровень компетенций;
- 2) эффективных условий привлечения специалистов в регион;
- 3) объемов финансирования образования и науки в регионе.

Таким образом, развитие интеллектуальных ресурсов региона будет способствовать формированию интеллектуального продукта территории, что позволит оценить положение субъекта на рынке интеллектуальных продуктов, его конкурентоспособность в этой области, а также даст возможность нахождения путей увеличения интеллектуального, инновационного потенциала региона, а значит и обеспечения устойчивых темпов его экономического роста.

Глава 2

Трансформация в хозяйстве, расселении и сознании населения в российских и белорусских регионах

2.1. Анализ и сопоставление показателей российско-белорусского приграничья с общегосударственными тенденциями

Для анализа и сопоставления показателей российско-белорусского приграничья с общегосударственными тенденциями необходимо рассчитать темпы роста реального ВВП России и Беларуси.

Удивительным, но не новым выглядит результат расчета в ценах 1992 г. (рис. 2.1). Так, Г.В. Ридевский указывает на несоответствие данных о ВВП Беларуси в республиканском и всесоюзном статистическом сборнике за 1990 год [70, с. 150].

По результатам проведенных им исследований можно говорить об искусственно созданной «низкой» базе, в три раза уступающей реальным показателям среднедушевого ВВП Беларуси 1990 г.

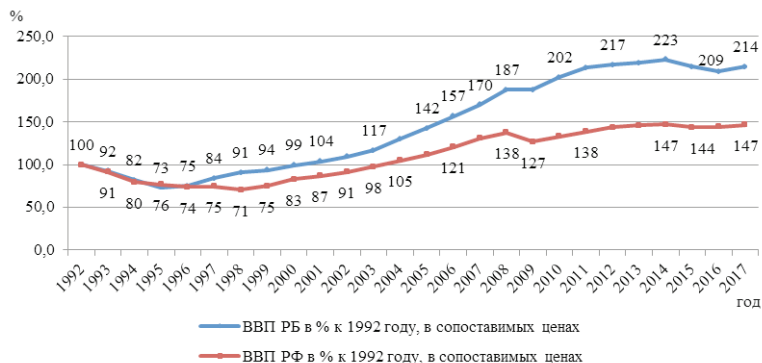

Рис. 2.1. Индексы динамики ВВП Беларуси и России
в сопоставимых ценах относительно уровня 1992 г., %

Проведенные расчеты, использующие в качестве базового 1992 г., также показывают результаты, требующие дополнительно подтверждения. За период с 1992 по 2017 г. реальный ВВП РБ вырос на 214%, в то время как реальный ВВП РФ увеличился на 147%. Тем не менее в данной главе не ставится цель подвергнуть сомнению статистические данные. Произведенные расчеты необходимы для получения базы сравнения, которая будет использоваться при сопоставлении с темпами роста ВРП регионов. Отметим, что приведение ВВП в сопоставимые цены осуществлялось с использованием индекса физического объема ВВП в постоянных ценах. При этом было установлено, что при приведении ВВП к ценам 1992 г. с использованием индекса-дефлятора для РБ получается аналогичный представленному на рис. 2.1 результат, а для РФ разница составляет более 30%, причем в сторону уменьшения. То есть при расчетах через индекс-дефлятор получается, что реальный ВВП РФ только в 2017 г. превысил значение 1992 г. и составил 112% от его уровня. В разных источниках индекс-дефлятор ВВП РФ имеет разные значения, что искажает расчеты, при этом индекс физического объема ВВП РФ в постоянных ценах более стабилен в различных статистических сборниках [67, с. 150].

Из рис. 2.1 видно, что реальный ВВП РБ начал расти с 1996 г., в то время как реальный ВВП РФ стагнировал до 1998 г., а рост начался лишь с 1999 г. В период с 1998 (после объявления РФ дефолта по ГКО) по 2008 г. (мировой финансовый кризис) экономика как РФ, так и РБ бурно развивалась, что привело к реальному увеличению ВВП РБ на 96%, а ВВП РФ на 67%. После кризиса 2008–2009 гг. экономика как РФ, так и РБ (хотя ВВП у Беларуси рос быстрее) не смогла набрать докризисные темпы роста, при этом ВВП РФ с 2014 г. (год введения санкций и очередного нефтяного кризиса) стагнирует.

Ключевой региональный показатель экономического развития регионов – ВРП – также был приведен в сопоставимые цены базового года и выражен в процентах.

ВРП в силу отсутствия данных в официальных статистических сборниках о регионах РБ был приведен в сопоставимые цены 2008 г. Данные о ВРП регионов Центрального федерального округа РФ (далее – ЦФО РФ) присутствуют в официальной статистике с 1995 г.

Рассмотрим темпы роста ВРП в ценах 2008 г. для некоторых регионов РБ и РФ. Для сравнительной оценки отобраны приграничные регионы, а также столицы и столичные регионы РБ и РФ (рис. 2.2) [67, с. 134].

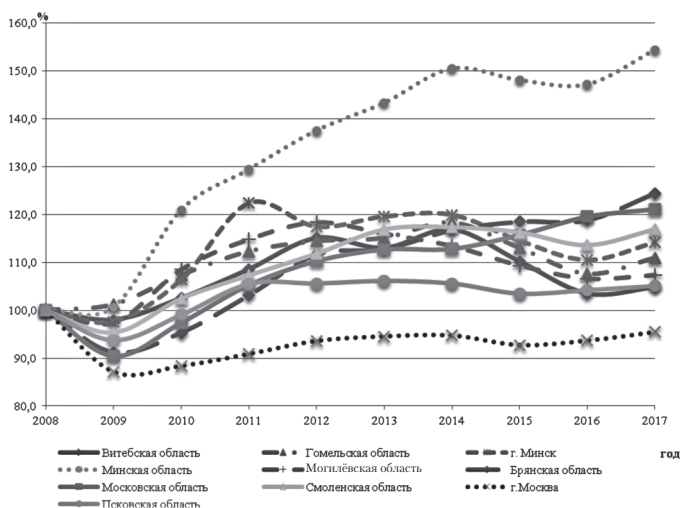

Рис. 2.2. Индексы динамики ВРП регионов России и Беларуси в сопоставимых ценах относительно уровня 2008 г., % (рассчитано на основе данных статистики)

Результаты расчетов показывают, что наименьшие темпы роста за период с 2008 по 2017 г. продемонстрировала Москва, индекс составил лишь 95,5%. Это означает, что данный регион не смог достичь уровня 2008 г. в сопоставимых ценах. Подтверждается вывод о том, что кризисные явления 2008 и 2014 гг. в большей степени затронули наиболее развитые регионы РФ. Тем не менее Московская область показала более солидные результаты, рост реального ВРП составил 21,1%. В регионе были созданы привлекательные условия для инвесторов, также стоимость земли и рабочей силы ниже, чем в Москве. Это стало катализатором роста региона на фоне стагнации столицы РФ [67, с. 134].

Схожая ситуация и в соотношении темпов роста реального ВРП Минской области и г. Минска. Экономика области показала рост в 54,4% к уровню 2008 г. в сопоставимых ценах за рассматриваемый период, в то время как экономика города выросла лишь на 14,2%. В Минской области расположен китайско-белорусский индустриальный парк «Великий камень», предоставляющий особые условия для развития бизнеса в регионе. Среди регионов российско-белорусского приграничья наибольший рост наблюдается

в Брянской области: 24,4% к уровню 2008 г. Брянская область имеет наиболее благоприятные условия для ведения сельскохозяйственной деятельности, а также граничит помимо Беларуси с Украиной, ухудшение отношений с которой по торгово-экономическому сотрудничеству пошло лишь на пользу регионам российско-украинской границы (рис. 2.3). Белгородская и Курская области не просто продолжили развитие после событий 2013/2014 года на Украине, но и ускорили темпы роста. В итоге к 2017 году они выросли в сопоставимых ценах 2008 г. на 52,6 и 33,9% соответственно. Воронежская область, имеющая меньший по протяженности участок российско-украинской границы, и находящийся на значительном удалении от границы г. Воронеж показали рост в 34,1% [67, с. 124].

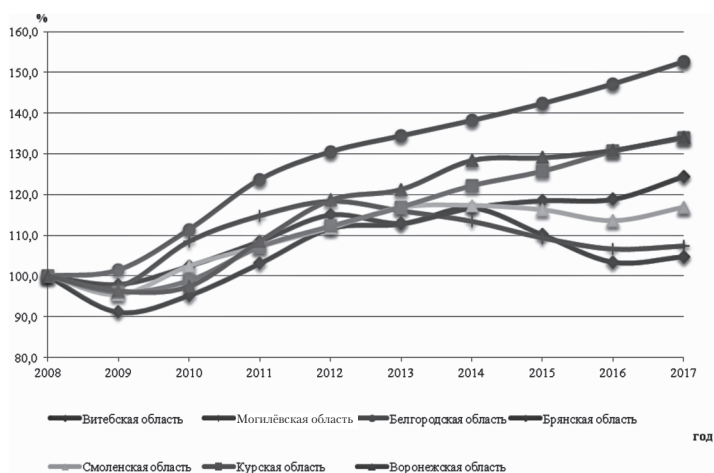

Рис. 2.3. Сравнение индексов динамики ВРП регионов российско-белорусского приграничья и регионов северо-восточного участка российско-украинской границы в сопоставимых ценах относительно уровня 2008 г., % (рассчитано на основе данных статистики¹)

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели 2018 г. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm (дата обращения 19.09.2019); Регионы Республики Беларусь. 2018. Т. 1. URL: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_10915 (дата обращения 19.09.2019).

Российско-белорусское приграничье значительно уступает в темпах роста реального ВРП в рассматриваемый период регионам российско-украинского участка границы. ВРП Смоленской области вырос на 16,8%, а в Могилёвской и Витебской – на 7,4 и 4,8% соответственно. Следует отметить, что низкие темпы роста показали как Гомельская (10,9%), так и Псковская (5%) области. Таким образом, среди регионов российско-белорусского приграничья наихудшие показатели роста реального ВРП у Витебской области, для развития которой уже недостаточно наличия крупного нефтеперерабатывающего завода, а Могилёвская область в основном нарастила ВРП за счет создания индустриального парка «Могилёв». На сегодняшний день в нем работают более 40 предприятий, в основном относящихся к обрабатывающей промышленности по классификации видов экономической деятельности.

Сопоставим темпы роста реального ВРП отдельно для регионов РБ и ЦФО РФ за доступный для анализа период (для РБ – с 2008 по 2017 г., а для РФ – с 1996 по 2017 г.). Цель сопоставления – выявить разницу между темпами экономического развития регионов, входящих в российско-белорусское приграничье, и темпами роста других регионов государств, резидентами которых они являются. Рассмотрим индекс динамики ВРП регионов РБ в ценах 2008 г. (табл. 2.1) [66, с. 104].

Наибольший рост реального ВРП к 2017 г. среди регионов Беларуси наблюдался в Минской области – 54% к уровню 2008 г. На втором месте – Гродненская область (рост на 22,6%), третья – Брестская область (рост на 17,3%), в Минске ВРП вырос на 14,2%, что позволило ему занять четвертое место. Наихудшие показатели у регионов российско-белорусского приграничья. В Гомельской области прирост составил 10,9% к уровню 2008 г., что несколько лучше, чем у регионов, входящих в российско-белорусское приграничье. Таким образом, за прошедшие 9 лет с 2008 по 2017 г. белорусские регионы российско-белорусского приграничья показали наихудшие результаты по стране. При этом ни разу за анализируемый период белорусские регионы российско-белорусского приграничья не имели годовых темпов роста реального ВРП больше, чем средние темпы роста по стране в целом за этот год.

Таблица 2.1

Динамика индекса ВРП регионов РБ
в сопоставимых ценах относительно уровня 2008 г., %

Регион / Год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Брестская область	100,0	100,6	112,0	114,2	115,6	117,5	119,9	114,1	113,3	117,3
Витебская область	100,0	98,0	102,5	108,6	115,1	113,0	116,8	110,2	103,5	104,8
Гомельская область	100,0	101,2	107,4	112,3	114,4	115,1	118,4	113,0	107,6	110,9
Гродненская область	100,0	101,4	108,4	114,6	118,8	123,1	128,8	121,3	119,3	122,6
г. Минск	100,0	97,7	106,4	122,4	117,5	119,6	119,9	114,5	110,5	114,2
Минская область	100,0	100,6	120,9	129,4	137,5	143,3	150,5	148,1	147,2	154,4
Могилёвская область	100,0	97,4	108,5	114,8	118,4	116,0	113,4	109,4	106,6	107,4
ВРП РБ	100,0	99,4	109,7	118,3	120,3	122,2	125,0	119,9	116,6	120,3

Примечание: рассчитано через индекс физического объема

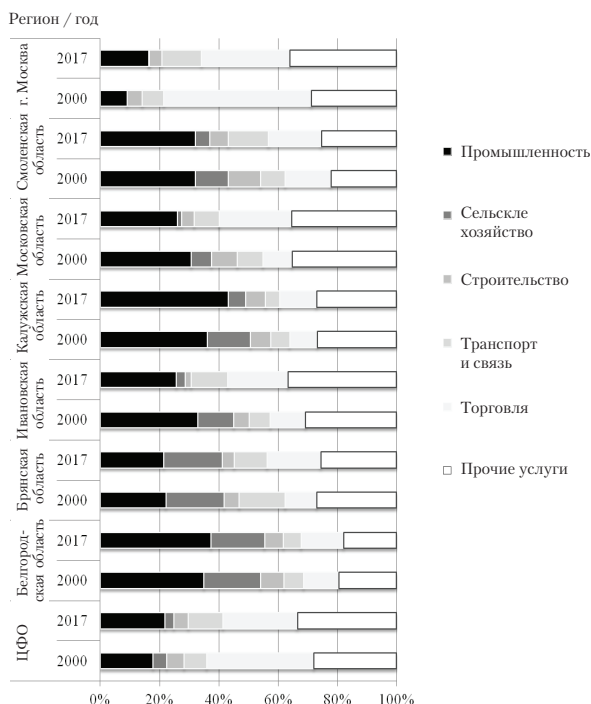

Рис. 2.4. Изменение структуры ВРП ряда регионов ЦФО в период с 2000 по 2017 г.²

Важно проанализировать, как изменялась структура ВРП регионов российско-белорусского приграничья в сопоставлении с регионами Республики Беларусь и ЦФО Российской Федерации, какие виды экономической деятельности были катализаторами роста. Однако сделать это достаточно сложно, отсутствуют данные о структуре ВРП в регионах РБ за большую часть анализируемого периода. В российской статистике данные по структуре ВРП составляются с 1999 г. При этом в течение анализируемого периода была отменена классификация отраслей и введен ОКВЭД. Для упрощения анализа и возможности провести сопоставления объединим виды экономической деятельности по отраслям в соответствии с классификацией 2000 г. (рис. 2.4) [66, с. 66].

²[Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm (дата обращения 21.03.2021).

Регионы ЦФО имеют разную структуру ВРП и разнонаправленную динамику его изменения. Лидер округа по росту ВРП – Белгородская область – характеризуется практически неизменной структурой экономики в 2000 и 2017 гг. Региону удалось равномерно развивать разные сферы экономики. При этом регион отличается наименьшей долей услуг в ВРП. Неизменной структура ВРП осталась также в другом приграничном регионе – Брянской области, однако это не позволило ей показать высокие темпы развития.

В приграничной Смоленской области структура ВРП несколько изменилась. Уменьшилась доля сельского хозяйства с 11,4% в 2000-м до 4,9% – в 2017 г., также практически вдвое сократилась доля строительства. Наибольшими темпами развивались сферы услуг и транспорта, которые стали локомотивами развития региона в этот период. Торговля выросла в структуре ВВП незначительно: на 2,2%. Такая динамика характерна для приграничного транзитного региона, торгующего ввозимыми из Беларуси и Европейского союза товарами, а также обладающего транспортно-логистическим потенциалом [74, с. 256].

Проведенный корреляционный анализ темпов роста ВРП регионов ЦФО и динамики его составляющих не выявил ярко выраженной зависимости (см. табл. 2.2).

Таблица 2.2

Корреляция между темпами роста ВРП
и изменением в структуре ВРП регионов ЦФО РФ

Период анализа	ВРП / пром.	ВРП / с/х	ВРП / строит.	ВРП / транспорт	ВРП / торговля	ВРП / услуги
2000–2017 гг.	0,12	0,60	0,25	–0,28	–0,21	–0,50
2010–2017 гг.	0,00	0,60	0,24	–0,58	–0,26	–0,39

Наибольшая положительная корреляция – между темпами роста ВРП и увеличением доли сельского хозяйства в структуре экономики. Действительно, рост экономики наиболее успешных, в том числе приграничных регионов ЦФО – Белгородской, Курской, Воронежской, Тамбовской областей – был обусловлен

развитием сельского хозяйства. «Аграрный рывок» связан как с удачным введением «контрсанкций», так и с автоматизацией ряда процессов в этой отрасли, что позволило сократить издержки и избавиться от европейских конкурентов.

Наибольшая отрицательная динамика в двух анализируемых периодах наблюдается в сопоставлении темпов роста ВРП и предоставления услуг, а также транспорта и связи. То есть сектор услуг не смог стать полноценной заменой утраченному производственному потенциалу регионов ЦФО. Это обусловлено сложностью контроля, а также измерения реального объема услуг, так как часть из них оказывают незарегистрированные самозанятые граждане. Например, в Москве популярна услуга сдачи жилой недвижимости в аренду, что позволяет некоторым удачливым владельцам большого жилого фонда хорошо зарабатывать и уходить как от статистического, так и от налогового учета. В результате статистически в данном регионе наименьшие темпы роста ВРП в период с 2008 по 2017 г. и наблюдаемый привлекательный уровень жизни в сравнении с другими регионами.

Единственным пристоличным регионом, показавшим темпы роста ВРП выше средних по ЦФО, стала Калужская область. Данный регион смог нарастить темпы промышленного производства и увеличить его долю с 36,1% в 2000 г. до 43,1% в 2017-м. Среди ключевых факторов, обусловивших сложившуюся ситуацию, можно выделить: эффективный региональный менеджмент, эффективные коммуникации с федеральными министерствами, создание благоприятной институциональной среды для работы отечественных и зарубежных инвесторов. Опыт и результаты Калужской области показывают, что пристоличное положение не всегда и не полностью лишает регион экономического потенциала [74, с. 256].

Структуру ВРП регионов Республики Беларусь можно проанализировать за период с 2010 по 2017 гг. (рис. 2.5).

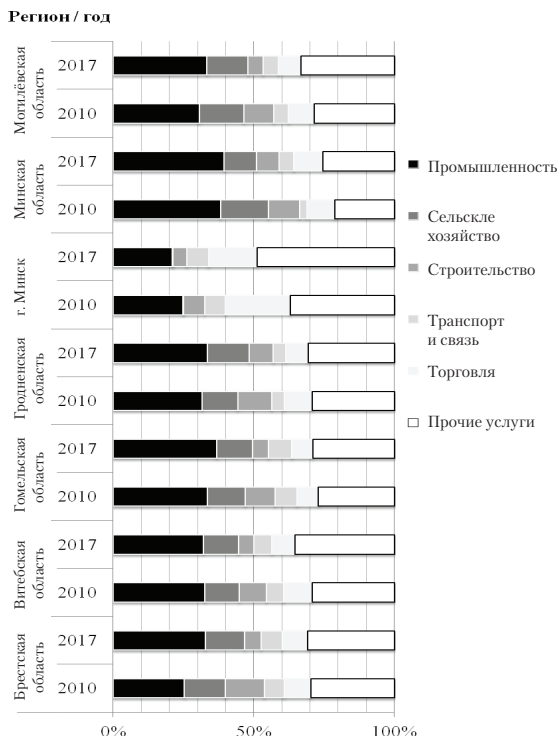

Рис. 2.5. Изменение структуры ВРП ряда регионов РБ в период с 2010 по 2017 г.³

Выявленные закономерности во многом схожи с изменениями структуры ВРП по регионам ЦФО РФ. Регион-лидер – Минская область – увеличил в структуре ВРП сектор услуг на 4,2%, а также незначительно в его структуре выросла промышленность на 1,2%. Второй по темпам роста регион – Гродненская область – увеличил в структуре ВРП промышленную и сельскохозяйственную составляющую на 1,7 и 2,4% соответственно. В целом для РБ характерно сохранение либо увеличение промышленности в структуре ВРП. Исключением являются г. Минск и Витебская область. Если для Минска данная ситуация схожа с московской,

³ Регионы Республики Беларусь. 2018. Т. 1. URL: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_10915 (дата обращения 19.09.2020).

когда из-за более высокой стоимости факторов производства логично размещать новые предприятия в Минской области или ином регионе, то Витебская область оказалась без внимания крупных инвесторов и не имеет привлекательных площадок для размещения новых производств. В Могилёвской области в связи с созданием индустриального парка «Могилёв» доля промышленности в ВРП выросла с 30,7 до 33,3%, и она обогнала по темпам экономического роста соседнюю Витебщину [66, с. 56].

Интересно, что наибольший рост промышленности в структуре ВРП РБ приходится на Брестскую и Гомельскую области – 7,4 и 3,2% соответственно. При этом регионы имеют разную специализацию. Брестская область улучшила показатели благодаря связанной цепочке сельскохозяйственной деятельности и продовольственной промышленности. Также сельское хозяйство развивалось по соседству в Гродненской области, что понижало цену на продукцию этой отрасли и, как следствие, создавало экономические стимулы для развития связанных перерабатывающих производств пищевой промышленности. Гомельская промышленность росла благодаря развитию отрасли специализации – нефтехимии.

Проведенный корреляционный анализ темпов роста ВРП регионов РБ и динамики его составляющих выявил достаточно яркую зависимость между ростом отрасли транспорта и связи и ростом экономики (табл. 2.3).

Таблица 2.3

Корреляция между темпами роста ВРП
и изменениями в структуре ВРП регионов РБ

Период анализа	ВРП / пром.	ВРП / с/х	ВРП / строит.	ВРП / транспорт	ВРП / торговля	ВРП / услуги
2010–2017 гг.	0,02	–0,71	0,31	0,9	0,35	–0,14

Таким образом, зависимость между темпами роста ВРП и изменением его структуры значительно различается по результатам анализа ЦФО РФ и регионов РБ. Транзитивность РБ в целом и регионов в частности, особенно Минской области (рост в структуре ВРП на 2,7%), поскольку через нее проходят потоки как с запада на восток, так и с юга на север (верно и обратное), подтверждается выявленной корреляционной зависимостью. Среди

регионов российско-белорусского приграничья наибольший рост транспорта и связи в структуре ВРП наблюдается в Смоленской области с 2010 г. (на 3,7% к 2017 г.) [75, с. 56].

Как в РФ, так и в РБ отмечается отсутствие корреляции между ростом производства в структуре ВРП и ростом самого ВРП. Это подтверждает вывод о том, что промышленность не является определяющим драйвером роста как в ЦФО РФ, так и в РБ. Тем не менее для некоторых регионов, например в РФ – Калужской, а в РБ – Брестской области, она остается значимой составляющей, позволившей нарастить ВРП. Также промышленность продолжает иметь значительный вес (до 45,7% ВРП) в структуре рассмотренных регионов и помимо значительных отчислений в бюджет создает большое количество рабочих мест.

Изменение структуры выпуска продукции областями российско-белорусского приграничья обусловлено факторами, связанными как с интеграционными процессами между РФ и РБ, так и с внутриэкономической конъюнктурой государств (табл. 2.4) [75, с. 76].

Таблица 2.4

Изменение структуры экономики областей
российско-белорусского приграничья с 2000 по 2017 г.

Регион приграничья	Год	Удельный вес производства по отдельному ВЭД в общем объеме промышленного производства, % к итогу
Смоленская область	2017	17,7% – производство, передача и распределение электроэнергии; 16,0% – производство металлургическое, готовых мет. изделий, а также производство машин и оборудования; 12,2% – производство пищевых продуктов, напитков и табака; 11,6% – производство химических веществ, продуктов и лекарственных средств; 8,7% – производство кокса и нефтепродуктов, а также резиновых и пластмассовых изделий; 7,8% – производство компьютеров, электронных, оптических изделий и электрического оборудования и др.
	2000	19,7% – машиностроение и металлообработка; 19,4% – электроэнергетика; 9,8% – химическая и нефтехимическая промышленность; 9,7% – пищевая промышленность; 4,8% – промышленность строительных материалов и др.

Окончание табл. 2.4

Регион приграничья	Год	Удельный вес производства по отдельному ВЭД в общем объеме промышленного производства, % к итогу
Витебская область	2017	41,7% – производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов; 17,1% – производство продуктов питания, напитков и табачных изделий; 13,3% – снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом; 6,7% – производство химических продуктов
	2000	44,1% – производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов; 17,1% – производство и распределение электроэнергии, газа, пара и горячей воды; 13,6% – производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака; 6,3% – химическое производство
	2017	24,6% – производство продуктов питания, напитков и табачных изделий; 18,9% – производство резиновых и пластмассовых изделий, прочих неметаллических минеральных продуктов; 8,6% – снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом; 8,3% – производство химических продуктов; 8,3% – производство машин и оборудования, не включенных в иные группы; 7,6% – производство из дерева и бумаги, полиграфическая деятельность и др.
	2000	19,8% – производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака; 16,8% – химическое производство; 12,2% – производство и распределение электроэнергии, газа, пара и горячей воды; 11,1% – текстильное и швейное производство; 10,8% – производство резиновых и пластмассовых изделий; 6,3% – обработка древесины и производство изделий из дерева и бумаги, издательская деятельность и др.
Могилёвская область		

Во всех регионах развита обрабатывающая промышленность, на ее долю в структуре промышленности приходится на 2017 г. более 85% всего производства (по видам экономической деятельности).

Следует отметить, что анализ и синтез структуры промышленности российско-белорусского приграничья в период с 2000 по 2017 гг. осложнен изменениями в нормативно-правовой базе

и методологии сбора статистических данных. Переход от отраслей к ОКВЭД вызвал дробление и изменение названий, что исключает возможность прямых сопоставлений.

Структура промышленности регионов российско-белорусского приграничья за период российско-белорусской интеграции не претерпела кардинальных изменений по видам экономической деятельности. Все регионы российско-белорусского приграничья нарастили производство в пищевой промышленности на 2–4%. Это обусловлено популярностью белорусских товаров на российском рынке из-за их невысокой стоимости при сопоставимом качестве. В Смоленской области крупные пищевые производства уступили место малым и средним предприятиям, быстрее адаптирующимся к предпочтениям в основном российского потребителя. Аналогично Витебской и Могилёвской областям продукция пищевой промышленности из Смоленской области активно экспортируется в другие регионы РФ. Также общим трендом российско-белорусского приграничья стало сокращение доли энергетики в структуре промышленности, хотя в Смоленской области по-прежнему она является отраслью специализации региона из-за наличия значительных мощностей по генерированию электроэнергии [75, с. 36].

Продолжили развитие российско-белорусского приграничья химическое и смежные с ним производства – лекарств, пластмасс и резины. В этих отраслях, в том числе благодаря иностранным инвестициям, смогли сохраниться крупные производства как на территории регионов РБ, так и в Смоленской области.

В Смоленской области объем отгрузки по отраслям машиностроения сократился, однако стали развиваться виды деятельности, связанные с производством компьютеров, электронных и оптических приборов, а также электрического оборудования. В регионе сохранился выпуск бакалавров и магистров по направлениям подготовки в сфере энергетики и информатики, в то время как машиностроение испытывает в регионе кадровый голод. Витебская и Могилёвская области, напротив, готовят кадры для машиностроения. В итоге в 2017 г. производство машин и оборудования нарастило свою долю в структуре промышленности Могилёвской области до 8,3% (против 7,9% в 2000 г.). Также в регионе сохранилось производство транспортных средств в размере 3% от общего объема промышленного производства.

Стоит отметить, что изменились тренды регионального развития экономики. Крупные промышленные предприятия Смоленской области перестали определять динамику улучшения

макроэкономических показателей региона. В 2014 г. в Смоленске был закрыт один из старейших заводов по выпуску молочной продукции – молочный комбинат «Смоленский» (бывший Смоленский молочный комбинат «Роса»). Тем не менее производство молочной продукции в регионе не исчезло, а стало развиваться в рамках малых и средних предприятий.

Отраслевые трансформации произошли вследствие насыщения смоленского рынка белорусскими товарами в условиях интеграции. Открытые границы и свободное перемещение товаров ухудшили конкурентные позиции смоленских производителей по различным видам экономической деятельности и заставили искать новые ниши рынка, в том числе за пределами российско-белорусского приграничья. В период с 2014 по 2017 гг. в Смоленской области закрыли несколько стекольных заводов, также имевших долгую плодотворную историю работы в течение десятков лет.

Не выдержали конкуренции с белорусскими производителями и другие представители пищевой промышленности Смоленской области: ОАО «САХКО» (кондитерская фабрика), «САОМИ» (макаронная фабрика), АО «Бахус» (ликероводочная фабрика), АО «Смолмясо» (мясная фабрика). При участии аффилированных с белорусскими организациями бизнес-структур обанкротился АО «Айсберг» (холодильное оборудование), который являлся крупным представителем обрабатывающей промышленности региона.

Таким образом в Смоленской области наблюдается сворачивание деятельности крупных промышленных предприятий, ведущих историю с советского периода. Устойчивыми остаются лишь заводы, включенные в контур предприятий оборонно-промышленного комплекса. Другие регионы российско-белорусского приграничья сохранили промышленную специализацию, характерную для 2000 г., однако это не способствует всецелому развитию их экономики [74, с. 46].

Новые производители реализуют стратегию широкой дифференциации, основанной на большом ассортименте специфичной продукции немассового производства. Такие товары (например, фермерский сыр) имеют большую добавленную стоимость по сравнению с производством товаров широкого потребления (например, молока). Крупные промышленные предприятия региона, реализующие конкурентную стратегию низких издержек и производства массового продукта, не могут противостоять белорусским производителям, так как стоимость сырья и рабочей силы в Беларуси ниже (табл. 2.5).

Таблица 2.5

Средняя номинальная заработная плата
в российско-белорусском приграничье, в долл. США

Год	Витебская область	Могилёвская область	РБ	Смоленская область	РФ
1992	9,3	10,3	9,4	–	22,0
2001	172,7	168,9	189,9	81,7	111,1
2010	366,0	366,0	408,8	477,8	689,7
2015	365,9	365,0	423,4	385,0	558,3
2017	355,8	357,4	421,7	450,2	671,2
2018	398,3	394,2	470,1	460,1	693,0

Динамика отраслевой структуры, темпы роста показателя ВРП важны для оценки экономической ситуации в российско-белорусском приграничье. Однако для более полной картины важно сравнить российско-белорусское приграничье с другими субъектами Центральной России и Республики Беларусь по душевому показателю ВРП. Для сопоставления регионов были рассчитаны показатели ВРП на душу населения (табл. 2.6) для периода 2008–2017 гг.

В 2008 г., когда мировая экономика вступила в очередной кризис, в Центральной России и в Республике Беларусь имела место значительная дифференциация по данному показателю. Лидер – г. Москва – почти в три раза превосходил Московскую область, в 3,8 раза – столицу Республики Беларусь, в 6,1 раза – Смоленскую область, которая в шестерке регионов российско-белорусского приграничья уступала Гомельской области. Минимальный душевой показатель ВРП среди регионов российско-белорусского приграничья был у Брянской области, которая в Центральной России уступала Москве по душевому ВРП в 7,6 раза. Кризис «отбросил» все регионы Центральной России по данному показателю в 2009 г. на 15–30%. Максимально «упала» экономика Москвы (32,9%). Спад в Смоленской области составил 18,6%. Масштабы спада в Республике Беларусь были меньшими, чем в регионах Центральной России: в Минске – на 18,4%, в Витебской области – на 15,5%. Витебская, Могилёвская и большинство других областей Беларуси достигли докризисного уровня лишь в 2012 г.

Таблица 2.6

Динамика ВРП на душу населения регионов РБ и РФ, в долл. США⁴

Регион / Год	2008	2010	2011	2012	2014	2015	2016	2017
Брестская область	4137	4182	3876	4160	5263	3661	3272	3868
Витебская область	4286	3996	4182	5030	5382	3787	3162	3501
Гомельская область	4903	4373	4554	5072	5873	4032	3324	3929
Гродненская область	4475	4122	4236	4676	6133	4104	3730	4284
г. Минск	7785	7156	8637	8403	10 298	7448	6752	7648
Минская область	6198	5365	6188	6481	8248	5903	4887	5768
Могилёвская область	4251	3974	3877	4299	5110	3626	3177	3651
г. Москва	29 643	23 892	29 144	28 654	27 176	17 894	17 200	21 560
Псковская область	4270	4272	5126	5228	4933	3416	3365	4088
Смоленская область	4845	5180	6270	6661	6308	4368	4132	5088
Брянская область	3882	3796	4689	5322	5106	3618	3444	4357
Калужская область	5939	6153	7923	9125	8375	5489	5492	7067
Московская область	9596	8491	10287	10762	9839	7092	7379	8692

Примечание: рассчитано по среднегодовому курсу рубля РФ и РБ к доллару США

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели – 2018 г. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm (дата обращения 19.09.2019); Регионы Республики Беларусь, 2018. Т. 1. URL: http://www.belstat.gov.by/oftsialnaya-statistika/publications/public_compilation/index_10915 (дата обращения 19.09.2019).

Быстрее других кризис преодолела экономика Минска. Уже в 2011 г. уровень 2008 г. был превышен на 10,9%. В Центральной России с восстановлением докризисного уровня справилась быстрее «более рыночная» экономика. В 2010 г. более половины субъектов, включая Смоленскую область, превысили уровень 2008 г. Из российских приграничных с Республикой Беларусь регионов успешнее других кризис преодолела Смоленская область, масштабы душевого производства в долларовом эквиваленте которой превысили уровень 2008 г. на 10,7%. Из 18 субъектов ЦФО в 2010 г. Смоленская область по душевому ВРП была на девятом месте, в 2011 г. – уже на одиннадцатом, в 2013-м – на десятом. Кризис 2014 г. коснулся фактически только российских регионов. Из 18 субъектов ЦФО ВРП на душу населения снизился у 16, в том числе в Смоленской области – на 13,8%. В 2015 г. спад производства охватил уже все регионы Центральной России, в большинстве из них, включая Смоленскую область, спад продолжился в 2016 г., по итогам которого с показателем 4132,5 долл. на душу населения область оказалась на 14-м месте. Ниже показатели были только у Брянской, Костромской, Ивановской и Тверской областей.

В 2015 г. кризис «перекинулся» на все регионы Беларуси. Снижение душевых показателей продолжилось в 2016 г. «Скованные одной цепью», все регионы российско-белорусского приграничья преодолели спад и перешли к росту только в 2017 г. Драйвером подъема выступили сервисные отрасли и сельское хозяйство. В 2017 г. из регионов российско-белорусского приграничья по показателю ВРП на душу населения (в долларах США) лидировала Смоленская область, она же занимала первое место во всем приграничье. Витебская и Могилёвская области являлись аутсайдерами как в Беларуси, так и во всем российско-белорусском приграничье. Отставание Смоленской области от Москвы несколько снизилось. Неравенство по душевому ВРП с 2008 по 2017 г. внутри Беларуси даже выросло. В 2017 г. Могилёвская и Витебская области уже более чем в два раза уступали Минску [66, с. 146].

Темпы экономического развития территории принято измерять рядом макроэкономических показателей. Одним из самых важных на уровне государства является ВВП, на региональном уровне – ВРП. Проведенное исследование показало, что в современных реалиях нормативно-правовой базы России и Беларуси, а также в результате использования органами статистики устаревших методик сбора информации говорить об экономическом

росте или снижении, опираясь только на динамику показателей ВВП и ВРП, некорректно. Как уже отмечалось выше, за период с 1992 по 2017 гг. реальный ВВП РБ вырос на 214%, в то время как реальный ВВП РФ увеличился на 147%, что представляется удивительным, учитывая общее изменение качества и уровня жизни населения двух государств. При этом регионы с наибольшим уровнем доходов населения и с наибольшим бюджетом среди проанализированных – города Минск (РБ) и Москва (РФ) – уступают по темпам роста реального ВРП более скромным по инфраструктуре и бюджету. Складывается тенденция, в том числе из-за цифровизации и технологической автоматизации, которая будет приводить к фиксации капитала в столичных регионах РФ и РБ. Так как в этих регионах зарегистрированы организации и расположены головные офисы государственных компаний, то налоговые сборы (в рамках региональной части) по налогу на прибыль и налогу на доходы физических лиц идут в столичные бюджеты. Являясь пристолчными, регионы российско-белорусского приграничья теряют человеческие ресурсы и капитал, что ухудшает их потенциал дальнейшего развития.

Наилучшие показатели по динамике ВРП за 2008–2017 гг. показали Московская (РФ), Минская (РБ), Белгородская (РФ), Тамбовская (РФ), Гродненская (РБ), Воронежская (РФ), Курская (РФ), Брестская (РБ) области. Первые два региона нарастили показатель благодаря выводу ряда производственных площадей из столицы для уменьшения себестоимости производства при сохранении инфраструктурной доступности к рынку сбыта. Остальные регионы развивались за счет роста производства в сельскохозяйственной и пищевой отраслях, составляющих вертикально-интегрированную структуру. Регионы российско-белорусского приграничья существенно не изменили долю промышленности в структуре ВРП. При этом в Смоленской области уменьшилась доля сельского хозяйства и увеличилась доля торговли. В Смоленской и Витебской областях растут транспортная и телекоммуникационная отрасли. Также в российско-белорусском приграничье развиваются отрасли услуг, относимые к различным видам экономической деятельности без четкой специализации [75, с. 146].

Появление новых предприятий в Смоленской области не приводит к значительному росту ВРП. В основном приходят крупные федеральные игроки, являющиеся резидентами Московского региона, следовательно, основная часть налоговых поступлений не попадает в региональный бюджет.

В российско-белорусском приграничье практически не изменилась отраслевая специализация в промышленности. Для Витебской и Могилёвской областей характерно сохранение крупных предприятий, начавших работу еще до получения Республикой Беларусь независимости. Это во многом объясняется значительной долей государственного сектора в экономике РБ в целом. В Смоленской области, как и в ЦФО РФ, происходит замещение крупных предприятий субъектами малого и среднего бизнеса. При этом производственные площадки, на которых в советское время находились заводы, превращаются в браунфилды, на которых развиваются малые и средние производственные организации. Они занимают ряд освободившихся ниш и экспортируют продукцию в регионы с более высокой покупательской способностью, среди которых Московская область и город Москва.

В Смоленской области снизилась доля ювелирной промышленности, транспортных средств и оборудования; значительно выросло производство резиновых и пластмассовых изделий [74, с. 146].

В 2015–2018 гг. в областях Беларуси, входящих в российско-белорусское приграничье, наибольшее развитие получили пищевое и нефтехимическое производства. Так, в Витебской области основную долю промышленности составляет производство кокса и нефтепереработки (выпускаются присадки к моторным маслам, смеси мастичные битумные, продукты химического синтеза).

Рассмотрим динамику численности населения в Смоленской, Витебской и Могилёвской областях (табл. 2.7).

Таблица 2.7

Динамика численности населения,
тыс. чел. (на начало года)

Год	Витебская область	Могилёвская область	Смоленская область
1992	1429,5	1254,8	1163,1
1995	1426,3	1244,6	1173,0
1998	1390,7	1222,1	1157,5
2001	1354,6	1197,1	1118,5
2004	1306,4	1160,2	1039,1
2007	1259,4	1123,6	1017,9

Год	Витебская область	Могилёвская область	Смоленская область
2010	1229,4	1097,2	993,0
2013	1208,0	1076,4	975,2
2014	1202,1	1072,6	967,9
2015	1198,5	1070,6	964,8
2016	1193,5	1067,6	958,6
2017	1187,9	1064,4	953,2
2018	1180,2	1058,7	949,3
2019	1171,5	1052,9	942,4

Источники: Федеральная служба государственной статистики (далее – Росстат), Национальный статистический комитет Республики Беларусь (далее – НСК РБ).

Динамика численности населения для рассматриваемых регионов отрицательная. Снижение численности населения в Витебской области с 1992 по 2019 г. составило 18%, в Могилёвской – 16,1%, в Смоленской – 19% (в Беларуси за данный период численность населения снизилась на 7,1%, в России – на 1,3%).

Такая ситуация характерна для большинства регионов России и Беларуси, исключая столичные. Основная причина – снижение рождаемости, например в Могилёвской области в 1990 г. родилось 13,3% детей на 1000 человек всего населения, а в 2018 г. – 9,8% детей на 1000 человек. Коэффициент смертности в 2018 г. составил 13,9% жителей на 1000 человек, он превышает коэффициент рождаемости в 1,4 раза. Также для региона характерна миграционная убыль населения (в 2018 г. – 1583 чел.), в основном миграция носит межобластной характер. Средний возраст населения составляет 40,6 года (за 2017 г.), что на 0,4 года больше, чем в среднем по стране.

В Витебской области в 2018 г. коэффициент смертности в 1,7 раза превышал коэффициент рождаемости, миграционная убыль (в основном межобластная) составила 1833 человека. Следует отметить, что в отличие от Могилёвской области некоторые годы на Витебщине характеризуются положительным миграционным приростом (2000, 2010, 2014). Общим является небольшой всплеск

рождаемости в 2012–2016 гг. на фоне роста количества браков в 2011–2015 гг., что говорит о более благополучном социально-экономическом состоянии в этот период для исследуемых регионов. Небольшое улучшение ситуации наблюдалось в 2014–2015 гг., когда в страну направился миграционный поток с Украины и частично из России и Казахстана, однако коренным образом это ситуацию не спасло. Население области считается самым старым по сравнению с другими регионами Беларуси, средний возраст в 2017 г. равен 41,7 года, что на 1,5 года больше чем в среднем по стране.

Сравнивая демографические процессы в Могилёвской и Витебской областях с Минской, можно отметить, что в последней хоть и наблюдается естественная убыль населения (в 2018 г. смертность превышала рождаемость в 1,3 раза), но имеется достаточно устойчивый миграционный прирост населения в основном за счет межобластной миграции.

Часть населения Беларуси мигрирует в Россию, в том числе и в Смоленскую область, так, в 2017 г. число прибывших из Беларуси на Смоленщину составляло 7515 человек, в 2018 г. – 5665 человек, это выше, чем миграционный поток из других стран. Больше половины этих мигрантов остаются в области [75, с. 106].

На сокращении численности населения в рассматриваемых регионах сказались и такие причины, как рост безработицы, особенно скрытой, падение уровня жизни людей, из-за чего и происходит миграция населения в более благополучные регионы страны. А 1990-е гг. характеризовались миграцией отдельных народностей и в другие страны (например, евреев – в Израиль).

В отличие от западноевропейских стран, в которых низкая рождаемость компенсируется за счет миграции, Беларусь не может рассчитывать на подобное из-за проблем в экономике, которые влияют на общее демографическое положение в стране. Стимулирующие меры, принятые в направлении увеличения рождаемости, перестали оказывать положительный эффект.

В Смоленской области также наблюдается естественная убыль населения, но по сравнению с 2000-ми годами она заметно снизилась (в 2000 г. естественная убыль составляла 13 человек на 1000 человек населения, в 2018 г. – 7,2 человека), смертность в 2018 г. превышает рождаемость в 1,9 раза. Миграционная убыль в регионе в последние годы невелика, в 2018 г. она составила 137 человек, хотя миграционный оборот в регионе выше, чем в Витебской и особенно в Могилёвской областях.

Таким образом, в отличие от белорусских соседних областей в Смоленской области численность населения снижается за

счет высокой смертности и малой рождаемости. В регионе растет доля населения старше трудоспособного возраста (в 2001 г. она составляла 23,5%, в 2018 г. – 28,4%). Средний возраст населения в регионе около 42 лет, что на 2 года больше, чем в среднем по России. По международным критериям население считается старым, если в регионе проживает более 7% населения 65 лет и старше, в Смоленской области таковых 16,1% [74, с. 16].

Смоленская область по демографическим показателям оказалась более регрессирующей по сравнению с Витебской и Могилёвской областями. Ее показатели также значительно отстают по сравнению с другими регионами России: в рейтинге регионов по демографии на 2019 г. она находится на 62-м месте (по данным агентства РиаРейтинг).

Можно предположить, что на демографические показатели в регионе влияет доход его жителей. Рассмотрим динамику средней заработной платы в регионе (табл. 2.8).

Таблица 2.8

Средняя номинальная заработная плата
в российско-белорусском приграничье, в долл. США

Годы	Витебская область	Могилёвская область	Беларусь	Смоленская область	РФ
1992	9,33	10,32	9,38	–	–
1995	60,13	62,14	65,66	67,04	103,63
1998	60,61	61,64	67,38	79,10	107,31
2001	172,74	168,91	189,92	81,71	111,05
2004	148,08	143,44	162,05	173,98	189,36
2007	292,23	299,78	326,27	373,83	563,78
2010	366,00	366,00	408,75	477,77	689,74
2013	507,82	511,01	575,67	642,02	935,44
2014	522,51	586,09	596,42	579,85	845,75
2015	365,93	365,02	423,35	385,00	558,25
2016	308,47	306,41	363,05	413,74	605,19
2017	355,78	357,39	421,69	450,18	671,21
2018	398,31	394,24	470,09	460,07	692,98

Источники: Росстат, НСК РБ.

По данным табл. 10, заметно небольшое различие между заработной платой в Витебской и Могилёвской областях и достаточно весомое – между этими регионами и заработной платой в среднем по Беларуси. Причем данное различие увеличивается: в 1995 г. разница в заработной плате в Могилёвской и Витебской областях по сравнению со средней по стране составляла около 9%, в 2010 – 11,7%, в 2018 – 18%. В Минске средняя заработная плата в 2018 г. составляла 645 долл. США, по сравнению с областями российско-белорусского приграничья Беларуси она больше на 64%. Закономерно, что жители этих областей мигрируют в столичный регион.

Данные по заработной плате в России за 1992 г. не приводятся из-за их некорректности, так как в этот период наблюдалась гиперинфляция и средняя заработная плата выросла за 1992 г. в 11 раз. Зарплата в Смоленской области в долларовом эквиваленте выше, чем в среднем в Беларуси. Но по сравнению со средним значением в России она отстает на 45–50%. Таким образом, дифференциация населения по заработной плате в России значительно выше, чем в Беларуси [74, с. 46].

Реальные располагаемые денежные доходы населения в Смоленской области начиная с 2014 г. постепенно падают (рис. 2.6).

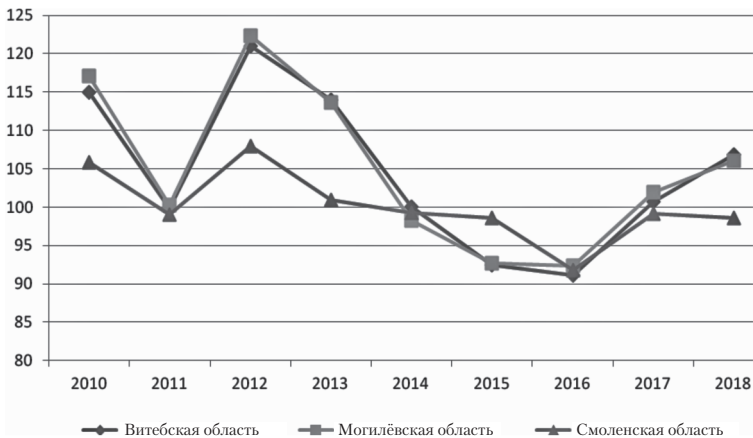

Рис. 2.6. Реальные располагаемые денежные доходы населения российско-белорусского приграничья, % к предыдущему году

В Смоленской области велика доля населения с доходами ниже прожиточного минимума: в 2017 г. – 16,3%, это самый низкий показатель в ЦФО РФ.

В Витебской и Могилёвской областях реальные доходы населения менялись приблизительно одинаково: в период с 2014 по 2016 гг. они снижались, а с 2017-го – начали расти. Данную динамику можно объяснить экономическим кризисом в Беларуси в 2015–2016 гг., когда наблюдался спад производства и замедление роста ВВП. Доля бедных (с доходом ниже прожиточного минимума), по данным статистики, в Витебской области составляет 7,1%, в Могилёвской – 7,5%. Хотя прожиточный минимум в долларовом эквиваленте в Беларуси около 80 долл., что более чем в 2 раза ниже, чем в России (172 долл.). При пересчете количество бедных в Могилёвской и Витебской областях составляет 15,3 и 16,1% соответственно, что соизмеримо со Смоленской областью.

Рассматривая структуру расходов населения российско-белорусского приграничья, можно сказать, что она одинакова для всех трех областей. Большая доля расходов приходится на продукты питания. В 2018 г. в Могилёвской области это 39,7% (в 2010 г. – 40,6%), в Витебской – 40,2% (в 2010 г. – 38,6%), в Смоленской – 39% (в 2010 г. – 32,6%). Около 30% составляют непродовольственные товары и около 23% – услуги. В столичных регионах жители меньше тратят на продукты питания и больше – на услуги и непродовольственные товары, структура потребления в них более однородна.

Для областей российско-белорусского приграничья характерна низкая рождаемость, высокая смертность, миграционный отток (особенно для белорусских областей), что привело к сокращению численности населения областей региона с 1992 по 2019 г. более чем на 16%. Этот показатель значительно ниже, чем в среднем по стране.

Номинальная заработная плата в российско-белорусском приграничье ниже, чем в среднем по стране: в белорусских областях – на 18%, в Смоленской – почти на 50%. Это показывает меньшую дифференциацию населения по доходам в Беларуси, чем в России [74, с. 246].

Исследуемые регионы неблагоприятны для привлечения мигрантов из-за своего социально-экономического положения, программы стимулирования рождаемости не дали ожидаемого положительного результата, поэтому прогноз социально-экономического развития российско-белорусского приграничья неблагоприятный.

Таким образом можно выделить факторы регионального развития за рассмотренный период с 1992 по 2017 гг., характерные для РФ и РБ:

- 1) географическое положение региона в проекции «север–юг»;
- 2) удаленность от столичного региона;
- 3) эффективность регионального администрирования;
- 4) эффективность коммуникаций с федеральными министерствами;
- 5) привлекательность институциональной среды для работы отечественных и зарубежных инвесторов и др.

2.2. Интеграционные процессы в восточнославянском приграничье: ментальные основы

Россия и Беларусь имеют самую продолжительную после распада Советского Союза историю интеграционного взаимодействия. Созданное в 1996 г. Союзное государство выступает площадкой, на которой апробируются фактически все интеграционные нововведения.

Стадии интеграции, которые Россия и Беларусь прошли после распада Советского Союза, принято описывать в рамках следующих проектов: Союзное государство (1996 г.), Таможенный союз (2010 г.), Единое экономическое пространство (2012 г.), Евразийский экономический союз (2015 г.).

Каким был этот путь по мнению рядовых граждан, а также промышленников и предпринимателей России и Беларуси? Как изменился потребительский рынок российско-белорусского приграничья? Как оценивают его достижения и слабые стороны представители российско-белорусского приграничья? Другими словами, что удалось воплотить на практике, а что так и осталось нереализованным? А главное – есть ли резервы и перспективы у российско-белорусского сотрудничества?

Продолжающийся интеграционный процесс двух независимых государств – России и Беларуси, имеющих славное общее прошлое и, как представляется, общие интересы в будущем, вызывает значительный интерес у исследователей, ученых, а также у представителей бизнеса и органов власти. Этот интерес во многом

связан с оценкой результатов принятых при создании и развитии Союзного государства. Какие дополнительные преимущества от интеграции получили резиденты двух государств? Как это отразилось на повседневной жизни граждан? Какие преимущества они видят для себя в результате построения Союзного государства?

Для ответа на эти и многие другие вопросы было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие 1050 респондентов (450 респондентов – в Смоленской области, по 300 респондентов – в Могилёвской и Витебской областях). Соотношение мужского и женского пола составляет 46% к 53% соответственно. На Витебск, Смоленск и Могилёв приходится 56% опрошенных, на районные центры – 32% и на сельскую местность – 12% опрошенных [46, с. 73].

Основу опрашиваемой аудитории составляют граждане, принадлежащие по возрасту двум поколениям. Первая группа – молодые люди в возрасте до 25 лет, которые составляют 47% опрошенной аудитории. Данные респонденты являются представителями нового поколения с отличными от сложившихся стереотипами поведения покупателей, они формируют новые тренды в становлении потребительского рынка Союзного государства. Вторая группа – 40 лет и старше – 39% опрошенных. Это респонденты со сложившимися покупательскими предпочтениями, как правило, склонные редко изменять модели своего поведения. Третья группа – от 26 до 39 лет – респонденты со смешанными предпочтениями покупательского выбора, подверженные влиянию старшего поколения и в то же время зачастую имеющие собственные сформировавшиеся предпочтения в выборе потребляемых товаров и услуг. В силу неоднозначности моделей их поведения, они составляют наименьшую долю опрошенных – порядка 14%.

Респонденты имели разный уровень образования и разный социально-профессиональный статус. Среди них: специалисты бюджетной сферы (21,11%), предприниматели (4,41%), руководители (5,1%), специалисты производственной и коммерческой сфер (8,12%), рабочие промышленных предприятий (4,6%), пенсионеры (5,57%) и другие категории граждан.

Как видно из рис. 2.7, в основном опрашивались жители Смоленска, имеющие максимальный доступ к товарам и услугам, представленным на потребительском рынке Смоленской области.

Первоначально была проведена оценка осведомленности граждан об интеграционных процессах России и Беларуси, особенно среди молодого поколения, зачастую абстрагированного от политической жизни своего государства [46, с. 78].

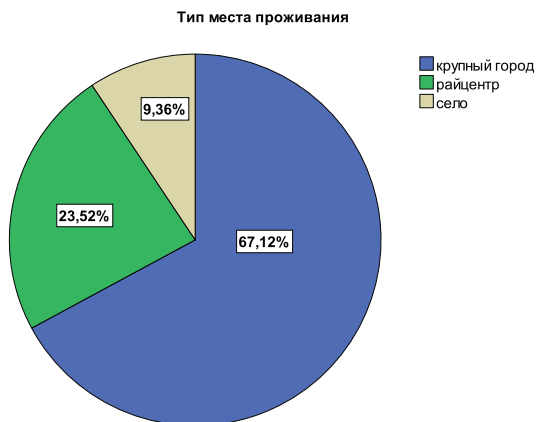

Рис. 2.7. Место проживания опрошенных в Смоленской области

Безусловно, задавая вопрос: *Знаете ли Вы, что такое Евразийский экономический союз?* достаточно самонадеянно полагать, что респонденты всегда будут отвечать честно либо правильно будут понимать суть Союза, о котором идет речь (рис. 2.8). Для полной правильной оценки уровня осведомленности граждан об интеграционных процессах нужно отдельное полноформатное исследование. Однако общее представление по данной теме можно получить, проанализировав в совокупности три вопроса. Первый приведен выше, второй – *Знаете ли Вы о том, что живете в Союзном государстве?* и третий – *Если Ваш ответ ДА, то какие преимущества Вы, Ваши родные и близкие ощутили от проживания в Союзном государстве?* Последний вопрос направлен на оценку понимания значения такого интеграционного объединения, как Союзное государство. И, скорее всего, правильно полагать, что этот вопрос останется без ответа в том случае, когда респондент не знает, что представляет собой Союзное государство, даже ответив на первые два вопроса утвердительно [45, с. 138].

Как видно из рис. 2.8, 63,1% граждан утверждают, что знают о Евразийском экономическом союзе. Это коррелирует с ответом на второй вопрос исследования (рис. 2.9).

Знаете ли Вы, что такое «Евразийский экономический союз»?

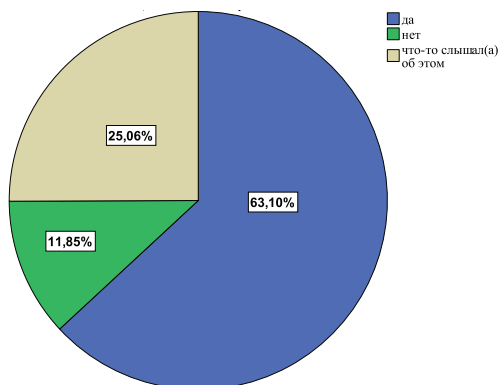

Рис. 2.8. Степень осведомленности граждан, проживающих в Смоленской области, о существовании Евразийского экономического союза

Знаете ли Вы о том, что живете в Союзном государстве?

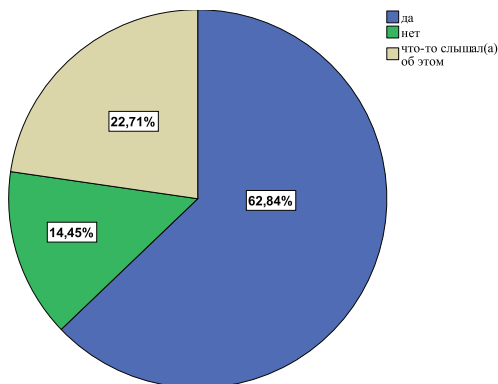

Рис. 2.9. Степень осведомленности граждан, проживающих в Смоленской области, о том, что они живут в Союзном государстве

На открытую часть второго вопроса (*Какие преимущества Вы, Ваши родные и близкие ощутили от проживания в Союзном государстве?*) 37,82% респондентов не предоставили ответа, несмотря на то что указали на свою осведомленность о названиях интеграционных объединений, членом которых является Российская Федерация. Из 174 респондентов, ответивших на открытую часть второго вопроса, 63 гражданина конкретно указали, что не видят никаких преимуществ в том, что живут в Союзном государстве. Это составляет 23% от общего числа респондентов (274 чел.), ответивших утвердительно на вопрос *Знаете ли Вы о том, что живете в Союзном государстве?* В совокупности оценивая осведомленность граждан о строительстве Союзного государства России и Беларуси, можно сказать, что лишь 24,9% из всех опрошенных смогли назвать какие-либо очевидные для них преимущества от этого процесса. Наиболее популярный ответ на открытый вопрос связан с преимуществами, получаемыми гражданами от безвизового режима и беспрепятственного пересечения границы Союзного государства, этот ответ встречается в 87% анкет, где респонденты пытались сформулировать преимущества. Распределение по возрасту отвечавших на первые два вопроса демонстрирует схожую дифференциацию ответов (рис. 2.10 и 2.11) [46, с. 118]. Из рисунков видно, что осведомленность о Союзном государстве среди молодежи в возрасте до 25 лет ниже, а у респондентов в возрасте от 40 до 55 лет, наоборот, выше.

Таким образом, по результатам исследования можно зафиксировать высокую осведомленность жителей Смоленской области о названии интеграционных объединений во всех возрастных группах и низкую осведомленность о преимуществах их создания, а значит и вообще недостаточное понимание этих процессов [46, с. 18].

Остановимся на осведомленности белорусских граждан, проживающих в Могилёвской и Витебской областях, об экономикополитических интеграционных процессах Республики Беларусь с Российской Федерацией.

Как видно из рисунка 2.12, 58,2% граждан утверждают, что знают об Евразийском экономическом союзе. На 1,19% больше граждан Беларуси, чем россиян, ответили, что не знают про Евразийский экономический союз. Несколько другая ситуация с ответами на второй вопрос исследования (рис. 2.13).

Знаете ли Вы, что такое «Евразийский экономический союз»?

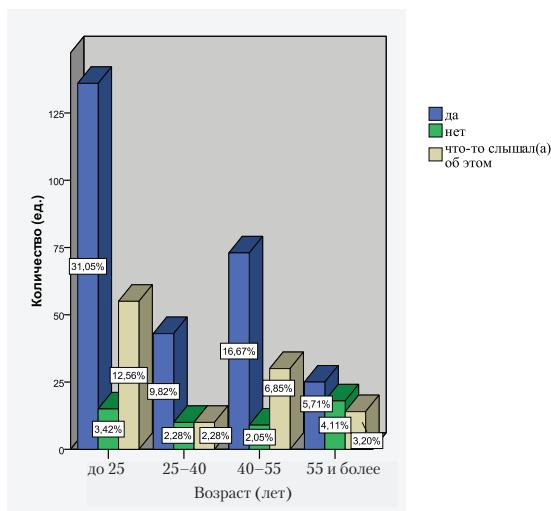

Рис. 2.10. Распределение ответов на первый вопрос исследования в зависимости от возрастной группы респондентов

Знаете ли Вы о том, что живете в Союзном государстве?

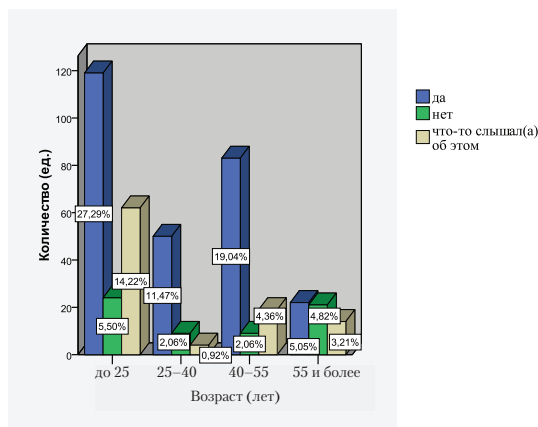

Рис. 2.11. Распределение ответов на второй вопрос исследования в зависимости от возрастной группы респондентов

Знаете ли Вы, что такое «Евразийский экономический союз»?

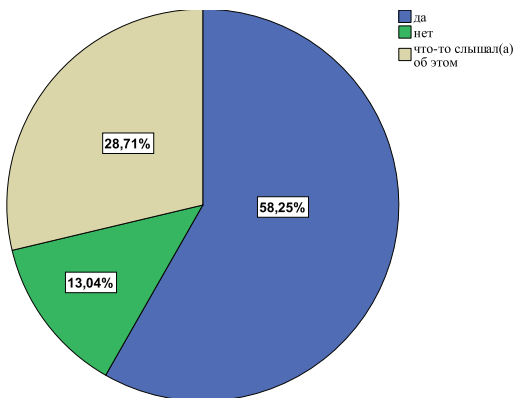

Рис. 2.12. Степень осведомленности граждан, проживающих в Могилёвской и Витебской областях, о существовании Евразийского экономического союза

Знаете ли Вы о том, что живете в Союзном государстве?

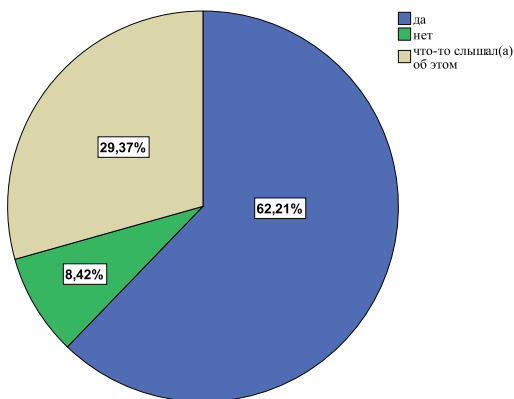

Рис. 2.13. Степень осведомленности граждан, проживающих в Могилёвской и Витебской областях, о том, что они живут в Союзном государстве

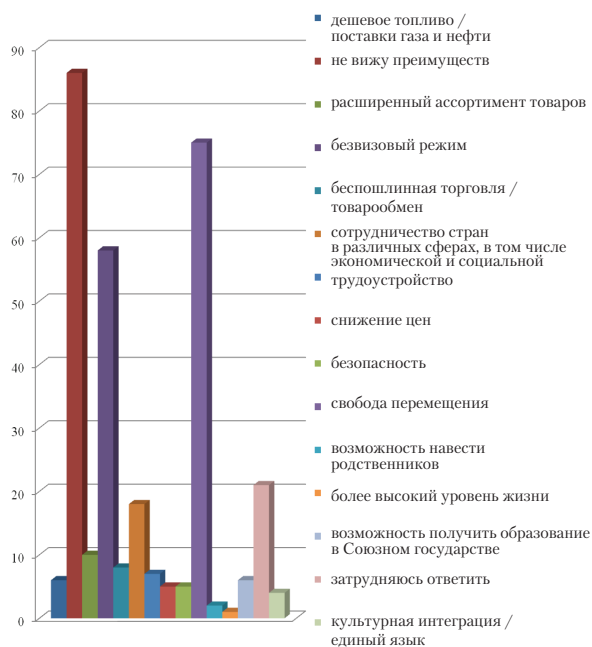

Рис. 2.14. Преимущества от создания Союзного государства, выделенные респондентами

На 6% меньше белорусов ответили, что не знают о существовании Союзного государства. В то же время уверенных в своих знаниях об этом интеграционном объединении белорусов оказалось, как и смолян, примерно 62%. Такая ситуация, скорее всего, объясняется большей значимостью процесса построения общего государства для белорусской стороны, нежели для рядовых россиян. Ведь экономика Беларуси значительно больше зависит от российской, чем наоборот. Это выражается в том, что Россия является основным рынком сбыта многих белорусских товаров и крупнейшим поставщиком Беларуси энергетических и минерально-сырьевых ресурсов [46, с. 128].

На открытую часть второго вопроса (*Какие преимущества Вы, Ваши родные и близкие ощутили от проживания в Союзном государстве?*) 53,9% респондентов не предоставили ответа. При этом большинство из них не видит преимуществ в создании Союзного государства (рис. 2.14).

Граждане, проживающие в Могилёвской и Витебской областях, так же как и смоляне, в целом знают об интеграционных процессах, протекающих между двумя странами, однако не могут сформулировать получаемые от этого преимущества. Главным, что выделяют для себя респонденты российско-белорусского приграничья, являются безвизовый режим и свобода перемещения.

Рассмотрим периодичность и цели посещения Республики Беларусь и приграничных Витебской и Могилёвской областей жителями Смоленской области.

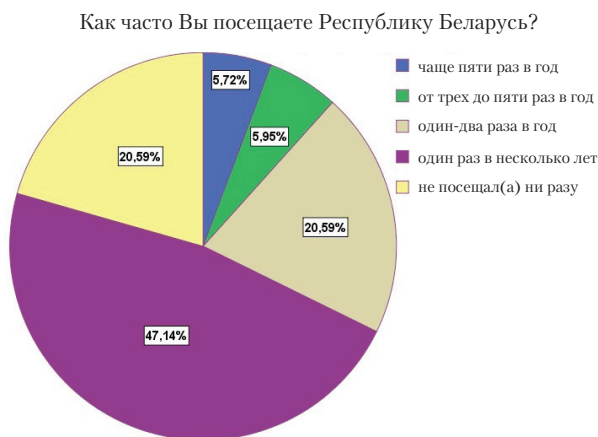

Рис. 2.15. Частота посещения респондентами Республики Беларусь

Как видно из рис. 2.15, смоляне редко посещают братскую республику. 47,14% делают это не чаще одного раза в несколько лет. При этом 20,59% респондентов заявляют, что и вовсе не были в Республике Беларусь. При сопоставлении этого результата опроса с наиболее часто упоминаемым в ответах респондентов преимуществом от создания Союзного государства получается неоднозначный вывод. Безвизовый режим и свободное перемещение через границу активно используют немногим более 11% респондентов [44, с. 112].

Как часто Вы посещаете Республику Беларусь?

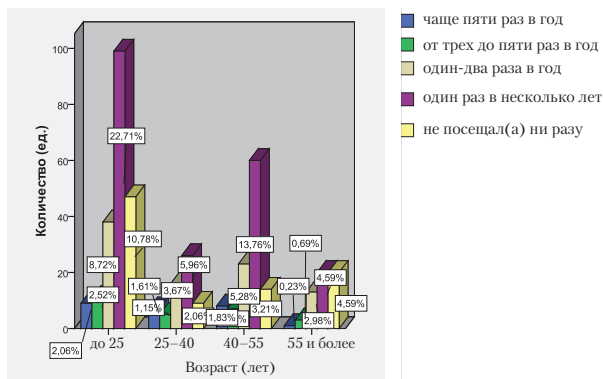

Рис. 2.16. Частота посещения Республики Беларусь в зависимости от возрастной группы респондентов

Из рис. 2.16 видно, что молодежь и пенсионеры реже других групп населения посещают союзную республику. Если для пожилой группы населения такая ситуация вполне обоснована, поскольку с возрастом люди склонны становиться менее мобильными, то для молодежи ситуация не совсем очевидна.

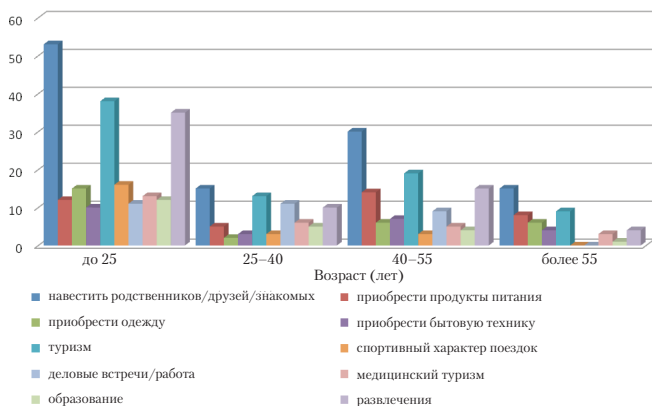

Рис. 2.17. Основные цели посещения смолянами Республики Беларусь

Попробуем разобраться в динамике посещения соседней республики, проанализировав причины поездок респондентов (рис. 2.17).

Обращаясь к респондентам, мы просили проранжировать их 10 целей поездок от 1 до 10, где на первое место нужно было поставить наиболее предпочтительную цель поездки. Чаще всего (39,9%) на первое место респонденты ставили цель «навещать родственников / друзей / знакомых», в то же время в 24,8% случаев эта цель занимала последнее место. Следовательно, респондентов можно условно разделить на две группы, одна из которых в основном посещает Беларусь из-за наличия родственников, а вторая – вследствие принципиально иных целей. Основными целями, помимо посещения родственников, являются туризм (25,6%) и развлечения (20,5%). Приобретение продуктов питания носит не столько целенаправленный характер, сколько сопутствующий основной цели поездки, что можно проследить по рис. 2.18 [44, с. 122].

Из рис. 2.18 видно, что некоторые респонденты присваивали цели, связанной с приобретением продуктов питания, высокие ранги: от 1 до 4. Тем не менее в большинстве случаев данная цель оказывалась на местах 2–5 по значимости для респондентов. Наибольший приоритет она представляет для граждан старше 40 лет, которые, скорее всего по привычке, считают экономически целесообразными поездки за продуктами питания в Беларусь, где они стоят, по их мнению, дешевле, чем в Смоленской области. Такая ситуация была характерна до 2013 г. Этому способствовали кризис и значительная автономность экономики Республики Беларусь. В дальнейшем, после создания Единого экономического пространства (2012 г.) и Евразийского экономического союза (2015 г.) цены в Смоленской области на продукты питания из братского государства стали равнозначны ценам на территории Беларуси.

Еще реже смоляне посещают белорусские регионы с целью приобретения одежды: только 6,6% поставили ее на первое место, 7,1% – на второе и 9,6% – на третье. Тем не менее, эта цель устойчиво прослеживается в рангах с 3 по 6. Это свидетельствует о том, что смоляне время от времени приобретают одежду белорусского производства при поездках в республику.

Устойчиво наблюдается рост интереса смолян к медицинским услугам, предоставляемым в Беларуси. Ввиду меньшей стоимости граждане пользуются преимуществом свободного перемещения через границу и часто отправляются к стоматологу в белорусские регионы.

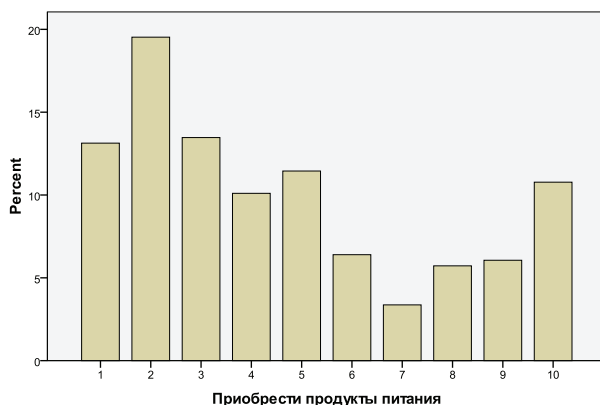

Рис. 2.18. Приоритет поездок респондентов в Беларусь для приобретения продуктов питания

Большая часть лиц, посещающих Республику Беларусь с целью деловых поездок (14–15%), свидетельствует о тесном взаимодействии органов Смоленской области с местными организациями.

Сопоставим цели поездок респондентов в Республику Беларусь с наличием туристической инфраструктуры в населенных пунктах, указанных ими в качестве конечного пункта назначения (рис. 2.19). Чаще всего респонденты направляются в Минскую и Витебскую области. Это можно обосновать вероятностью реализации приоритетных целей респондентов, связанных с развлечениями и туризмом. В Минской области находится крупный аквапарк и зоопарк, а также горнолыжные комплексы в Логойске и Силичах. В Витебске событием, притягивающим внимание туристов из Смоленской области, выступает «Славянский базар». Кроме того, эти регионы имеют хорошую транспортную доступность. При этом близко расположенная Могилёвская область остается без внимания смолян, поскольку ее посещение не предоставляет возможности реализовать приоритетные цели поездок в Республику Беларусь.

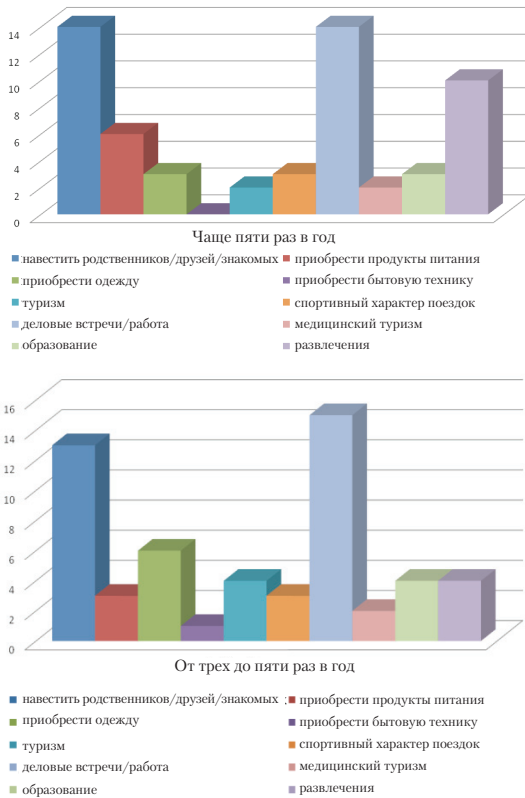

Рис. 2.19. Сравнение приоритетных целей респондентов, посещающих Беларусь от трех до пяти раз в год и чаще пяти раз в год

Проведенное исследование показывает, что потребление смолянами туристического продукта приграничных регионов Беларуси достаточно низкое. При этом, как видно из рис. 2.21, респонденты не испытывают трудностей с посещением Могилёвской или Витебской области. Таким образом подтверждается вывод о том, что смоляне просто не видят возможности реализовать свои актуальные потребности в приграничных регионах и им приходится ехать дальше. Тенденция может быть обусловлена отсутствием достаточного количества развлекательных услуг, событий, продуманных туристических маршрутов [45, с. 132].

Рис. 2.20. Населенные пункты Республики Беларусь, наиболее часто посещаемые респондентами из Смоленской области

Испытываете ли Вы трудности в посещении приграничных со Смоленской областью регионов РБ?

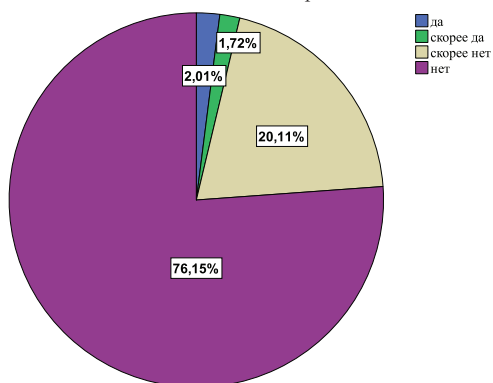

Рис. 2.21. Сложность посещения приграничных регионов РБ для смолян

Как часто Вы посещаете Республику Беларусь?

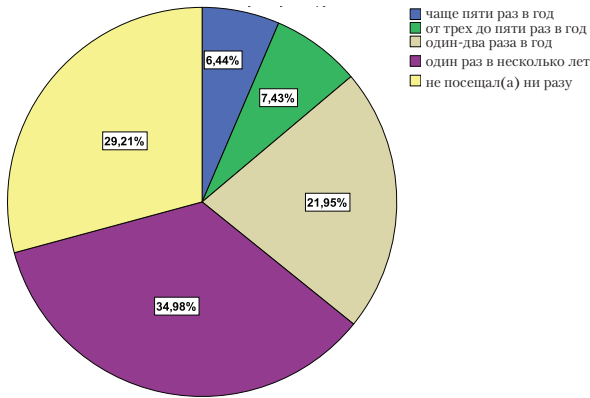

Рис. 2.22. Частота посещения респондентами Российской Федерации

Респонденты, испытывающие трудности при посещении Могилёвской и Витебской областей (3,73%), указывают на обязательное страхование транспортных средств и на тот факт, что «билеты в электричке покупать приходится на белорусские деньги». Видимо предполагается, что если билет не получилось купить заранее, то в электричке это можно сделать только за белорусские деньги, что, вероятно, снижает возможность спонтанных поездок.

Далее рассмотрим периодичность и цели посещения белорусами Российской Федерации, в частности Смоленской области.

Как видно из рис. 2.22, жители Витебской и Могилёвской областей, так же как и смоляне, редко посещают приграничное государство. 34,98% респондентов делают это не чаще одного раза в несколько лет, что практически на 12% меньше по сравнению со смолянами. При этом 29,59% респондентов заявляют, что и вовсе не были в Российской Федерации. То есть из числа белорусских респондентов практически каждый третий не был в РФ, а из числа смолян – каждый пятый. Общей закономерностью для респондентов российско-белорусского приграничья является значительная доля молодых людей в возрасте до 30 лет, которые ни разу не посещали соседнее государство. Причем в белорусских регионах порядка 40% респондентов не были в РФ, а в российских – около 25% не были в РБ. Также от 30 до 45% в зависимости от региона бывают в соседнем государстве лишь один раз в несколько лет [45, с. 112].

Рис. 2.23. Основные цели посещения Российской Федерации респондентами из Беларуси

Белорусы, так же, как и смоляне, в большинстве своем приезжают в приграничное государство с целью посещения родственников. 44,2% респондентов от общего числа, хотя бы раз посещавших РФ, поставили данную цель поездки на первое место. Таким образом перемещение жителей приграничных регионов России и Беларуси в оба направления в большей степени стимулируется родственными связями, а не экономической целесообразностью поездок за покупками или в целях туризма. Приобретение одежды и продуктов является сопутствующей целью поездок как для белорусов, так и для россиян. Тем не менее, как видно из рис. 17, часть аудитории младше 25 лет гораздо чаще других респондентов отправляется в РФ за покупками. Молодых белорусов притягивает большой выбор товаров и брендов. При этом, направляясь к родственникам, часть респондентов, видимо, специально заезжает в Московский регион в туристических целях, а также для покупки интересующих их товаров. Зачастую Москва упоминается в ответах респондентов через запятую после целевого города поездки. 34,3% опрошенных из числа посещавших РФ указывают Московский регион в качестве целевого; 18,6% указывают Ленинградскую область, Смоленскую – 19,5%. Таким образом, жители Витебской и Могилёвской областей, по сути, проезжают мимо приграничной Смоленской области и направляются далее для реализации своих фактических целей поездки [46, с. 218].

Приобретаете ли Вы в своем регионе белорусские товары?

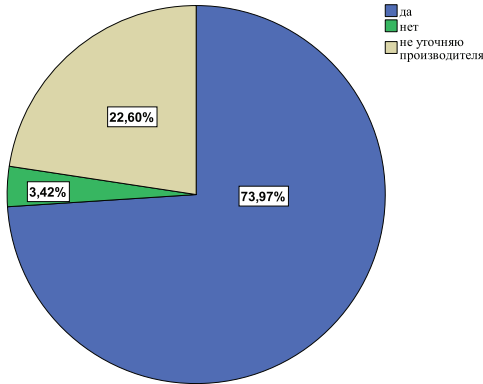

Рис. 2.24. Количество респондентов, приобретающих белорусские товары

Так же как и смоляне, жители Витебской и Могилёвской областей не испытывают трудности при посещении приграничных регионов РФ, 98% респондентов ответили «скорее нет» или «нет» на соответствующий вопрос. Единственное замечание, написанное в открытом вопросе о трудностях посещения приграничных регионов РФ, связано с пробками, возникающими на трассе М1 из-за скапливающихся время от времени на границе грузовиков.

Рассмотрим вопросы, посвященные потребительскому рынку, поведению и предпочтениям потребителя.

Вначале было установлено, что белорусские товары в Смоленской области приобретает абсолютное большинство респондентов – 73,97% от числа опрошенных (рис. 2.24). При этом лишь 22,6% заявили, что не уточняют производителя и, скорее всего, не задумываются над тем, кто в конечном итоге является производителем, либо они не занимаются закупками товаров повседневного спроса в семье [46, с. 218].

Рассмотрим, как дифференцированы по возрасту респонденты, ответившие на вопрос о покупке белорусских товаров (рис. 2.25). Наибольшую осведомленность и осознанность в приобретении белорусских товаров демонстрируют респонденты в возрасте 25–55 лет. При этом в возрастной группе от 55 лет достаточно велик процент респондентов, не уточняющих, кто производитель: только от 4,58 до 7,55% респондентов знают, чей продукт они приобретают.

Приобретаете ли Вы в своем регионе белорусские товары?

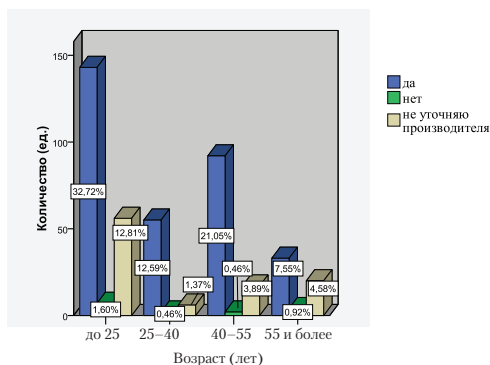

Рис. 2.25. Корреляция возраста респондентов и ответа на вопрос о приобретении белорусских товаров в Смоленской области

Также было выявлено, что респонденты, знающие производителя приобретаемой продукции, в большей степени заботятся о ее качестве и безопасности, чем респонденты, которые его не уточняют (рис. 2.26).

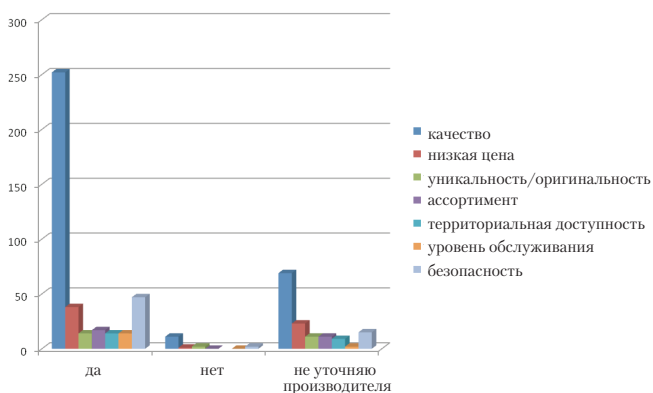

Рис. 2.26. Какие потребительские характеристики считают приоритетными для себя респонденты, по-разному отвечающие на вопрос о производителе

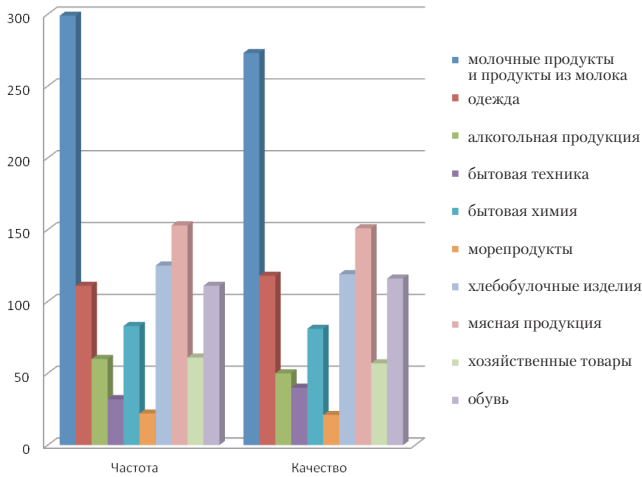

Рис. 2.27. Оценка смолянами частоты покупки и качества приобретенных белорусских товаров

Среди огромного количества продукции белорусского производства, представленной на потребительском рынке Смоленской области, в рамках исследования были выявлены наиболее популярные категории товаров. Как видно из рис. 2.27, наибольшим спросом у смолян пользуются молочные продукты. Из числа жителей Смоленской области, приобретающих белорусские продукты, 92,6% часто покупают молочную продукцию, 47,4% – мясную, 38,7% – хлебобулочную, далее идут одежда и обувь – по 34%. То есть от общего числа опрошенных каждый четвертый носит белорусскую одежду и обувь, два смолянина из трех целенаправленно покупают молочные продукты из Беларуси [47, с. 118].

Из рис. 2.27 также видно, что не всегда потребители высоко оценивают качество приобретаемых ими белорусских товаров, особенно это характерно для молочной и алкогольной продукции. В то же время, несмотря на невысокую частоту приобретения, смоляне считают высококачественной бытовую технику и одежду из Беларуси. Это объясняется длительным периодом эксплуатации данных товаров, а также длительным положительным эффектом от пользования ими.

При выявлении наиболее популярных марок / брендов / товарных знаков / производителей обнаруживается интересная закономерность. Несмотря на то что молочную продукцию потребители покупают чаще, как было установлено выше, наиболее известными брендами на смоленском рынке являются Marko и Belwest. Менее известны, но в то же время являются лидерами в своем сегменте «Брест-Литовск», «Віцебскае малако», «Молочные горки». При этом мясная продукция, несмотря на то что ее приобретают достаточно часто (38% от общего числа опрошенных), практически не отождествляется с каким-либо брендом. Респонденты зачастую просто указывали «Белорусские колбасы» там, где нужно было указывать бренд или марку. Однако это название явно возникает не случайно: скорее всего, оно ассоциируется с названием небольших магазинчиков, торгующих мясными изделиями из Беларуси. Соответственно, приобретая там продукцию, покупатель руководствуется рекомендациями продавца, а не сам выбирает товар на полке, как в случае с молочными продуктами. При этом последние всегда реализуются в упаковке с названием, а мясная продукция реализуется на развес, что зачастую стирает ее идентичность. Тем не менее один белорусский мясной бренд удалось идентифицировать в анкетах респондентов – «Брестский мясокомбинат». Также популярна у смоленских потребителей косметика марки “Belita Витекс” и в целом розничная сеть магазинов “bk” (Белорусская косметика). Не могут похвастаться узнаваемостью и марки одежды. Самым популярным здесь оказался бренд “Milavitsa” [48, с. 44].

Такая тенденция тоже легко объяснима. Молочная продукция, обладая неплохим качеством, выигрывает в ценовой конкуренции с российскими производителями и занимает наибольшую долю рынка в условиях отсутствия третьей страны-конкурента, которым могла бы быть, например, Украина. На рынке одежды другая ситуация. Здесь множество производителей и торговых марок из разных стран, и белорусские производители уже не могут реализовать свое ценовое преимущество, эту пальму первенства держит Китай. К сожалению, некачественная, зачастую контрафактная продукция из КНР притягивает внимание смоленского потребителя больше, чем отечественная или белорусская, из-за более низкой стоимости, что объясняется низкими доходами граждан. Напомним, что в соответствии с исследованиями компании «Риарейтинг», Смоленская область занимает 77-е место из 85 регионов по уровню благосостояния семей на 2016 г.

Считаете ли Вы белорусские товары более качественными,
чем российские?

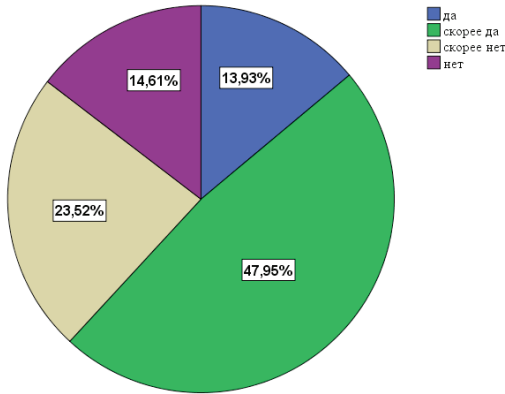

Рис. 2.28. Оценка качества белорусских товаров
в сопоставлении с российскими

В рамках исследования была предпринята попытка выяснить у потребителей, проживающих в Смоленской области, какой товар, по их мнению, более качественный: российский или белорусский. Как видно из рис. 2.28, 13,93% респондентов твердо указывают на большую симпатию к качеству белорусских товаров, чем российских, а 47,95% чаще сталкиваются с более качественными белорусскими товарами. Тем не менее твердо уверенных в более высоком качестве российского товара примерно столько же, сколько и в отношении белорусских марок – 14,61%. Несмотря на симпатии смолян к белорусской продукции, в своем большинстве они не считают себя привязанными к ней. Это можно увидеть на рис. 2.29. Примерно для 40% смолян отсутствие возможности приобрести белорусские товары будет ощутимым. А 20,09% вообще не видят большой трагедии в отсутствии таковых. Таким образом, белорусские товаропроизводители достаточно широко с точки зрения номенклатуры и глубоко с точки зрения узнаваемости и лояльности потребителей внедрились в смоленский рынок. Что в том числе спровоцировало сокращение поездок резидентов Смоленской области в приграничные регионы Беларуси за продуктами и одеждой [46, с. 224].

Будет ли для Вас ощутимым отсутствие возможности приобретать товары и/или пользоваться услугами белорусских организаций?

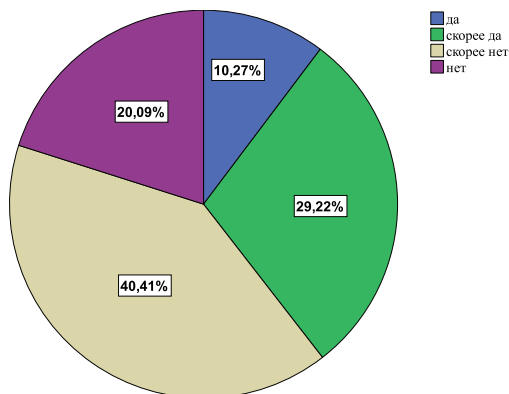

Рис. 2.29. Привязанность потребителей Смоленской области к белорусским товарам и услугам

Немаловажным с точки зрения перспектив развития бизнеса является понимание способности действующих субъектов хозяйствования удовлетворить актуальные потребности населения. В этой связи интересно посмотреть на ответы респондентов о полноте ассортимента необходимых им товаров в торговых точках Смоленской области. Ответ на этот вопрос представлен на рис. 2.30 [48, с. 44], из которого видно, что подавляющее большинство респондентов удовлетворено ассортиментом товаров, представленных на потребительском рынке Смоленской области (53,88%). 19,86% вынуждены искать необходимые им товары продолжительное время. В случае отсутствия товаров в торговых точках своего региона потребители чаще обращаются к возможности приобрести товары в сети Интернет (14,16%), нежели отправляются за покупками в соседний регион РФ или РБ. Причем даже если и выезжают с этой целью, то преимущественно в соседний регион РФ (7,99%).

Считаете ли Вы ассортимент необходимым Вам товаров в магазинах
Смоленской области достаточно полным

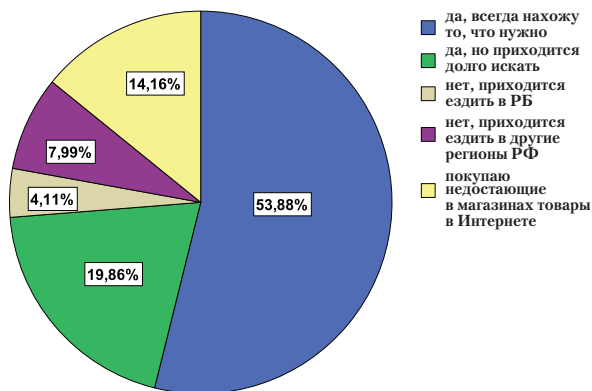

Рис. 2.30. Полнота ассортимента
в торговых точках Смоленской области

В зависимости от возрастной группы респонденты по-разному ведут себя при покупке товаров (рис. 2.31). О готовности поехать в соседний регион Беларуси чаще всего заявляли смоляне в возрасте от 40 до 55 лет, в то время как молодое поколение практически не рассматривает такой вариант. Следовательно, за товарами, основываясь на привычках из прошлого, в Республику Беларусь ездят только представители старшего поколения, а молодежь делает покупки в Интернете либо едет в соседний регион РФ; нетрудно предположить, что это город Москва. В целом все возрастные группы населения удовлетворены ассортиментом товаров и находят то, что ищут, не выезжая за пределы Смоленской области. Не меняется структура распределения ответов на этот вопрос при анализе по социально-профессиональному статусу и по месту проживания респондентов.

Аналогичная ситуация и с услугами, предоставляемыми в Смоленской области. Подавляющее большинство респондентов (72,15%) довольны количеством и качеством услуг в своем регионе [47, с. 134].

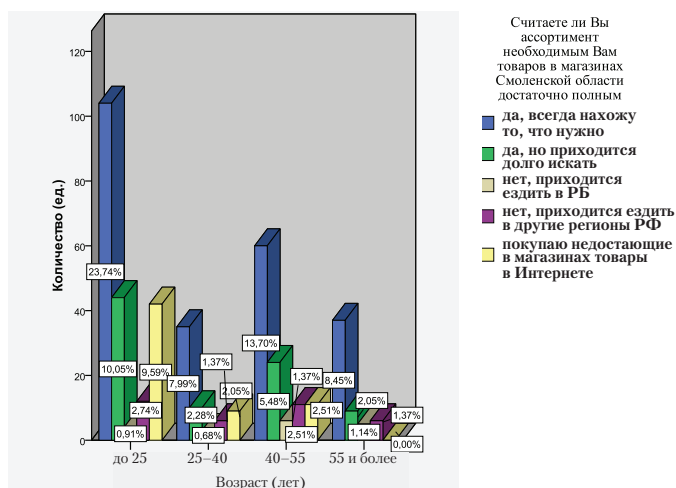

Рис. 2.31. Распределение ответов респондентов, различных по возрасту, на вопрос о достаточности ассортимента товаров в торговых точках Смоленской области

Считаете ли Вы, что организации, предоставляющие услуги в Смоленской области, могут удовлетворить Ваши текущие потребности?

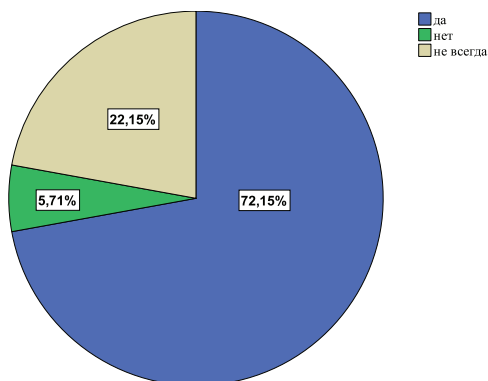

Рис. 2.32. Удовлетворенность потребителей Смоленской области услугами, оказываемыми организациями-резидентами региона

Приходится ли Вам ездить в соседнюю область РФ или в РБ для удовлетворения своих потребностей в услугах?

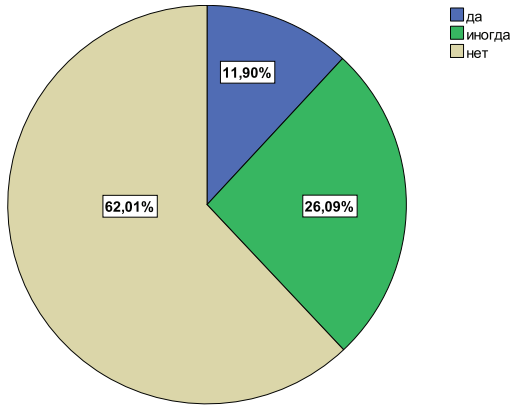

Рис. 2.33. Соотношение респондентов, выезжающих из Смоленской области для удовлетворения своих потребностей в услугах

Потребители, которые не всегда довольны услугами организаций Смоленского региона (их в общей сложности 27,86%), отвечая на открытый вопрос, какие услуги они считают неудовлетворительными, указывают на медицинские (30%), отмечают недостаточное количество развлекательных комплексов – отсутствие аквапарка, горно-лыжного спортивного комплекса (25%), особенно актуальны данные потребности для жителей районных центров, в частности Вязьмы и Сафоново. Некоторые респонденты указывают на низкую стоимость услуг автосервиса в Республике Беларусь и на то, что активно ими пользуются. В целом хотелось бы отметить, что ответ на этот вопрос коррелирует с предыдущими, где была предпринята попытка выяснить мотивы поездок смолян в РБ. Получается, что вывод, сделанный ранее о росте популярности поездок за медицинскими услугами, был правильным [46, с. 220].

Далее логично рассмотреть, куда ездят смоляне для удовлетворения своих потребностей в услугах. Из рис. 2.33 видно, что 38% выезжают за пределы Смоленской области с целью получения необходимых услуг, тогда как за товарами, как было установлено выше, выезжают лишь 12% респондентов.

Проанализируем, куда направляются смоляне для удовлетворения своих потребностей в услугах (рис. 2.33).

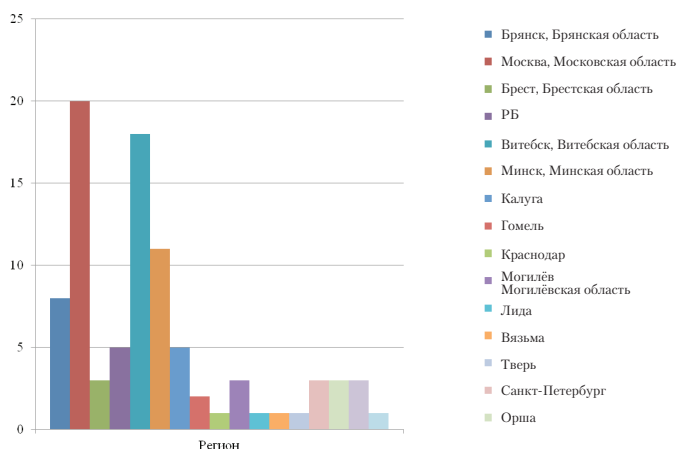

Рис. 2.34. Направления поездок смолян для удовлетворения своих потребностей в услугах

Как видно из рис. 2.34, большая часть потребителей направляется в Московскую область, на втором месте – Витебская, на третьем – Минская. Такое распределение объясняется скудным перечнем услуг, предоставляемых в соседних Смоленской области регионах РБ и РФ, а также недостаточным развитием инфраструктуры. Например, Могилёв оказался вне внимания жителей приграничья скорее всего из-за неразвитой транспортной инфраструктуры в этом направлении и некоторой отдаленности от ключевой транспортной артерии – трассы М1. Также о причинах поездок смолян в Витебск, а не в Могилёв указывалось выше [47, с 120].

В ходе опроса было выявлено, что большинство респондентов среди белорусских товаров, не имеющих, по их мнению, аналогов в России, выделяют молочную продукцию, белорусскую косметику, одежду и обувь.

В рамках исследования, проведенного в Республике Беларусь, были получены иные результаты.

Вначале было установлено, что российские товары белорусы на родине приобретают гораздо реже, чем смоляне на российском рынке белорусские – 43,39 к 73,97% соответственно. Значительная часть белорусских респондентов заявили, что не уточняют производителя (47,3%). При этом 69% белорусов называют качество главной характеристикой при выборе товаров. В то время как цена стоит на первом месте только для 26,7% белорусов.

Приобретаете ли Вы в своем регионе российские товары?

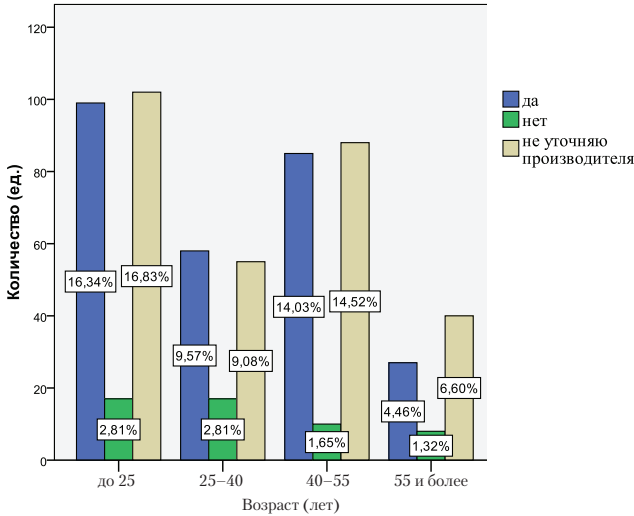

Рис. 2.35. Корреляция возраста респондентов и ответа на вопрос о приобретении российских товаров в Могилёвской и Витебской областях

Как видно из рис. 2.35, отсутствие интереса к производителю приобретаемых товаров прослеживается во всех возрастных группах. Также видно, что у российских товаров нет предпочтительной группы покупателей. Респонденты разного возраста делятся в равной пропорции на тех, кто приобретает российские товары, и тех, кто этого не делает. Эти результаты не соответствуют данным анкетирования по Смоленской области. Россияне знают, продукт чьего производства приобретают. Следует предположить, что белорусы склонны в большей степени полагаться на контроль за качеством продукции со стороны самих продавцов и органов власти, чем россияне. Именно этим и объясняются, по нашему мнению, выявленные результаты.

Еще одной отличительной особенностью ответов респондентов из российского и белорусского приграничья является тот факт, что россияне часто приобретают белорусскую продукцию, которая является, по их мнению, качественной, в то время как респонденты Могилёвской и Витебской областей не всегда довольны качеством российского товара (рис. 2.36).

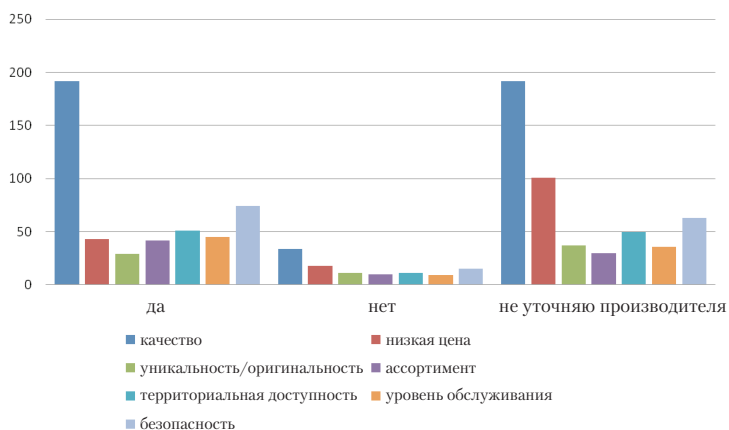

Рис. 2.36. Какие потребительские характеристики считают приоритетными для себя респонденты, по-разному ответившие на вопрос о производителе

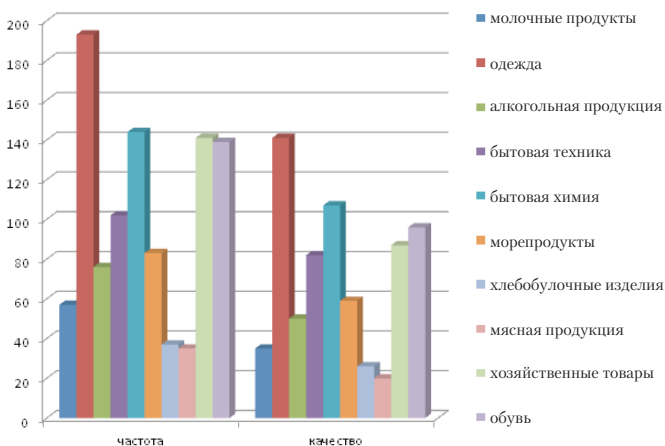

Рис. 2.37. Оценка белорусами частоты покупки и качества приобретенных российских товаров

Считаете ли Вы российские товары более качественными,
чем белорусские?

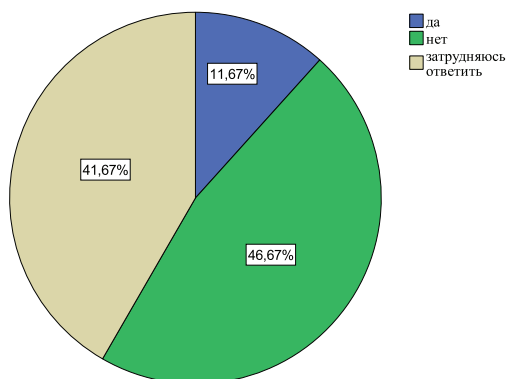

Рис. 2.38. Оценка респондентами из Витебской области качества белорусских товаров в сопоставлении с российскими

Наибольшей популярностью у респондентов из Могилёвской и Витебской областей пользуется российская одежда. При этом торговая марка «ТВОЕ» стала самым известным брендом из всего спектра российских товаров, приобретаемых респондентами. Стоит отметить, что белорусские потребители плохо разбираются и не отличают товары, произведенные российскими предприятиями, от китайских, поставляемых в Россию или в Белоруссию через российского посредника. Поэтому в открытом вопросе об известных им марках / брендах / товарных знаках / производителях они часто упоминали название различных крупных, не всегда российских, ритейлеров, например O'stin, Oodji, Philips и т. д. Также отсутствие явных фаворитов по продвижению бренда в Витебской и Могилёвской областях можно объяснить несопоставимым количеством торговых марок и брендов, принадлежащих белорусским и российским организациям. Кроме того, как уточнялось ранее, белорусские респонденты, в отличие от российских, не интересуются производителем [45, с. 120].

В рамках исследования была предпринята попытка выяснить у потребителей, проживающих в Могилёвской и Витебской областях, какой товар, по их мнению, более качественный: российский или белорусский (рис. 2.38, 2.39).

Считаете ли Вы российские товары более качественными,
чем белорусские?

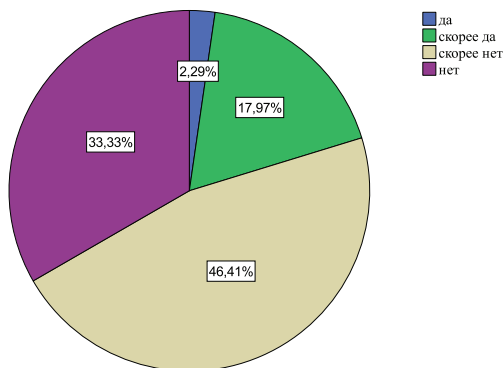

Рис. 2.39. Оценка респондентами из Могилёвской области качества белорусских товаров в сопоставлении с российскими

Как показывают результаты исследования, и белорусы, и россияне считают белорусские товары значительно более качественными. Не более 20% респондентов из Беларуси и не более 30% из России считают, что российские товары качественнее белорусских [44, с. 120].

Тем не менее порядка 40% респондентов Могилёвской и Витебской областей заявляют о привязанности к потреблению российских товаров и услуг (рис. 2.40, 2.41). Заинтересованность в российских товарах и услугах следует связывать с большим товарным наполнением, соответствием современным тенденциям моды и комфорта, а также нестандартностью исполнения. Также учитывая неосведомленность респондентов из Беларуси о производителе приобретаемой ими продукции, можно говорить о привязанности к дешевой продукции российских организаций, поставляющих продукцию китайского производства.

Немаловажным с точки зрения перспектив развития бизнеса является понимание способности действующих субъектов хозяйствования удовлетворить актуальные потребности населения. В этой связи интересно посмотреть на ответы респондентов о полноте ассортимента необходимых им товаров в торговых точках Могилёвской и Витебской областей. Ответ на этот вопрос представлен на рис. 2.42.

Будет ли для Вас ощутимым отсутствие возможности приобретать товары и/или пользоваться услугами российских организаций?

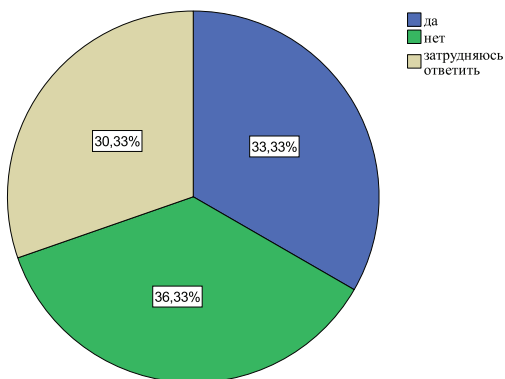

Рис. 2.40. Привязанность потребителей Витебской области к российским товарам и услугам

Будет ли для Вас ощутимым отсутствие возможности приобретать товары и/или пользоваться услугами российских организаций?

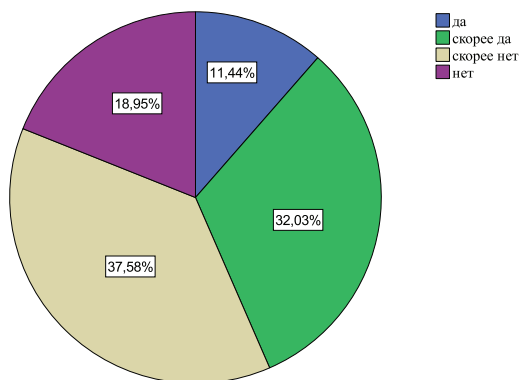

Рис. 2.41. Привязанность потребителей Могилёвской области к российским товарам и услугам

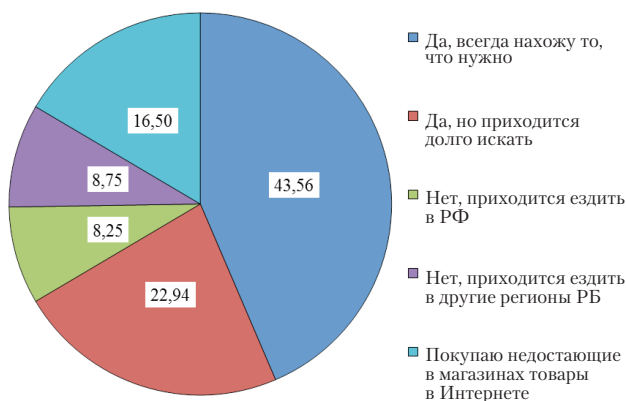

Рис. 2.42. Полнота ассортимента в торговых точках Могилёвской и Витебской областей по оценке респондентов

Респонденты Могилёвской и Витебской областей находят меньшее количество нужных им товаров в рамках своего потребительского рынка, чем россияне (43,56 к 53,88% соответственно). При этом выехать за пределы своего региона готовы 17% белорусских респондентов и 12,1% смолян. Кроме того, недостающие на потребительском рынке товары жители Беларуси чаще покупают в Интернете (16,5%), нежели в аналогичной ситуации смоляне (14,16%). Все это свидетельствует о том, что смоленский потребительский рынок более развит и предлагает хороший ассортимент товаров для покупателей. Потребительский рынок Могилёвской и Витебской областей меньше и по ассортименту, и по количеству предлагаемых товаров, поэтому некоторая часть потребителей вынуждены ездить за товарами в Россию (8,25%) или приобретать их в Интернете. Некоторые делают это попутно, навещая родственников [45, с. 112].

Ситуация с удовлетворенностью услугами в Могилёвской и Витебской областях различна. Если в Могилёвской, как и в Смоленской области, потребители не всегда удовлетворены предоставляемыми услугами (23,2 и 22,15% соответственно), то в Витебской области нашлось лишь 12% таких граждан.

Считаете ли Вы, что организации,
предоставляющие услуги в Витебской области,
могут удовлетворить Ваши текущие потребности?

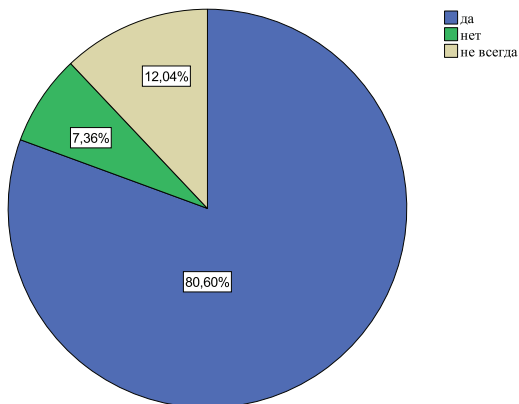

Рис. 2.43. Удовлетворенность потребителей Витебской области услугами, оказываемыми организациями-резидентами региона

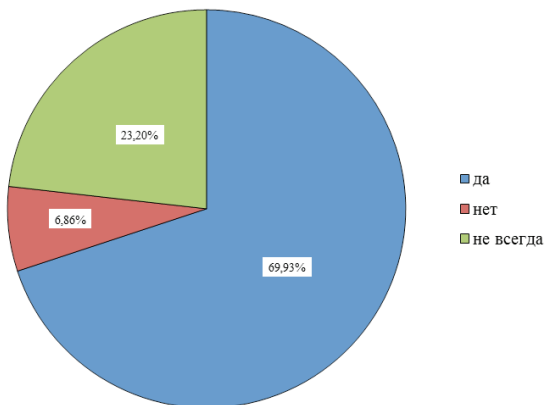

Рис. 2.44. Удовлетворенность потребителей Могилёвской области услугами, оказываемыми организациями-резидентами региона

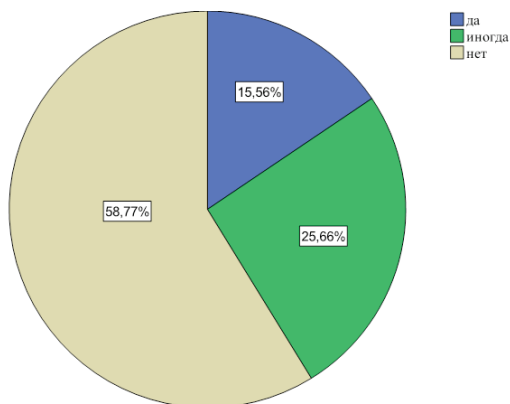

Рис. 2.45. Ответы респондентов из Витебской и Могилёвской областей на вопрос: «Приходится ли Вам ездить в соседнюю область РБ или в РФ для удовлетворения своих потребностей в услугах?»

Далее логично рассмотреть, куда ездят жители приграничья для удовлетворения своих потребностей в услугах. Из рис. 2.45 видно, что 41,22% респондентов Витебской и Могилёвской областей выезжают с этой целью за пределы своих регионов, в то время как за удовлетворением потребностей в товарах, как было установлено выше, выезжают лишь 17% респондентов. То есть соотношение примерно равнозначно результатам исследования в Смоленской области – 38% выезжают за услугами и 12% выезжают за товарами [45, с. 122].

Проанализируем, куда направляются белорусы из приграничных регионов для удовлетворения своих потребностей в услугах (рис. 2.46).

Как видно из рис. 2.46, большая часть потребителей услуг направляется в Минскую область, на втором месте – Смоленская, на третьем – Московская область. Таким образом, в очередной раз получается схожая с ответами респондентов в Смоленской области ситуация. Жители приграничья в случае недостатка услуг на территории их регионов направляются в столицу своего государства, во вторую очередь – в соседний приграничный регион, имеющий наилучшую транспортную доступность, далее – в столицу соседнего государства.

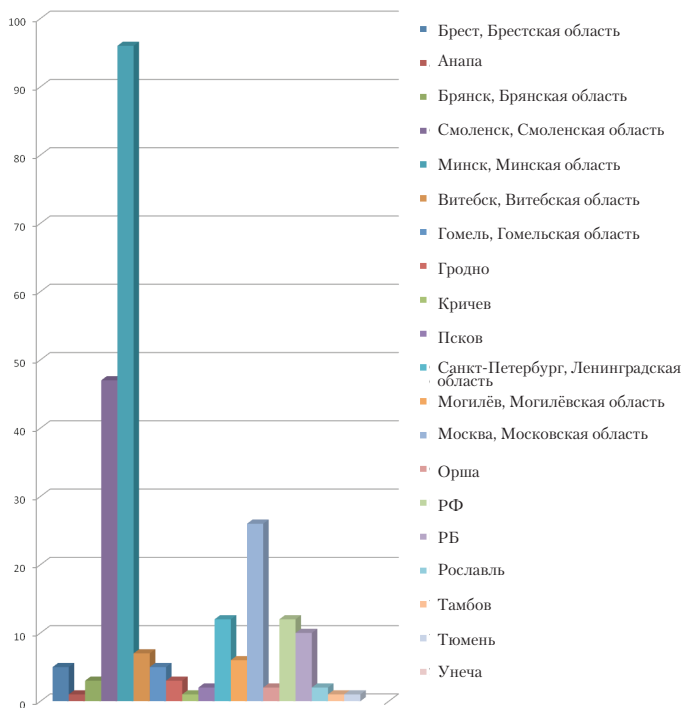

Рис. 2.46. Направления поездок респондентов из Витебской и Могилёвской областей для удовлетворения своих потребностей в услугах

В ходе опроса в Могилёвской и Витебской областях было выявлено, что большинство респондентов выделяют среди российских товаров, не имеющих, по их мнению, аналогов в Беларуси, одежду и бытовую технику.

Рассмотрим некоторые статистические данные, характеризующие рынок труда Смоленской, Витебской и Могилёвской областей (табл. 2.9).

Таблица 2.9

Анализ рынка труда
российско-белорусского приграничья

Показатели / Годы	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Смоленская область						
Численность населения Смоленской области, тыс. чел.	993	975,2	967,9	964,8	958,6	953,2
Численность трудовых ресурсов Смоленской области – всего, тыс. чел.	622,7	605,2	591,6	591,5	568,5	570,1
Численность рабочей силы Смоленской области, тыс. чел.	549,2	539,3	527,8	530,1	518,8	520,6
Разница между трудовыми ресурсами и рабочей силой, тыс. чел.	73,5	65,9	63,8	61,4	49,7	49,5
Доля свободных трудовых ресурсов в экономике региона, в %	11,8	10,9	10,8	10,4	8,7	8,7
Доля свободных трудовых ресурсов в общей численности жителей региона, в %	7,4	6,8	6,6	6,4	5,2	5,2
Могилёвская область						
Численность населения Могилёвской области, тыс. чел.	1097,3	1076,5	1072,5	1070,7	1067,6	1064,4
Численность трудовых ресурсов Могилёвской области – всего, тыс. чел.	684,8	655,2	647,7	636,1	621,7	620,1
Численность рабочей силы Могилёвской области, тыс. чел.	515,8	488,8	479,8	476,8	466,9	455,6

Окончание табл. 2.9

Показатели / Годы	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Разница между трудовыми ресурсами и рабочей силой, тыс. чел.	169	166,4	167,9	159,3	154,8	164,5
Доля свободных трудовых ресурсов в экономике региона, в %	24,7	25,4	25,9	25,0	24,9	26,5
Доля свободных трудовых ресурсов в численности жителей региона, в %	15,4	15,5	15,7	14,9	14,5	15,5
Витебская область						
Численность населения Витебской области, тыс. чел.	1229,5	1208,0	1202,1	1198,5	1193,6	1188,0
Численность трудовых ресурсов Витебской области – всего, тыс. чел.	765,8	740,9	736,4	723,4	705,8	692
Численность рабочей силы Витебской области, тыс. чел.	581,5	542,2	539,9	530,9	512,2	499,5
Разница между трудовыми ресурсами и рабочей силой, тыс. чел.	184,3	198,7	196,5	192,5	193,6	192,5
Доля свободных трудовых ресурсов в экономике региона, в %	24,1	26,8	26,7	26,6	27,4	27,8
Доля свободных трудовых ресурсов в численности жителей региона, в %	15,0	16,4	16,3	16,1	16,2	16,2

Экспресс-анализ статистических данных свидетельствует о более привлекательном состоянии рынка труда в Смоленской области. В 2017 г. это касается как уровня безработицы (Смоленская область – 5,7%; Витебская область – 6,4%; Могилёвская область – 8%), так и уровня занятости населения (Смоленская область – 70,6%; Витебская область – 70,4%; Могилёвская область – 70,1%).

При этом в сравнении с 2016 г. в Смоленской области показатели улучшились, а в Витебской и особенно в Могилёвской областях – ухудшились [46, с. 122].

Если сопоставить свободные трудовые ресурсы в анализируемых регионах, то в Смоленской области на всем протяжении рассматриваемого периода доля свободных трудовых ресурсов в экономике региона уменьшилась с 11,8% в 2010 г. до 8,7% в 2017 г. Это может свидетельствовать о нескольких возможных тенденциях:

- экономика региона вовлекает в экономический процесс все большую долю трудоспособного населения из числа экономически неактивного;
- уменьшается доля незарегистрированных самозанятых граждан в структуре трудоспособного населения;
- снижается доля неформально занятых в экономике трудоспособных граждан.

Тем не менее по-прежнему 49,5 тыс. смолян числятся официально экономически неактивным населением. Данная часть населения может представлять собой различные слои: домохозяйек; неформально занятых граждан; лиц, которым нет необходимости работать, и др. Некоторая часть этого населения может ездить для ведения трудовой деятельности в соседние регионы.

В Витебской и Могилёвской областях таких граждан гораздо больше как в абсолютном, так и в относительном выражении. В Витебской области – 192,5 тыс. человек (27,8% от трудовых ресурсов), в Могилёвской области – 164,5 тыс. человек (26,5% от трудовых ресурсов). Скорее всего, большая часть данных граждан работает в России неформально (или в Латвии и Литве), другие варианты относительно рода занятий каждого четвертого жителя данных регионов представить сложно. Конечно, также есть определенная доля домохозяйек и самозанятых, но она гораздо меньше, чем в Смоленской области в силу более низких доходов и уровня жизни населения, а также меньшего платежеспособного спроса.

Белорусские граждане занимают различные вакантные должности на российском рынке труда. В рамках проведенного социологического исследования респонденты отмечали, что привлекали белорусов как на руководящие, так и на рядовые должности. Особенно востребованы на смоленском рынке представители рабочих профессий (сварщики, слесари, токари, каменщики, плотники, штукатуры и т. д.), а также инженеры, способные участвовать в создании новых видов продукции и модернизации существующей [47, с. 132].

В целом участники интервьюирования из Смоленской области отмечают низкий интеллектуально-кадровый потенциал региона. Они испытывают сложности с поиском и наймом на работу высококвалифицированных инженерных кадров, особенно в отраслях машиностроения.

Также в ходе исследований сложилось неоднозначное впечатление об уровне управленческих компетенций у самих опрошиваемых. Подавляющее большинство респондентов, являясь руководителями среднего и высшего звена, испытывали сложности с пониманием экономической и управленческой терминологии. В частности у двух респондентов из трех при интервьюировании возникали сложности с пониманием следующих терминов: «кластер», «продуктовый портфель», «уровень конкуренции», ЕАЭС, «бизнес-климат», «инфраструктура» и др., что может свидетельствовать о низких управленческих компетенциях у представителей коммерческих организаций. При этом более компетентный разговор по исследуемой тематике происходил с белорусскими респондентами, работающими в организациях с государственным участием. Возможно, это объясняется более высокой конкуренцией на белорусском рынке труда (что было показано выше в рамках анализа рынка труда) на вакантные должности. Смоленские организации, особенно ритейлеры, в интервью отмечают высокий уровень конкуренции со стороны федеральных сетей, которые оказывают на них большее воздействие, нежели белорусские организации. Несмотря на наличие в Смоленске достаточного количества вузов, выпускающих управленческие и экономические кадры, не переходит в качество, и смоленские организации теряют позиции, уходя с рынка. Они не могут найти инструменты конкурентного противодействия федеральным сетям.

Обратимся к Стратегии инвестиционного развития Смоленской области, которая разъясняет политику в области создания благоприятного инвестиционного климата (бизнес-климата) в регионе. Кроме всего прочего, в рамках результата реализации стратегии предусмотрено: создание эффективной системы подготовки и переподготовки кадров по необходимым специальностям; рост профессионализма сотрудников органов власти. В качестве мер по реализации стратегии в документе предусмотрено «улучшение состояния рынка труда, развитие системы подготовки и переподготовки высококвалифицированных кадров» [44, с. 132].

Смоленская область пошла по пути развития среднего специального образования. Сегодня профессиональными об-

разовательными учреждениями выпускаются специалисты по всем необходимым для развития промышленности направлениям. Однако практически полностью отсутствует в регионе подготовка упомянутых в инвестиционной стратегии высококвалифицированных кадров – инженеров, способных не просто выполнять стандартные операции в рамках производственного процесса, а заниматься разработками инноваций и подготовкой выпуска новой, модернизированной продукции. Инженеров для гражданской работы в регионе готовят только два вуза: Филиал ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет “МЭИ”» в г. Смоленске и Смоленский областной казачий институт промышленных технологий и бизнеса (филиал) ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)» в г. Вязьме. Таким положением дел объясняется значительный недостаток инженеров на смоленском рынке труда, о котором заявляют респонденты.

Таким образом, в Смоленской области существует кадровый потенциал для развития кластера приборостроения и электротехники и кластера в сфере информационных технологий, а также туристического кластера. Остальные упомянутые в инвестиционной стратегии кластеры не могут быть эффективно реализованы в регионе ввиду отсутствия кадрового потенциала для их развития.

В Смоленской области не восполняются высококвалифицированные трудовые ресурсы для создания запланированных кластеров в машиностроении (нет выпуска инженеров по направлению «машиностроение»), композитных материалов (нет выпускающей кафедры химии в регионе), стройматериалов и древесины (нет кафедр, выпускающих инженеров для данной отрасли), транспортно-логистического кластера (нет набора на бюджет по этим направлениям).

Недостаток специалистов в данных областях частично компенсируется за счет притока трудовых мигрантов из Республики Беларусь. Как было указано выше, смоленские работодатели охотно берут на работу граждан соседнего государства, несмотря на значительную волокиту при их официальном оформлении.

Иная ситуация в Могилёвской и Витебской областях. Помимо сохранившейся системы качественной подготовки специалистов в рамках среднего специального образования, в Могилёвской области массово готовят специалистов как гуманитарного, так и инженерного направлений. При этом именно в Могилёве нахо-

дится ГУ ВПО «Белорусско-российский университет», который готовит специалистов инженерного направления в соответствии и с белорусскими, и с российскими образовательными стандартами. Однако структура набора в университет большей частью ориентирована на подготовку инженерных кадров по белорусским стандартам и ориентирована на внутренний рынок труда Республики Беларусь. Подготовка по управленческим и экономическим направлениям ведется на платной основе.

Структура высшего образования в Витебской области во многом схожа с Могилёвской. В регионе готовятся специалисты для большинства отраслей промышленности. При этом также отсутствует бесплатное управленческое и экономическое образование [44, с. 153].

Таким образом, в рассматриваемом российско-белорусском приграничье сложилась асимметрия в подготовке высококвалифицированных кадров в пользу инженерных направлений обучения на белорусской территории, в том числе за счет бюджета, и подготовки специалистов со средним профессиональным образованием на территории всего приграничья. Кадры для работы в сфере экономики и управления на бюджетной основе практически не готовятся, за исключением нескольких филиалов московских вузов на территории Смоленской области.

Представляется неперспективным ожидать развития малого и среднего бизнеса на территории российско-белорусского приграничья в условиях отсутствия выпускников со знаниями в области развития экономических систем и ведения конкурентной борьбы с укрупняющимися организациями столичных регионов. Перспективные абитуриенты, желающие постигать азы экономических и управленческих наук, а в Смоленской области еще и инженерных наук, уезжают в столичные вузы, которые по-прежнему располагают возможностью набирать студентов на бюджетные места. Таким образом кадровый голод усиливается, а перспективы бурного экономического развития гаснут. Значит с большой долей вероятности поставленные в инвестиционной стратегии Смоленской области цели не будут реализованы [44, с. 161].

2.3. Влияние цифровизации на социальные процессы в российско-белорусском приграничье

Распространение новой вирусной инфекции (COVID-19) привело к введению ограничительных мер в работе различных секторов экономики. В жизни большинства граждан произошли изменения, даже среди экономически неактивного населения. Необходимость самоизоляции и дистанцирования ограничила личные контакты и внесла изменения в потребительские привычки. Стоит предположить, что возвращение к прежней модели жизнедеятельности займет время и изменит поведение участников экономических процессов.

В сложившейся ситуации интересно сопоставить результаты исследования, проведенного в январе–феврале 2020 г., с тем, как изменятся ответы респондентов после отмены эпидемиологических ограничений. На текущий момент проанализируем результаты оценки цифровизации социально-экономических процессов в Смоленской области.

В опросе приняли участие 235 респондентов из г. Смоленска (11,1%), г. Рудни (21,3%), п.г.т. Красный (12,8%), г. Демидова (12,8%), пос. Шумячи (16,6%), г. Рославля (12,8%), п.г.т. Монастырщина (12,8%). Половозрастной состав респондентов: 35,3% – мужчины в возрасте от 18 до 65 лет; 64,7% – женщины в возрасте от 18 до 69 лет [45, с. 131].

Набирающая популярность среди потребителей тенденция совершать покупки в сети Интернет отмечалась в монографии А.П. Катровского, Г.В. Ридевского, А.С. Кузавко (рис. 2.47). Авторы проводили социологический опрос в 2019 г.

Новый опрос в целом подтверждает полученные в предыдущем исследовании результаты (табл. 2.10) [45, с. 111].

За счет более возрастного состава респондентов, среди них оказалось больше тех, кто никогда не пробовал (34,5%) или достаточно редко (19,6%) совершал покупки в Интернете. Целевая группа, предпочитающая делать покупки через Интернет, в двух исследованиях оказалась практически одинаковой по количеству респондентов (17% – в 2020 г. и 18,8% – в 2019-м). Это – наиболее молодая часть опрошенной аудитории.

Рис. 2.47. Доля респондентов, приобретающих потребительские товары (одежду, еду, электронику и т. д.) в сети Интернет в российско-белорусском приграничье (опрос 2019 г.) [1]

Таблица 2.10

Доля респондентов Смоленской области, приобретающих потребительские товары (одежду, еду, электронику и т. д.) в сети Интернет (опрос проходил в феврале 2020 г.)

Ответ	Проценты
Да, часто покупаю	17,0
Да, иногда покупаю	20,4
Покупаю, но редко	19,6
Пробовал покупать – не понравилось	8,5
Никогда не пробовал	34,5

Таким образом, до введенных ограничений на offline-торговлю из-за эпидемии устойчивая аудитория смолян, часто или иногда совершавших покупки через Интернет, составляла от 37 (исследование 2020 г.) до 51% (исследование 2019 г.) [45, с. 132].

Кроме розничной торговли, перестраивать работу пришлось многим организациям, предоставляющим услуги, а также офисным сотрудникам. В связи с этим интерес представляет отношение жителей Смоленской области к удаленной работе (через Интернет) и их готовность перейти на постоянный дистанционный формат выполнения трудовых обязанностей (табл. 2.11).

Таблица 2.11

Ответы респондентов на вопрос:
«Представьте, что Вам предлагают работать удаленно
(через Интернет) без потерь в заработной плате,
как вы поступите?»

Ответ	Проценты
Приму предложение, увольюсь с прежнего места работы и буду работать из дома, как только появится такая возможность	15,7
Соглашусь работать из дома удаленно, только если это предложит мне текущий работодатель	11,1
Продолжу по-прежнему ходить на работу, даже если будет возможность работать из дома	13,6
По моей профессии работать удаленно (через Интернет) невозможно	31,1
Затрудняюсь ответить	28,5

Как видно из табл. 2.11, 26,8% респондентов в той или иной форме выступают за дистанционный формат работы, при этом оставшаяся часть респондентов либо не видит этот формат привлекательным для себя (13,6%), либо он не подходит из-за специфики профессии (31,1%). Полученные результаты вероятно будут значительно отличаться от будущих опросов по этой тематике, так как многие просто не могли представить, как они будут работать в таком формате. В условиях введенных ограничений гражданам и бизнесу пришлось быстро перестроить работу на дистанционный режим, в результате которого многие граждане впервые получили данный опыт работы. То, что трудно было представить, оказалось реальностью. В результате такого опыта теперь практически каждый смог сформировать свое отношение к дистанционной работе, может многое сказать о ее недостатках и достоинствах [45, с. 140].

Цифровизация рабочего процесса требует дополнительных компетенций и знаний, поэтому интересна оценка готовности граждан к получению дополнительного образования в этой сфере (см. табл. 2.12).

Таблица 2.12

Ответы респондентов на вопрос:
«Готовы ли Вы пройти переобучение,
для того чтобы быть востребованными на рынке труда
в условиях цифровизации»?

Ответ	Проценты
Да, готов сделать это за свой счет при первой же возможности	8,5
Пройду переобучение только за счет работодателя или государства	30,6
Нет, я буду востребован даже без переподготовки	4,3
Готов, если не смогу найти работу с текущими знаниями и образованием	13,2
Нет, государство должно обеспечить меня работой без переобучения	14,0
Затрудняюсь ответить	29,4

Только 8,5% респондентов готовы пройти переобучение, для того чтобы быть востребованными на рынке труда за свой счет. Несколько больше респондентов – 30,6%, готовы проходить обучение, но только за счет государства или работодателя. Остальные респонденты под различными предлогами отказались проходить переобучение (60,9%). Таким образом можно сделать вывод, что переход к дистанционной работе и внедрение цифровых нововведений в производственный и управленческий процессы могут быть инициированы только сверху. Граждане не готовы самостоятельно проявлять инициативу и получать компетенции, необходимые для успешной работы в условиях цифровой экономики [45, с. 140].

Исходя из этого можно заключить, что до эпидемиологических ограничений 2020 г. большинство граждан оставались частью традиционной экономики без четкой мотивации своего участия в построении цифрового общества. Смоляне пользуются услугами маркет-плейсов в Интернете для приобретения товаров, которые, как им кажется, стоят дешевле, чем в обычных offline-магазинах. Другие аспекты цифровизации либо им мало понятны, либо граждане не видят в них своей выгоды.

Глава 3

Современные тенденции развития российских регионов: новые возможности приграничных территорий

3.1. Туризм – как фактор социально-экономического развития приграничных территорий

1. Современные условия трансформации экономики характеризуются уровнем экономического разрыва между разными предприятиями и усиливающейся конкурентной борьбой между регионами. В настоящее время обозначена и обострена борьба между странами и регионами за более эффективное и прибыльное использование природных, материальных и трудовых ресурсов. Эта ситуация требует использования и применения рациональных методов экономической эффективности, которые приводят к росту и повышению конкурентных позиций регионов, а также различных хозяйствующих субъектов, действующих на их территориях. Обострившаяся борьба между странами и регионами за эффективное и прибыльное использование природных, материальных и трудовых ресурсов предопределило один из самых главных вопросов в использовании факторов экономического развития российских регионов – это эффективное использование ресурсов и факторов, влияющих на их экономический рост [1].

2. Важным и приоритетным направлением социально-экономического развития региона является туризм. С целью улучшения привлекательности региона с точки зрения привлечения туристов стратегической задачей в области современного туристского комплекса является эффективное применение и использование культурных, исторических и природных ресурсов. Московский столичный регион связан с РБ так называемым транспортным коридором, в чем и состоит преимущественное положение этого региона. К ним относятся территории, которые близко расположены к границам Беларуси и России. Данная парадигма развития туризма, или «коридора (ворот) развития», обосновывается нами как с теоретической, так и с практической стороны, в опреде-

ленных научных исследованиях. Однако вопросы размещения и функционирования предприятий и организаций туристской сферы и экономическая оценка потенциала данной территории невозможно решить без практико-ориентированной научной и теоретической разработки. Между тем в мировой науке вопросы развития туризма на приграничных территориях получили разностороннее научное исследование [8]. В этих работах представлены и изучены позиции внутреннего туризма, поскольку отмечается, что приграничные территории имеют географическое преимущество во внутреннем туризме по сравнению с межстрановым туризмом. В частности отмечается, что в международной практике туристские связи между соседними странами имеют большое значение – это так называемый межстрановый туризм [7]. Определенный опыт по межстрановому развитию туризма имела Беларусь, особенно с еврорегионами, т. е. с территориями, расположенными на границах с государствами Евросоюза. Однако межстрановые регионы в своем большинстве находятся в невыгодном экономическом положении, а так называемые периферийные регионы имеют неразвитую информационную и транспортную структуру хозяйствования, к тому же межстрановое общение сопряжено с трудностями из-за различий правовых и законодательных систем соседних стран. Поэтому для мотивации и развития туризма необходима профессиональная экономическая деятельность.

Немного из истории. Российско-белорусское сотрудничество в сфере туризма начало развиваться в середине 1990-х годов. Прошло 25 лет с момента начала интеграции России и Беларуси. Было создано Союзное государство («Договор о создании Сообщества Беларуси и России» 1996 г.). В современных условиях изменилась сущность границы, которая все больше стала проявлять себя с отрицательной стороны, выполняя так называемую барьерную функцию, и при этом тормозя и сдерживая собственное экономическое развитие. Образование Союзного государства усилило и укрепило инициативный поток межгосударственных туристских связей. В последующие годы заключены многочисленные договоры о сотрудничестве в сфере туризма между приграничными областями России и Беларуси. В настоящее время сложившиеся отношения между этими странами и соглашения, направленные на формирование единого союзного государства, минимизируют сдерживающую функцию государственной границы. Это проявляется прежде всего в том, что российско-белорусское сотрудничество в сфере туризма возрастает, о чем свидетельствует увеличившийся объем туристского потока с обеих сторон. Для

изучения этих вопросов и проявления их особенностей в современных условиях необходимы дополнительные научные исследования и пристальное внимание ученых в организации туристской деятельности в российско-белорусском приграничье [3].

3. На наш взгляд, самым правильным и своевременным научным подходом в сложившихся условиях является использование туристско-рекреационного потенциала, т. е. такой сферы, которая на определенной территории, в нашем случае на приграничной территории, объединяет группу взаимосвязанных социальных институтов в сфере туризма и гостеприимства, и тем самым создает и формирует кластер. Создание межстрановых туристских кластеров невозможно без предварительной научной разработки и изучения вопросов размещения и функционирования системообразующих предприятий и организаций. Для теоретического изучения этого явления, как влияние туризма на социально-экономическое развитие приграничных территорий путем формирования межстрановых туристских кластеров, нам представляется необходимым использовать определенный научный подход. Под влиянием действия экономических законов рынка туристический кластер осуществляет свою деятельность в конечном счете на достижение прибыльности и рентабельности деятельности организации за счет объединения взаимосвязанных компаний, действующих на определенных территориях в сфере туризма и гостеприимства. В то же время туристские кластеры возможно рассматривать как одну из разновидностей экосистем, которая подчиняется как общим экономическим законам развития, так и специфическим закономерностям их функционирования. Все это позволяет по-новому ставить вопросы развития экономики территории для деятельности органов государственной власти, поскольку многогранная кластерная политика на уровне региона обеспечит взаимовыгодное сотрудничество между властью и бизнесом, учебными заведениями, научными организациями и общественностью, и тем самым приведет к экономическому и многогранному росту [2].

Развитие туристского кластера в российских регионах позволит увеличить материальные вложения в новые производства для группы предприятий – участников туристического кластера, а это в свою очередь приведет к повышению эффективности и улучшению качества туристических услуг на внутреннем российском и международном рынках.

4. В целях определения приоритетных направлений развития туристско-рекреационного кластера в российско-белорусском

приграничье нами был проведен сравнительный анализ по использованию ресурсов и факторов производства. Данный анализ свидетельствует о том, что уровень социально-экономического развития приграничной территории напрямую взаимосвязан с уровнем развития соседней территории. Таким образом, экономика и общество одного государства трансформируются под влиянием другого, что особенно видно в приграничных регионах. Если уровень региона слабее, то это только ухудшает его положение. Он становится своего рода «донором» дешевых ресурсов, усиливаются миграционные потоки дешевой рабочей силы в сторону более развитой территории [3].

В то же время для страны с менее развитой экономикой близость к соседней стране позволяет выделить ряд преимуществ в стратегической перспективе. Среди них можно отметить укрепление стабильности страны и обеспечение долгосрочного экономического развития и особенно необходимо выделить такую тенденцию, как улучшение качества трудовых ресурсов (ТР), рассматриваемая нами, как основа увеличения конкурентных позиций регионов, их экономического роста и взаимовлияния состояния трудовых ресурсов на уровень социально-экономического развития территориальных образований РФ.

С этих позиций обращает на себя внимание характеристика трудовых ресурсов, а именно численность и структура рабочей силы региона, его дифференциации по образованию, квалификации, уровню оплаты труда и численности и состава безработных.

5. В результате проведенного исследования анализ состояния трудовых ресурсов за период 2013–2018 гг. по ряду направлений: естественное движение, миграция, занятость, безработица и др. позволил конкретизировать типовой факторный набор для следующих пяти российских приграничных территорий: Брянской, Калужской, Смоленской, Тверской и Псковской. Были выявлены факторы, оказывающие положительное влияние на развитие трудовых ресурсов (факторы-мотиваторы) и препятствующие их развитию (факторы-демотиваторы).

Под действием этих двух групп факторов сформировались следующие специфические особенности воспроизводственного процесса трудовых ресурсов на данных приграничных территориях [3]:

1. Гендерная структура населения характеризуется увеличением количества женщин (52,4% общей численности населения на 1 января 2018 г.).

2. Коэффициент старения (отношение числа лиц 60 лет и старше к общей численности населения) составляет 18,1%.

3. Изменение возрастного состава населения существенным образом сказывается на коэффициенте демографической нагрузки (сколько на 1000 лиц трудоспособного возраста приходится нетрудоспособных).

4. Важным фактором, который оказывает существенное влияние на уровень занятости населения ряда приграничных областей, являются следующие характеристики трудовых ресурсов: уровень профессиональной подготовки (среди лиц с высшим образованием безработица ниже), возраст (среди молодежи безработица выше), пол (среди мужчин доля безработных в среднем в 1,5 раза превышала долю безработных среди женщин), состояния экономики (в урбанизированных районах обеспеченность жителей рабочими местами значительно выше, чем в сельской местности, ввиду недостатка вакансий и зачастую их низкого качества) (табл. 3.1) [2].

Таблица 3.1

Оценка состояния ТР регионов
на состояние 01.01.2018 г.

№ п/п	Субъект РФ (область)	Покомпонентные оценки $S_{ТР}$			Интегральная оценка $S_{ТР}$
		S_F	S_R	S_W	
1	Брянская	2,8	1,8	3,9	2,7
2	Калужская	2,8	1,9	3,8	2,7
3	Псковская	2,9	1,7	3,8	2,6
4	Смоленская	2,6	1,7	4,6	2,9
5	Тверская	2,7	1,9	3,8	2,7

Сравнительный анализ пяти областей по состояниям ТР на каждой стадии позволил сделать следующие выводы:

1. По данным табл. 3.1, Калужская, Смоленская и Псковская области перемещаются в зависимости от стадии оценивания трудовых ресурсов между «средней группой» и «регионами-аутсайдерами», образуя *группу риска* [6].

2. Утверждение некоторых экономистов, которые считают, что приграничные территории России и РБ развиваются более медленно по сравнению с экономиками своих стран, на наш взгляд является не убедительным [5]. В частности они утверждают,

что межстоличное положение снижает экономический потенциал многих приграничных областей, а именно Смоленской, Витебской и Могилёвской за счет оттока человеческих и финансовых ресурсов.

3. В результате анализа возможностей проведения активной кластерной политики с учетом существующего социально-экономического положения региона в сферах развития туризма, малого и среднего предпринимательства, инвестиционной и инновационной деятельности, профессионального образования и науки можно сделать вывод, что существующие конкурентные преимущества областей российско-белорусского приграничья являются благоприятной основой для создания и развития туристских кластеров в регионе [6].

Однако требуются новые подходы в организации туристской деятельности в российско-белорусском приграничье. Одним из современных подходов является кластерная политика и кластерный менеджмент, который создает приоритетные условия развития различных отраслей хозяйства, в том числе туризма. Для изучения столь сложного явления, как влияние рекреации и туризма на социально-экономическое развитие приграничных территорий путем формирования трансграничных туристских кластеров, универсальным представляется системный подход. В рамках системного подхода необходимо использование научных методов исследования, таких как сравнительно-географический и сравнительно-исторический; метод изучения практической деятельности предприятий туристской сферы и ситуативного анализа туристской сферы приграничных областей России и Беларуси и т. д.

Исследования с помощью системного подхода по изучению роли региональных туристских систем приграничных областей России и Беларуси в экономике приграничных районов в результате формирования трансграничных туристских кластеров в отечественной науке пока не проводилось и мы делаем в этом направлении первые попытки.

Под влиянием механизмов рыночной экономики туристские кластеры работают на достижение экономической эффективности за счет усиления координации деятельности участников и усиления их связей. В формировании туристско-рекреационной сферы региона приоритетную роль выполняет активная кластерная политика органов государственной власти, которая является движущей силой для развития взаимовыгодного сотрудничества между властью, бизнесом, учебными заведениями, научными организациями и общественностью и приводит к масштабному

мультипликативному эффекту. Реализация кластерной политики в российско-белорусском приграничье привлекает часть хозяйствующих субъектов к инвестициям, инновациям и новым технологиям. В целях определения основных направлений кластерной туристской политики в регионах российско-белорусского приграничья был проведен SWOT-анализ, который выявил возможности и угрозы их существующего социально-экономического положения применительно к сфере туризма. В ней к основным возможностям, на наш взгляд, следует отнести следующие позиции: выгодное вложение отечественных и западных инвесторов в реализацию туристских инвестиционных проектов; получение мультипликативного эффекта от реализации крупных межрегиональных и межгосударственных (РБ и РФ) проектов в сфере туризма; повышение конкурентоспособности туристских кластеров на территории российско-белорусского приграничья, отвечающих спросу и потребностям современного туристского рынка; создание и продвижение туристского бренда региона и формирования трансграничных туристских кластеров на приграничной территории.

В результате анализа возможностей проведения активной кластерной политики можно сделать вывод, что существующие конкурентные преимущества областей российско-белорусского приграничья являются благоприятной основой для создания и развития туристских кластеров в регионе. Однако в результате предварительного кластерного анализа, следует сделать вывод, что на территории российско-белорусского приграничья нет ни одного оформленного трансграничного туристского кластера: есть отдельные предпосылки и условия для создания и развития нескольких пилотных туристских кластеров. При этом главную роль играет наличие туристских ресурсов, а также их расположение, степень коммерциализации ресурсов, уровень развития горизонтальных связей между субъектами туристской деятельности, транспортная доступность по отношению к основным рынкам сбыта. Исходя из этого, наиболее интересными и конкурентоспособными на туристском рынке могли бы быть кластерные инициативы, связанные с развитием трансграничного туризма между Смоленской, Псковской и Витебской областями.

Таким образом, на основе проведенного анализа необходимо провести следующие мероприятия, направленные на формирование трансграничных туристских кластеров: осуществить анализ инвестиционного и кадрового потенциала муниципальных образований приграничных областей для создания перспектив-

ных (пилотных) трансграничных туристских кластеров; создать эффективную региональную систему государственной поддержки инновационной деятельности в сфере туризма; проведение анализа конкурентоспособности туристской сферы региона, инновационных возможностей учебных заведений и научных организаций, а также создать систему информационной и методической поддержки хозяйствующих субъектов – потенциальных участников туристских кластеров,

3.2. Интегрированные коммуникации и их влияние на динамику развития миграционных потоков

Современное состояние и динамика миграционных процессов, как в мире, так и в России, в большей степени зависят от коммуникационной деятельности как на государственном, так и на региональном уровне.

Складывающаяся динамика развития миграционных потоков зависит от многих факторов, среди которых важнейшее значение имеют, конечно, уровень жизни населения разных регионов, наличие и перспектива появления новых рабочих мест, развитость инфраструктуры и др. Но быстрое развитие информационных технологий создало предпосылки того, что все большее значение для привлекательности регионов имеют коммуникации.

При этом коммуникации нужно рассматривать, с одной стороны, в широком смысле, как возможное взаимодействие между людьми, включая общение между представителями различных культур, что особенно важно с учетом роста миграционных потоков.

Современные сложности, связанные с миграционными процессами, часто имеют не экономические, а коммуникационные проблемы. Во многих странах пройден большой путь по формированию толерантного отношения представителей разных культур друг к другу, и тем не менее межкультурные различия все чаще проявляются в ситуациях, когда на первый взгляд такого не должно было произойти. В России данная проблема стоит хоть и немного в другой плоскости, но не менее остро. И ключевым фактором для решения таких проблем во всем мире считается

максимальная открытость во взаимоотношениях между представителями разных культур, создание единого коммуникационного пространства.

В целом развитие коммуникативных технологий воспринимается в современном мире как инструмент для решения многих проблем, возникающих в быстро меняющемся мире, как ответ на вызовы современного общества.

Согласно определению Герта Хофстеде «культура – коллективная ментальная запрограммированность, часть предопределенности нашего восприятия мира, общая с другими представителями нашей нации, региона или группы и отличающая нас от представителей других наций, регионов и групп».

Такой подход находит отражение в коммуникациях людей разных культур. Современная ситуация с миграционными потоками предполагает, что представители разных национальностей должны восприниматься, в первую очередь, не как представители той или иной нации, а как представители стран и регионов, в которых они проживают и работают.

Это отражает современный подход к коммуникациям в широком, общецивилизационном, смысле.

Но необходимо при этом учитывать, что коммуникации можно рассматривать и в узком, маркетинговом, смысле, как комплекс интегрированных коммуникаций, прикладной инструментарий, который имеет важное значение в маркетинге, в том числе при разработке бренда территорий.

Что же представляют собой интегрированные маркетинговые коммуникации (ИМК)?

Интегрированные маркетинговые коммуникации – это комплекс маркетинговых коммуникаций, включающий в себя все инструменты и формы коммуникаций, интегрированность которых определяет их единство и комплексный характер использования.

Понятие ИМК определяет стратегический характер современного коммуникационного взаимодействия с потребителями, в том числе тогда, когда коммуникации работают на интересы регионов и связаны с брендингом территорий и миграционными потоками.

Однако экономика за это время существенно изменилась, изменились и вызовы общества, особенно настроения и предпочтения потребителей. Именно поэтому на смену понятию «продвижение» (*англ.* – *promotion*) в маркетинг пришло понятие «коммуникация» (*англ.* – *communication*).

Точнее, сегодня в маркетинговых концепциях существуют оба эти понятия, и, в зависимости от специфики конкретного рынка, ситуации в различных отраслях здесь и сейчас, соотношения спроса и предложения на конкретный продукт (товар или услугу), маркетологи отдают предпочтение применению одного из них или пытаются применить оба подхода одновременно.

Современный человек не готов соглашаться с тем, что бизнес воспринимает его только как потребителя, в том числе рекламной информации, он требует от компаний взаимодействия, а не воздействия. Люди ищут от производителей и продавцов открытого диалога, а не навязывания товаров и/или услуг.

Многие компании понимают это и перестраивают свои отношения с клиентами. Все чаще успешные компании формируют свои взаимоотношения с потребителями именно через коммуникации.

При этом все больше бизнес понимает, что путь к успеху – это наличие и реализация стратегии. И в части коммуникаций с потребителем стратегическим подходом считается использование комплекса ИМК. В XXI в. стратегическим подходом постепенно стал мультиканальный подход к ИМК, согласно которому все каналы коммуникаций должны быть задействованы вместе. И совсем недавно появился омниканальный подход, который предполагает персонализацию потребителя и фокус на самом клиенте, а не на канале взаимодействия с ним. Но ключевое место в современной коммуникационной стратегии по-прежнему остается за ИМК.

В состав ИМК входит много инструментов. В самом общем виде можно обозначить следующие основные элементы комплекса ИМК:

1. ATL – реклама (или «традиционная» реклама, включающая рекламу в СМИ, ООН – рекламу (out of home) и другие виды).

2. PR (или связи с общественностью, причем под общественностью надо понимать как в целом окружающий компанию социум, общественные и государственные организации, СМИ и другие возможные контактные аудитории, так и более конкретно очерченный круг людей – представителей целевой аудитории компании, ее клиентов).

3. Программы лояльности (различные скидочные программы, нацеленные на формирование большей ценовой привлекательности для постоянных потребителей).

4. Direct – marketing, который подразделяется, как минимум на два важных направления:

- direct – mail (т. е. адресная почтовая рассылка)
- direct – sale (или так называемые прямые продажи – продажа товаров вне стационарных магазинов, супермаркетов, торговых центров и т. п. Важно отметить, что данный вид коммуникаций первоначально был направлен на клиентов в сфере B2B, но в дальнейшем распространился, хотя и нешироко, на сферу B2C).
- 5. Выставки и ярмарки.
- 6. Event – marketing (организация событий как коммуникационной площадки для налаживания взаимодействия с потребителями и другими контактными аудиториями).
- 7. Спонсорство.
- 8. Product Placement.
- 9. Внутренний маркетинг.
- 10. BTL – реклама (в местах непосредственного контакта с потребителями: магазины, салоны и т. п.).

В состав ИМК входит еще по меньшей мере 8 элементов, каждый из которых сам по себе, также как и другие, имеет большое значение, но только в комплексе они создают условия, при которых к коммуникациям относятся как к стратегическому решению.

Именно определяя коммуникационную стратегию регионального развития, ИМК создают необходимые предпосылки применения брендинга территорий.

Брендинг территорий, как современный подход к стратегическому развитию регионов, определяется как стратегия повышения конкурентоспособности государств, регионов и городов с целью привлечения инвесторов, туристов и мигрантов (последних в соответствии с потребностями региона). «Брендинг территорий» – не новое понятие в маркетинге, но как стратегический подход оно получило развитие относительно недавно.

Рассматривая коммуникации именно в таком аспекте, специалисты отмечают рост их значения для развития территорий. Важно учитывать, что инструменты интегрированных коммуникаций используются в брендинге территорий для достижения одной цели, но призваны решать разные задачи.

Так, все большее значение для привлекательности региона имеет его имиджевая составляющая, которая формируется именно с помощью инструментов интегрированных коммуникаций. Создавая необходимые атрибуты территориального бренда (например, визуальные ориентиры, имиджевую символику и другие) регионы не только формируют у местного населения интерес к атрибутам – носителям территориального бренда, но и создают

коммуникационное взаимодействие через носителей бренда для жителей других регионов и стран.

Многие российские регионы в последние годы озаботились разработкой атрибутов своего бренда, используя традиционные мотивы: памятники истории и архитектуры, известные персоны, значимые события, проходящие или проходившие на данной территории, и т. п.

Также важно, что с помощью интегрированных коммуникаций формируется информационная составляющая имиджа региона. А современные цифровые каналы коммуникаций позволяют получать информацию в любом месте, т. е. получение необходимой информации о регионе перестало быть связанным с пребыванием на данной территории в данное время. Миграционные потоки становятся очень динамичными. Перетекание мигрантов из одного региона в другой и даже из одной страны в другую сейчас во многом зависит от получаемой ими информации из различных источников.

В результате мы наблюдаем, что потоки мигрантов напрямую зависят от получаемой ими информации. Как только общий информационный фон в какой-либо стране и/или регионе становится приемлемым, миграционные потоки направляются в данную страну/регион. И наоборот, ухудшение информационного фона приводит к оттоку мигрантов.

С другой стороны, положительная информация о регионе позволяет сдерживать отток квалифицированных специалистов из региона.

Существующая практика показывает, что во многих регионах по-прежнему информация для «местного» населения и мигрантов отличается, иногда достаточно существенно. Уже давно региональным властям пора принять во внимание, что современный уровень развития информационного общества не допускает подобного подхода. Открытость и доступность информации предполагают выработку единых подходов к информированию граждан, независимо от того, проживают ли они на данной территории давно или относительно недавно. Только такой подход формирует доверие к информации и позволяет с ее помощью решать задачи региона.

Помимо обеспечения привлекательности региона для граждан страны и мигрантов, с помощью интегрированных коммуникаций создается необходимая информационная база для потенциальных инвесторов. Чтобы убедить инвесторов в необходимости вкладывать деньги в тот или иной региональный проект важно

показать все преимущества такого шага. А с точки зрения миграционных потоков наличие инвестиционных проектов в регионе важно как основа для создания новых рабочих мест.

Продвижение территориальных проектов направлено в основном на потенциальных инвесторов, причем как внутренних, так и внешних. Подобная коммуникация решает конкретную задачу – привлечение инвесторов. Исходя из этого и определяется ее специфика. Согласно интегрированному подходу, в данном случае можно применять *direct – marketing* (точнее, *direct – sale*) или PR, в том числе специальный его вид, известный как IR (*investor relations*).

Действительно, несмотря на то что реклама является ключевым инструментом маркетинговых коммуникаций, в территориальном брендинге не менее важное значение имеют связи с общественностью (PR). Именно с помощью PR-технологий формируется положительный имидж региона.

PR территорий – это работа по созданию положительного имиджа региона в глазах всех контактных аудиторий.

При этом актуальным является как количество положительной информации о регионе, так и контекст, в котором она подается. Кроме этого существенным является источник информации. Эти и другие составляющие PR-процесса определяют доверие к региону. К тому же создание положительного имиджа – это длительная и постоянная работа.

Так, важно, чтобы положительная информация о регионе была размещена в источниках информации, которым доверяют те, кому она адресована. Но такие источники дорожат своей репутацией и размещают далеко не всякую информацию. Налаживание взаимодействия с такими источниками (это могут быть, например, центральные СМИ) – прямая функция PR-специалистов.

Investor relations, как часть PR – это элемент стратегии территории, направленный на предоставление существующим и потенциальным инвесторам сведений о текущем положении дел в регионе, перспективах конкретных проектов, уровне государственной поддержки, финансовой политике региона и т. п.

Исходя из этого, одной из важных коммуникационных задач является обеспечение потенциальных инвесторов исчерпывающей информацией. При этом представителей инвесторов интересуют совершенно конкретная информация: условия возврата инвестиций, конкретные показатели экономики региона и другие факторы.

В целом PR направлен на создание положительного информационного поля для развития региона.

В данном случае информационная составляющая связей с общественностью оказывает большое влияние на настроение людей, в том числе потенциальных мигрантов.

Например, одним из важнейших показателей привлекательности региона является средняя заработная плата. Предположим, что в каком-либо регионе она выше, чем в других. И информация об этом доступна. Но важно, кроме информации о доходах, знать – может ли мигрант и при каких условиях рассчитывать на такую заработную плату?

Также важна информация о доступности медицины и образования. Если региональные власти рассчитывают на приток квалифицированных специалистов (причем готовых работать достаточно долго), приходится учитывать, что им и их семьям могут понадобиться медицинские и образовательные услуги. Доступность и стоимость медицины и образования может оказаться для некоторых категорий трудовых мигрантов в некоторых случаях важнее заработной платы. И информация о доступности таких услуг в регионе часто становится главной в принятии решения о переезде.

И тогда возникает вопрос: а насколько информация о государственных и/или региональных программах защиты здоровья и обеспечения образования доступна в информационном поле? И какие усилия предпринимают региональные власти в данном направлении?

Наличие информации по данному вопросу является определенным маркером того, в каких трудовых мигрантах заинтересован регион.

В России быстро набирает популярность еще один элемент интегрированных коммуникаций региона – событийный маркетинг. Это связано с несколькими факторами. Во-первых, события, происходившие или происходящие в регионе, могут быть удачно встроены в развитие бренда территории. Во-вторых, на основе событий можно создавать положительный имидж региона. В-третьих, события, особенно крупные и повторяющиеся, создают рабочие места. В-четвертых, события являются важным фактором конкурентной борьбы региона за инвестиции. Эти и другие факторы способствуют тому, что российские регионы активно пробуют использовать событийный маркетинг.

Для миграционной политики региональные события и информация о них тоже имеют значение, так как, с одной стороны, для их проведения создаются дополнительные рабочие места, в том числе, возможно, для приезжих, а с другой стороны, они,

являясь частью интегрированных коммуникаций, способны повышать интерес к региону.

Остальные элементы интегрированных коммуникаций также активно используются в брендинге территорий, в том числе для привлечения в регион квалифицированной рабочей силы.

Но рост интереса к брендированию территорий не гарантирует успеха в развитии. С сожалением можно отметить, что пока в российских регионах при разработке брендов территорий, как правило, эстетические критерии преобладают над экономическими. Как ни странно, заказчикам часто больше нужны красивые картинки, отчет о проведенной работе и соответствие формальным критериям, а не реальное развитие территории. Поэтому критерии эффективности и механизм получения экономических результатов в технических заданиях на разработку брендов территорий часто отсутствуют. Такое положение дел вполне устраивает и исполнителей заказов на разработку территориальных брендов. Они уверенно заявляют, что провели необходимые исследования, выяснили мнения представителей целевых аудиторий и разработали отличную и узнаваемую айдентiku бренда для региона.

Однако эффективность брендинга территорий должна определяться конкретными результатами, в первую очередь экономическими, а также коммуникационными и социальными.

Эффективность бренда территории должна измеряться в соотношении эффекта от его разработки и затрат на его создание. Промежуточных измерителей эффекта в виде «доли в сердце» и «доли в сознании» в терминологии Россера Ривза явно недостаточно, поскольку затраты на создание бренда имеют точное денежное измерение. И это необходимо учитывать при разработке не только бренда, но и в целом стратегии развития территорий.

Также и показатели миграционных потоков гораздо более материальны, чем может показаться на первый взгляд, и четко переводятся в денежный эквивалент. Более того, показатели миграционных потоков легко подразделяются на показатели для оценки краткосрочного эффекта («маятниковая миграция») и «стратегические» показатели потоков с переменной постоянной места жительства.

Но важно учитывать, что показатели миграции, кроме экономических показателей, определяющих фактическую привлекательность территории, зависят от коммуникаций, оказывающих непосредственное влияние на динамику развития миграционных потоков.

Таким образом, можно рассматривать интегрированные маркетинговые коммуникации территории как важный инструмент управления ее стратегическим развитием и оценивать его эффективность можно (в числе других факторов) через показатели миграционных потоков, поскольку их динамика является очевидным маркером эффективности применения коммуникаций.

Для управления миграционными потоками необходимо смоделировать их зависимость от социально-экономических, климатических и географических факторов, что возможно делать на основе концепций и моделей, включая стратегический подход к интегрированным маркетинговым коммуникациям.

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить, что разработка эффективных брендов территорий нуждается в новой концепции, опирающейся на динамику миграционных потоков, а динамику миграционных потоков целесообразнее всего моделировать с учетом использования интегрированных коммуникаций.

Исходя из этого, становится очевидным, что эффективное использование интегрированных коммуникаций является необходимым атрибутом работы региональных властей.

3.3. Предложения по изменению внутренней миграционной политики в целях экономического развития регионов России

Международная экономическая интеграция изменяет институциональную среду государств. Субъектам экономики приходится адаптироваться к изменяющимся условиям жизнедеятельности и хозяйствования, пытаясь реализовать появившиеся возможности для внешнеэкономического взаимодействия. В современных условиях изменилась сущность границы, которая все больше стала выполнять сдерживающую функцию, тормозя собственное экономическое развитие.

Поэтому одной из важнейших научно-практических задач на современном этапе является выявление трансформаций, происшедших в экономике и социальной сфере России и других постсоветских государств. Отношения между этими странами и различные достигнутые соглашения минимизируют сдерживающую функцию государственной границы. Это говорит о возможности формирования единой экономической общности.

Однако в последние годы в сопредельных странах выросло поколение, полагающее, что их жизненный путь отличается от исторического пути России. Об этом свидетельствуют многие факты, в частности длительное протестное движение, которое началось после выборов президента РБ в августе 2020 г.

Все это позволяет сделать вывод о наличии противоречий в развитии отношений России с другими странами, бывшими республиками СССР.

Это характерно и для взаимоотношений России и РБ. Анализ экономического развития приграничных территорий за последние годы выделяет разные тенденции развития приграничного сотрудничества. В частности отмечается, что для некоторых приграничных регионов характерно развитое экономическое сотрудничество с высокой степенью интеграции, а для других российских регионов свойственно наличие простых торговых экономических отношений. Данные тенденции влияют на общее экономическое развитие приграничных территорий как России, так и РБ [38, 40, 45, 46, 48, 49].

Анализ происшедших изменений экономического развития на территории российского и белорусского приграничья позволяет сделать некоторые выводы:

1. Организация новых, соответствующих современным социокультурным реалиям, связей народов России и Беларуси формируются на основе наличия общих исторических корней и общей однокоренной культуры.

2. Исходя из результатов проведенного социологического исследования, можно утверждать, что собственное развитие РБ противоречиво: с одной стороны, не исключается продвижение страны в сторону Запада, поскольку наличие непосредственной границы с государствами Евросоюза обуславливает движение Беларуси по западному вектору, а с другой стороны, традиционные, коллективистские и социально-духовные характеристики у русских и белорусов очень похожи и выражены достаточно высоко.

Таким образом, Беларусь объективно поставлена в условия сложного развития – на Восток или на Запад. Однако возможен и вероятен третий путь – к самоопределению и равноправным отношениям со всеми.

3. В настоящее время происходит увеличение иммиграционных потоков в приграничные территории РФ из соседней РБ, что свидетельствует о позитивных тенденциях, которые наметились в миграционной политике России. Это подтверждает

и проведенный социологический опрос белорусов, проживающих в России, согласно которому на вопрос «удовлетворенности взаимоотношениями с жителями приграничных территорий РФ – представителями русского этноса» процент положительных ответов выше, чем процент «удовлетворенности взаимоотношениями с представителями своего (белорусского) этноса». На наш взгляд, более положительная субъективная оценка отношений с представителями принимающего русского этноса может служить свидетельством успешности адаптации к новому социо- и этнокультурному окружению. Одним из важных индикаторов адаптации людей к новым для них условиям жизни является фактор «удовлетворенности человека своим положением в обществе» и «удовлетворенности человека своим положением в коллективе». Проведенный социологический опрос свидетельствует, что вершины ценностных иерархий занимают: ценности труда, профессионализма, деятельности, социальной активности, самореализации. К таковым относят, в первую очередь, семью и контакты, через которые преломляются объективные условия и которые определяют неодинаковое значение разных сторон условий жизни и отношение к ним. Именно эти факторы могут стать определяющими и способны оказывать воздействие на миграционную мобильность [29, с. 140].

4. С позиций указанных теоретических подходов можно обосновать образование миграционных потоков из РБ на территорию РФ, опираясь на результаты эмпирического исследования, и сформировать структуру мотивов миграции, побудивших молодых людей, представителей белорусского этноса, к переезду.

Согласно полученным результатам, среди главных причин переезда молодых людей из РБ в приграничный город РФ наибольший вес получили такие ответы, как желание получить образование и профессиональный интерес (58%), семейные обстоятельства (13%) и отъезд друзей, знакомых (11%) [29, с. 144].

Ведущими мотивами выступают позиции, которые можно отнести к группе познавательных и мотивов личностного роста, мотивов получения профессии и достижения определенного социального статуса, т. е. к группе тех определяющих позиций, которые составляют группу, скорее, внутренних, субъективных или личностных факторов, нежели внешних. Опираясь на опросы и отвечая на вопрос, имеет ли местное и приезжее население в России равные возможности в таких сферах, как продвижение по службе, занятие руководящей должности или предпринимательство, практически все опрошенные согласились с тем, что в

продвижении по службе и занятии предпринимательством такие возможности равны как для местного, так и для приезжего населения [29, с. 124].

Более того, в ходе опроса выяснилось, что значительная часть приезжающих (в пределах 70–75% в зависимости от ответов на тот или иной вопрос) считают, что через 10 лет, оставаясь жителем России, они станут профессионалами высокого уровня и смогут самореализоваться, станут более богатыми, займут более высокое положение в обществе, будут собой гордиться и вызывать уважение у окружающих. Эти данные свидетельствуют о том, что почти три четверти опрошенных достаточно оптимистично оценивают перспективы своего профессионального, карьерного и социального развития в России, роста своего материального благополучия и тем самым позитивно рассматривают свое пребывание на территории России после окончания учебы в вузе.

5. Следует отметить, что в ряде случаев одни и те же факторы могут оказывать неоднозначное влияние на принятие решения о миграции. К примеру, «возможности трудоустройства» или «семейные причины» в одних ситуациях влияют на формирование установок на миграцию, в других – наоборот, на формирование установок на оседлость. Кроме того, деление факторов на внешние и внутренние представляется весьма условным. Так, казалось бы, объективные возможности трудоустройства или объективные семейные причины относятся к внешним условиям социальной среды, однако, учитывая, что эти условия по-разному преломляются через внутренний мир каждой личности, их можно с определенной долей условности отнести и к внутренним условиям. Все это лишний раз подтверждает мнение о сложном сочетании внешних и внутренних факторов и о неоднозначном их влиянии на социально-психологическое состояние готовности человека к изменению своего территориального статуса и на формирование миграционных установок.

Полученные данные, на наш взгляд, свидетельствуют, с одной стороны, о стремлении к сохранению белорусскими мигрантами своей этнокультурной идентичности, а с другой – об их стремлении к активному взаимодействию с принимающим русским населением. Данный факт, в свою очередь, является отражением выбора такой стратегии адаптации мигрантов в новой среде, как интеграция, которая, с одной стороны, не приводит к полной утрате своих культурных особенностей, а с другой – способствует принятию новым социокультурным окружением и в конечном счете приводит к успешной адаптации.

6. Уровень социально-экономического развития приграничной территории напрямую взаимосвязан с уровнем развития соседней территории. Таким образом, экономика и общество одного государства трансформируются под влиянием другого, что особенно видно в приграничных регионах. Если уровень региона слабее, то это только ухудшает его положение. Он становится своего рода «донором» дешевых ресурсов, усиливаются миграционные потоки дешевой рабочей силы в сторону более развитой территории [40, с. 123].

В то же время для страны с менее развитой экономикой близость соседнего государства позволяет выделить ряд преимуществ в стратегической перспективе. Среди них можно отметить укрепление стабильности страны и обеспечение долгосрочного экономического развития. Особенно необходимо выделить такую тенденцию, как улучшение качества трудовых ресурсов (ТР), рассматриваемую нами в качестве основы повышения конкурентоспособности регионов, их экономического роста и взаимовлияния состояния трудовых ресурсов на уровень социально-экономического развития регионов РФ [30, с. 142].

С этой позиции обращает на себя внимание характеристика трудовых ресурсов, а именно численность и структура рабочей силы региона, его дифференциации по образованию, квалификации, уровню оплаты труда и количества и состава безработных.

7. Значительные размеры территории РФ и неоднородность социально-экономического развития ее регионов обуславливают важность учета влияния городов-миллионников на структурные изменения и интенсивность отраслевой трансформации в регионах по мере их удаленности от геополитического центра страны. Существенная удаленность большинства приграничных регионов от столицы приводит к минимизации ее влияния и также снижению роли внутривосточных региональных связей.

Следует отметить большое различие в развитии регионов России. Это важно, так как все они по-разному включены в миграционные процессы на территории страны, что в свою очередь определяет специфику распределения миграционных потоков между российскими регионами.

3.4. Предложения для регионов: новые возможности приграничных территорий

Исследования социально-экономического развития приграничных регионов занимают значимое место в российской и зарубежной научной литературе. Последствия интеграции России и Беларуси рассматриваются во многих статьях российских и белорусских ученых. Более того, сформулированы преимущества и недостатки этого процесса, требующие дальнейшего осмысления и анализа.

1. На основе проведенного исследования выделены факторы институциональной среды приграничных регионов, изменяющиеся под влиянием межгосударственной интеграции.

Приграничные регионы и их институциональная среда обладают рядом специфических черт, накладываемых расположением. Они одновременно достаточно удалены от центра и столиц в одном государстве и при этом очень близки к соседним странам, что делает их активными и самостоятельными субъектами межгосударственного сотрудничества. Такое приграничное расположение территории обуславливает наличие двух диаметральных свойств. Это, с одной стороны, феномен приграничности, потенциально предоставляющий те или иные дополнительные ресурсы на развитие, а с другой стороны, также связанный с ним эффект периферийности, что дает для бизнес-среды такого региона преимущества.

В политическом смысле – весьма повышенная зависимость от большинства управленческих решений центра, а также и лояльность центру соответствующих местных элит.

В демографическом смысле – существенно невысокая плотность населения территории, относительно высокая демографическая нагрузка, разреженная, а также часто деформированная система расселения, нулевое либо же отрицательное миграционное сальдо (включая и при ряде определенных условий – отток части населения трудоспособных возрастов).

В социально-экономическом смысле – весьма незначительный уровень освоения хозяйства соответствующей территории, сравнительно высокая доля ряда отраслей первичной сферы в экономике, достаточно невысокий уровень доходов (исключая ресурсно-добывающие регионы России), а соответственно, и потребления домохозяйств, существующая зависимость в техно-

логическом смысле от тех или иных предприятий центра, узкая специализация всей экономической базы.

Исторически сложившаяся близость российско-белорусских народов и определенная специфика взаимодействия государств определили на рассматриваемых приграничных территориях превалирование периферийных свойств в развитии. Одновременно с этим весьма частые изменения как границ, так и их статуса не образуют достаточно устойчивых структур в территориальной организации хозяйства и населения, которые связаны с границей.

Приграничность того или иного региона может являться основой для его потенциальной инвестиционной привлекательности, при этом надо иметь в виду относительную близость ряда рынков различных соседних стран. Помимо этого, приграничность весьма часто представляется фактором, который и обуславливает вложение соответствующих бюджетных инвестиций в социально-экономическое развитие определенного региона – «ворот» страны. Последнее же можно отнести и к периферийным регионам, где иногда те или иные государственные капиталовложения являются лишь единственным источником «выживания». Периферийность одновременно означает и инвестиционную непривлекательность соответствующих территорий. Недостаток инвестиций, как правило, способствует закреплению данных периферийных свойств.

Приграничное положение предоставляет тому или иному региону преимущества и интересные возможности: упрощение процесса распределения ресурсов и взаимного их использования; расширение возможностей рынка труда; снижение транзакционных издержек; увеличение информационных потоков и ускорение процессов интеграции. Параметром оценки развития проявлений феномена приграничности могут являться трансграничные экономические связи. Между Россией и Республикой Беларусь они реализуются в формах производственного кооперирования, взаимопомощи (к примеру, в сельском хозяйстве), соответствующего торгового обмена, отражаются в развитии белорусского малого предпринимательства и т. д.

Частота различных трансграничных связей в рассматриваемом российско-белорусском приграничье находится в прямой зависимости не от близости к той или иной границе, а от положения какой-либо территориальной единицы в региональной системе, называемой «центр – периферия». Причем интенсивные и однонаправленные трансграничные связи видны при

тяготении того или иного приграничного города либо района к соответствующему региональному центру другого соседнего государства, что объясняется рядом физических параметров (в частности, расстояние до центра), также историческими и иными причинами. Если рассматривать микроуровень с местоположением (т. е. удаленностью от границы), тогда интенсивность каких-либо трансграничных контактов также имеет низкую корреляцию.

2. На основе проведенного анализа факторов предлагается схематическое изображение взаимовлияния ключевых факторов развития бизнес-среды регионов приграничья в современных условиях (см. рис. 3.1).

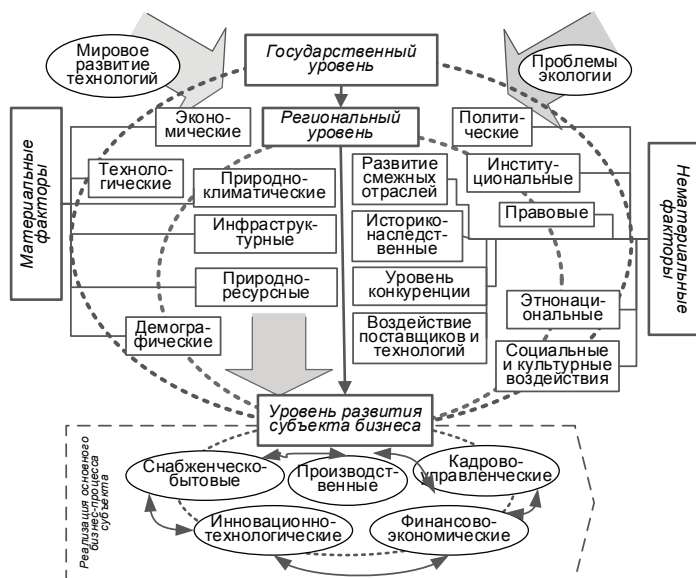

Рис. 3.1. Ключевые факторы изменения институциональной среды регионов приграничья

Авторами предлагается выделить трех уровней групп факторов по степени воздействия на анализируемую бизнес-среду: государственный, региональный и уровень развития бизнес-субъ-

екта, а также группировка факторов на материальные и нематериальные факторы развития приграничных территорий.

Анализ показывает, что важной также является иерархия соответствующих населенных пунктов. Чем выше иерархический ранг того или иного поселения, тем реже в большем числе случаев население совершает перемещения. Наиболее ярко подобное явление выражено в выборе тех или иных мест учебы. Так, к примеру, жители районных центров Чаусы и Шумячи наиболее часто получают образование именно в Могилёве и Смоленске соответственно, жители же Злынки – в Брянске или Новозыбкове, Добруша – в Гомеле. Список мест обучения жителей тех или иных населенных пунктов более высокого иерархического ранга (например, Десногорска, Рославля, Новозыбкова) более разнообразен: Брянск, Калуга, Могилёв, Москва, Обнинск, Псков, Смоленск и иные населенные пункты. Минимальная мобильность наблюдается у жителей Могилёва и Гомеля, что обуславливается наличием достаточно большого числа разнообразных учебных заведений непосредственно в рассматриваемых городах. Различия по профилям в трансграничных перемещениях значительны.

Для российско-белорусского приграничья характерной является достаточно слабая реализация ряда преимуществ особого приграничного местоположения либо нивелирование тех или иных положительных эффектов от его непосредственной реализации какими-либо другими негативными социально-экономическими процессами. Причем, после создания Единого экономического пространства и Таможенного союза все преимущества для рассматриваемых приграничных территорий сократились, что, соответственно, весьма негативно отразилось на числе и характере межстранового взаимодействия в этой области. Подобная ситуация является вполне объяснимой, поскольку в процессе интеграции принципиально меняются условия торговли между соответствующими странами. То, что раньше возможно было описать как локальные приграничные преференции, на сегодняшний день имеет отношение ко всей территории обеих стран.

Анализ соответствующих показателей инвестиционной деятельности в определенных муниципальных образованиях Смоленской, Псковской и Брянской областей позволяет сделать следующее заключение о том, что по мере приближения к границе увеличения объемов инвестиций не наблюдается. Следовательно, приграничное положение, если и представляется некоторым дополнительным плюсом в случае выбора места для объекта соответствующего инвестирования, то лишь в разрезе региона-

субъекта страны в целом, причем без внутрирегиональной дифференциации.

Таким образом, роль межрегионального взаимодействия на приграничных территориях проявляется, во-первых, в противостоянии международной конкуренции в условиях глобализации, во-вторых, в повышении эффективности использования региональных ресурсов. В отечественной науке межрегиональное взаимодействие рассматривается в основном через содержание отношений между субъектами федерации; в зарубежных подходах акцент сделан на форму реализации таких отношений.

При исследовании бизнес-среды приграничных территорий основное внимание нужно уделять оценке таких факторов, как: наличие нормативно-правовой базы, касающейся приграничного сотрудничества государств и их регионов; уровень экономического и культурно-исторического развития; инфраструктурное обеспечение территории, природно-ресурсные факторы, наличие взаимной заинтересованности сторон в развитии международных связей и т. д.

3. В условиях межгосударственной интеграции выделена и разработана методика оценки инвестиционной привлекательности регионов приграничья на основе ресурсного подхода.

Исследование бизнес-среды с позиции определенного субъекта (предприятия или организации) более распространено, чем на уровне региона. Это связано в том числе с многократным увеличением количества факторов, которые необходимо учитывать, анализировать и соответствующим лавинообразным ростом объемов обрабатываемой информации при управлении на мезо-уровне. Кроме того, цена ошибки при таких решениях также возрастает. В связи с этим необходимо сконцентрировать внимание на идентификации ключевых, специфических, ограниченных и уникальных факторах, оказывающих наибольшее влияние, динамике и направлениях их изменений, а также определении опорных точек устойчивого регионального развития.

В предлагаемой методике оценки бизнес-среды приграничных территорий можно выделить четыре основных этапа:

- 1) выявление роли региона в межгосударственном взаимодействии;
- 2) определение «силы» привлекательности вложений;
- 3) идентификация объектов потенциальных инвестиционных вложений;
- 4) мониторинг устойчивости развития территории.

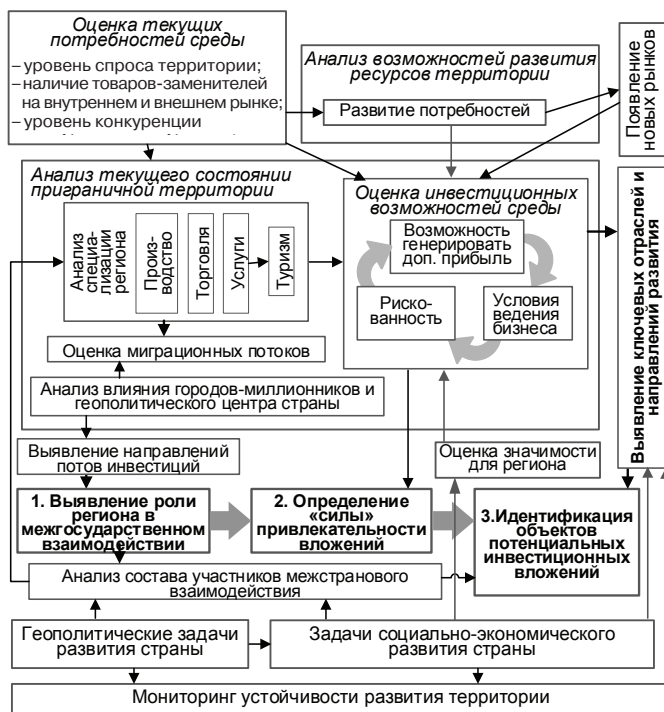

Рис. 3.2. Методика оценки
инвестиционной привлекательности
приграничной территории

На первом этапе необходимо проанализировать место региона в существующей системе внутренних и внешнеэкономических хозяйственных связей. Основная цель – выявить роль региона в межгосударственном взаимодействии. О.В. Цветкова выделяет такие основные роли приграничных регионов, как «открытый регион», «закрытый регион», «регион-мост», «ядро региона». Роль региона определяется направлением инвестиционных потоков между странами, текущим состоянием приграничной территории и возможностями ее развития. При этом толчком к развитию территории и потребностей ее субъектов выступает состояние среды и ее потребностей. Кроме того, в рамках данного этапа необходимо выявить основные тенденции изменений среды. В качестве инструментов здесь могут использоваться сценарный анализ,

СТЕР-анализ, оценки важности и вероятности тех или иных внешних изменений. Это позволит выбрать сценарий не только самый вероятный, но и взвешенный по вероятности и важности, что гораздо более актуально для приграничного региона.

Для отражения общей характеристики приграничного региона и его взаимодействия с соседними регионами сопоставляются объемы, темпы роста и прироста, удельный вес экспорта и импорта, внешнеторгового оборота, внешнеторгового сальдо в стоимостном выражении. Затем рассчитываются и оцениваются экспортная, импортная и внешнеторговая квоты, коэффициенты покрытия импорта экспортом, интенсивности приграничья. Данные показатели позволят говорить об эффективности межгосударственных связей, основных приоритетах политик граничащих стран в сфере взаимодействия, а также дадут оценку степени включенности региона в систему международных экономических отношений и его роли в них. Включение данного блока придает методике сценарно-стратегический характер и дает возможность получить представление о месте региона в существующей системе внутренних и внешнеэкономических хозяйственных связей, а также наиболее важных и вероятных изменениях в ней, определить ключевые факторы успеха (КФУ) территории на текущих и будущих рынках, а также требуемые для этого ресурсы и способности. Выявленные параметры будущих рынков соседних стран становятся также базой динамического стратегического анализа для оценки существующих ресурсов и способностей бизнес-среды приграничного региона с точки зрения формирования конкурентного преимущества на этих рынках.

4. Авторами предлагается включить в методику идентификацию силы и направления привлекательности приграничных регионов для инвестиций посредством оценки следующих аспектов: сопоставление уровня развития взаимодействующих стран и удаленность от городов-миллионников и геополитического центра страны.

Значительные размеры территории РФ и неоднородность социально-экономического развития ее территории обуславливают важность учета влияния городов-миллионников на структурные изменения и интенсивность отраслевой трансформации в регионах по мере их удаленности от геополитического центра страны. В наибольшей мере такие изменения проявляются в близлежащих регионах и определяются не внутренними усилиями представителей бизнес-среды территории, а зачастую под влиянием тенденций доминирующего центра. В теории регионально-

го развития взаимоотношения центра и периферии сводится к эксплуатации последней, чья зависимость от ядра со временем только растет, а экономический разрыв увеличивается. Однако для российских регионов эта тенденция так явно не прослеживается. Существенная удаленность большинства приграничных регионов от столицы приводит к минимизации ее влияния и также снижению роли внутри страновых региональных связей. Для «внутренних» регионов РФ значительные расстояния до государственной границы увеличивают транспортные расходы на экспортно-импортные операции. Следовательно, они включены в основном во внутрирегиональную торговлю, что в свою очередь и определяет специфику распределения функций приграничной торговли между российскими регионами.

Сравнение уровня развития взаимодействующих стран определяет направление перетока ресурсов и факторов производства. В результате анализа опыта европейской интеграции можно отметить, что уровень социально-экономического развития приграничной территории напрямую взаимосвязан с уровнем развития соседней территории. Если уровень региона слабее, то это только ухудшает его положение. Он становится своего рода «донором» дешевых ресурсов, усиливаются миграционные потоки дешевой рабочей силы в сторону более развитой территории. В то же время для страны с менее развитой экономикой можно выделить ряд преимуществ в стратегической перспективе, которыми, к сожалению, они не всегда могут воспользоваться. Среди них можно отметить: укрепление стабильности страны и обеспечение долгосрочного экономического развития. В частности, в работе установлено, что роль внешней торговли в социально-экономическом развитии приграничных регионов РФ и РБ различна.

Для выявления основных направлений потоков инвестиций целесообразно использовать коэффициент международной конкурентоспособности, отражающий степень экспорто-ориентированности региона и коэффициент эластичности внешнеторгового оборота, а также расчет и анализ доли приграничной торговли в объеме внешнеторгового оборота региона. Расчет данных показателей позволит определить ориентации бизнес-среды приграничной территории, географическую структуру ее товарных потоков на внутренний или внешний рынок. Дальнейший расчет частных показателей внешнеторговой деятельности даст характеристику степени интеграции региона в систему политико-экономических связей. Для сопоставления уровня развития взаимодействующих

стран также необходимо анализировать миграционные потоки, как в качественных показателях, так и в структурном разрезе.

В ходе данного этапа анализируется специализация региона и ключевых направлений в рамках международного сотрудничества, что целесообразно реализовывать по следующим компонентам: научно-производственная, торговая и потенциал человеческого развития. Многогранность оценки состояния приграничной торговли проявляется в следующем: приграничная торговля с отдельными странами может характеризоваться низкой степенью несбалансированности при росте в то же время прогнозируемых ее объемов. Применение эконометрических инструментов для построения тренда прогноза приграничной торговли и сотрудничества позволяет определить резервы ее роста в будущем. В связи с этим необходимо провести анализ сбалансированности приграничной торговли региона и предлагается оценивать длительность формируемых межгосударственных связей через отношение темпов роста регионального экспорта к темпам роста ВРП, рассчитываемому так:

$$T = \frac{T_z}{T_{ВРП}}.$$

На втором этапе происходит оценка привлекательности вложений в развитие бизнеса на рассматриваемой приграничной территории посредством анализа инвестиционных возможностей региона. Выявленные в ходе факторного экономико-математического анализа областей ДДР три ключевые интегрированные компонента определяют инвестиционные возможности приграничной территории. Это: «Способность социально-экономической системы генерировать дополнительную стоимость», «Обеспечение стабильности приграничной территории (рискованность вложений)», «Условия ведения бизнеса». Оценка уровня развития этих трех компонентов показывает, насколько бизнес-среда территории привлекательна для вложения средств. Исследуя привлекательность вложения инвестиций прежде всего необходимо проанализировать возможности бизнес-субъектов приграничной территории к генерации дополнительной прибыли.

В ходе анализа внешнеэкономической деятельности регионов ЦФО, отмечается значительная доля в их структуре импорта товаров с высокой долей добавленной стоимостью. В качестве идентификаторов результатов работы бизнес-субъектов планируется использовать: наличие основных фондов, внутренние затраты на исследования и инновации, объем отгруженной продукции

собственного производства, объем отгруженных инновационных товаров, работ, услуг, оборот розничной торговли, грузооборот автомобильного и железнодорожного транспорта, плотность ж/д и автодорог, доступ к сети Интернет и производительность труда. Также на данном этапе для определения степени вклада в формирование устойчивого конкурентного преимущества развития приграничной территории определенных ресурсов и возможностей бизнес-среды применяется VRIO-анализ.

Таким образом, наряду с определением ключевых факторов успеха и оценкой динамических способностей развития бизнес-среды приграничного региона, главным результатом второго этапа является понимание ценности существующих у региона ресурсов, способностей и компетенций с точки зрения получения устойчивого конкурентного преимущества на будущих рынках.

На третьем этапе происходит выбор стран межгосударственного взаимодействия и приоритетных отраслей, в рамках которых наиболее целесообразно его осуществление. Для выявления ключевых отраслей и наиболее привлекательных для инвестирования видов бизнеса целесообразно использовать коэффициенты отраслевой специализации и алгоритм идентификации трансграничных хозяйственных связей, перспективных для формирования устойчивых трансграничных систем предпринимательства по методике В.Н. Сегедина, предполагающей расчет интенсивности деловых отношений между потенциальными участниками системы на базе аналоговой модели гравитационного взаимодействия.

Кроме того, необходимо помнить, что приграничный регион нельзя рассматривать изолированно. Он является частью единого государства и должен реализовывать поставленные перед ним социально-экономические задачи и выполнять роль, определенную геополитическими отношениями взаимодействующих стран. Выбор участников межгосударственного взаимодействия помимо социально-экономического основания зачастую имеет геополитическую природу и в стратегическом плане определяется на федеральном уровне. Определение приоритетных отраслей и видов бизнеса для развития на определенной территории может быть также ограничен специализацией территории в рамках общего разделения труда. В то же время развитие межгосударственного сотрудничества и увеличение количества совместных проектов должно приводить к раскрытию особенностей приграничных регионов и расширению их возможностей.

5. Опыт реализации межгосударственного сотрудничества в рамках ЕС и то, насколько эта интеграция повлияла на изменения

бизнес-среды входящих изначально и присоединявшихся стран может помочь снизить негативные последствия и максимально продуктивно реализовать интеграционные процессы между РФ и РБ. В то же время размеры многих европейских стран существенно меньше территории РБ и тем более РФ, что, несомненно, накладывает геополитические и экономические особенности на развитие приграничных территорий, а также сказывается на поляризации преимуществ от интеграционных процессов между центром и периферией.

6. В связи с отмеченными особенностями стран взаимодействия, а также текущей спецификой внешних условий была предложена методика оценки инвестиционной привлекательности бизнес-среды приграничного региона. Построенная методика анализа идентификации наиболее привлекательных ресурсов с точки зрения инвестиционного вложения для развития территории предполагает реализацию четырех последовательных этапов:

- 1) выявление роли региона в межгосударственном взаимодействии;
- 2) определение «силы» привлекательности вложений;
- 3) идентификация объектов потенциальных инвестиционных вложений;
- 4) мониторинг устойчивости развития территории.

Использование описанной методики даст возможность более эффективно решать вопросы развития, стоящие перед приграничным регионом и его бизнес-субъектами, определять будущие параметры от взаимодействий; выявлять ресурсы, которые станут в будущем наиболее важными источниками устойчивого конкурентного преимущества развития приграничной территории; обнаружить свои слабые и сильные стороны по отношению к конкретному будущему рынку; определить наиболее вероятных будущих конкурентов, включая возможность входа на новые международные рынки и активизации их деятельности. Это позволит приграничному региону уже в текущем периоде предпринимать шаги по приобретению ресурсов и способностей, а также развитию компетенций, необходимых для рынков будущего.

Представлены особенности экономического роста и структурных отраслевых сдвигов приграничных межстоличных регионов России и Беларуси.

Методика проводимого исследования предполагает расчет и сопоставление показателя ВРП по Смоленской, Витебской и Могилёвской областям (Днепро-Двинский регион – далее ДДР) с ВРП других регионов России и Республики Беларусь. Анали-

зируются факторы, способные оказать влияние на изменение динамики и структуры ВРП ДДР.

Экономическое развитие региона немислимо без количественного роста объема добавленной стоимости произведенных на его территории товаров. Конечно, экономический рост еще не означает развитие, но качественное изменение экономики региона должно приводить к увеличению валового регионального продукта. Главным в содержании ВРП, по словам заслуженного экономиста России В.С. Бочко, является то, что он в денежном выражении отражает конечные результаты деятельности организаций региона, которые должны повышаться, если улучшается бизнес-климат в приграничных регионах по итогам межгосударственной интеграции.

ВРП регионов Республики Беларусь в силу отсутствия данных в официальных статистических сборниках был приведен в сопоставимые цены 2008 г. Данные о ВРП регионов Центрального федерального округа Российской Федерации (далее – ЦФО РФ) присутствуют в официальной статистике с 1995 г.

Исходя из наличия статистических данных также проведен анализ структуры ВРП регионов РБ (на 2010 и 2017 гг.) и ЦФО РФ (на 2000 и 2017 гг.). Описано изменение структуры промышленного производства в ДДР с 2000 по 2017 г., которая вносит наибольший вклад в общий размер ВРП в ДДР. Области, входящие в ДДР, условно называют «старопромышленными» регионами российско-белорусского приграничья, которые не могут преодолеть «эффект колеи» в своем развитии. Это предопределяет необходимость анализа изменений структуры промышленности в контексте исследуемой темы.

Для полноценного социально-экономического развития региона рост ВРП должен сопровождаться ростом доходной части его бюджета. Это позволит направить дополнительные средства на решение задач по повышению качества жизни граждан в регионе. Сопоставление динамики роста ВРП и доходов бюджета позволит оценить вклад резидентов ДДР в его экономический рост, так как именно они являются основными плательщиками налогов в региональный бюджет.

Сопоставим темпы роста реального ВРП отдельно для регионов РБ и ЦФО РФ за доступный для анализа период (для РБ – с 2008 по 2017 г. и для РФ – с 1996 по 2017 г.). Цель сопоставления – выявить разницу между темпами экономического развития областей, входящих в ДДР, и темпами роста других регионов государства. Рассмотрим динамику индекса ВРП регионов РБ в ценах 2008 г. (табл. 3.2) [9, с. 118].

Таблица 3.2

Динамика индекса ВРП регионов РБ
в сопоставимых ценах относительно уровня 2008 г.,
в % (рассчитано через индекс физического объема)

Регионы / Годы	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Брестская область	100,0	100,6	112,0	114,2	115,6	117,5	119,9	114,1	113,3	117,3	120,7
Витебская область	100,0	98,0	102,5	108,6	115,1	113,0	116,8	110,2	103,5	104,8	107,8
Гомельская область	100,0	101,2	107,4	112,3	114,4	115,1	118,4	113,0	107,6	110,9	113,4
Гродненская область	100,0	101,4	108,4	114,6	118,8	123,1	128,8	121,3	119,3	122,6	127,5
г. Минск	100,0	97,7	106,4	122,4	117,5	119,6	119,9	114,5	110,5	114,2	119,4
Минская область	100,0	100,6	120,9	129,4	137,5	143,3	150,5	148,1	147,2	154,4	158,3
Могилёвская область	100,0	97,4	108,5	114,8	118,4	116,0	113,4	109,4	106,6	107,4	109,1
ВРП РБ	100,0	99,4	109,7	118,3	120,3	122,2	125,0	119,9	116,6	120,3	124,1

Таблица 3.3

Динамика индекса ВРП регионов РФ
в сопоставимых ценах относительно уровня 1996 г.,
в % (рассчитано через индекс физического объема)

Регионы / Годы	1996	1998	2000	2005	2008	2010	2012	2014	2016	2017	2018
Белгородская область	100,0	101,1	127,5	165,4	234,0	260,8	305,4	323,4	344,4	357,2	366,1
Брянская область	100,0	95,8	105,7	138,3	174,8	166,6	195,3	204,1	207,8	217,6	224,5
Владимирская область	100,0	95,5	114,3	135,0	166,9	168,8	177,6	181,5	179,6	180,4	181,4
Воронежская область	100,0	96,8	112,5	136,9	179,6	175,0	213,1	230,6	235,0	240,9	247,4
Ивановская область	100,0	83,1	98,1	120,4	144,5	137,1	133,0	125,7	122,7	122,1	123,7
Калужская область	100,0	88,9	96,9	129,2	179,8	185,3	229,3	229,8	223,2	235,7	242,1
Костромская область	100,0	96,2	108,3	127,9	150,5	144,3	156,1	160,3	153,0	156,1	156,6
Курская область	100,0	103,9	116,8	153,8	184,1	182,1	206,6	225,0	240,6	246,6	253,0
Липецкая область	100,0	90,4	101,1	134,5	162,8	158,3	168,9	183,5	188,3	190,4	194,2

Московская область	100,0	105,7	118,2	181,6	236,1	229,8	260,4	266,4	282,3	286,0	295,2
Орловская область	100,0	109,1	129,3	166,9	195,5	173,4	204,1	210,7	211,2	208,7	210,8
Рязанская область	100,0	96,4	111,9	140,7	164,7	161,1	183,7	186,4	181,2	184,1	184,3
Смоленская область	100,0	91,6	119,3	144,2	179,6	184,1	200,8	210,7	204,0	209,9	214,3
Тамбовская область	100,0	100,4	122,9	164,6	206,2	199,2	244,7	282,5	287,2	290,1	299,6
Тверская область	100,0	93,5	104,7	131,9	168,9	159,8	168,9	168,7	170,2	172,1	177,9
Тульская область	100,0	90,3	99,5	124,3	163,2	157,4	169,9	187,7	206,3	214,4	221,5
Ярославская область	100,0	96,6	116,0	157,7	187,6	177,6	198,8	207,8	211,1	216,0	223,1
г. Москва	100,0	103,2	131,1	194,8	251,6	222,5	235,5	238,4	235,7	240,2	247,4
ЦФО	100,0	95,0	115,9	165,7	213,1	195,8	212,8	217,9	219,2	223,4	229,9
ВРП РФ	100,0	94,6	110,5	153,7	190,5	184,1	200,1	206,3	206,7	210,5	216,4

Процесс интеграции РФ и РБ начался почти сразу после распада СССР. Практически ежегодно с 1992 г. принимались нормативные акты, содействовавшие снятию барьеров для взаимной торговли и кооперации. Однако это не способствовало опережающему росту по ВРП белорусских областей ДДР в сравнении с другими регионами. Хотя именно РФ с 1992 г. по сегодняшний день остается главным партнером РБ во внешнеэкономической деятельности. Наибольший рост реального ВРП к 2018 г. среди регионов РБ наблюдается в Минской области – 58,3% к уровню 2008 г. Области ДДР показали наименьший экономический рост в стране. При этом ни разу за анализируемый период накопленные годовые темпы роста реального ВРП белорусских регионов ДДР не превышали средние накопленные темпы роста по стране в целом. Отставание регионов ДДР проявляется и в объеме товарооборота между регионами двух стран.

Рассмотрим темпы роста реального ВРП в ЦФО РФ за период с 1996 по 2018 гг. (табл. 3.3) [9, с. 128].

Анализ индекса роста реального ВРП в регионах ЦФО РФ в период с 1996 по 2018 гг. свидетельствует о наибольших темпах у Белгородской области (366,1%), на втором месте – Тамбовская область (299,6%), на третьем – Московская. Примерно одинаковый рост показали г. Москва и Калужская область. Столица РФ увеличивала реальный ВРП до 2008 г. После кризиса реальное производство стали переносить в Московскую область, которая продолжила наращивать ВРП. При этом количество организаций-резидентов г. Москвы увеличивалось. В результате сформировались диспропорции роста реального ВРП и доходов региональных бюджетов. Единственный регион в ЦФО РФ, в котором рост реальных доходов бюджета с 1996 по 2018 г. сопоставим с ростом реального ВРП за тот же период, – это Москва (см. рис. 3.2).

В РБ за период с 2008 по 2017 гг. реальные доходы бюджета превышают рост реального ВРП только в Минской области (рис. 3.3). Это объясняется расположением и местом регистрации крупнейших предприятий-налогоплательщиков РБ.

Анализ показывает, что в силу существующей системы налогообложения как в РФ, так и в РБ наибольший доход в бюджет получают столичные регионы. Это проблема не только пристольных и приграничных регионов, к которым относятся области ДДР. Организации зарегистрированы в Московском или Минском регионах, а реальное производство находится территориально в другом месте. Межгосударственная интеграция также дает возможность организациям выбирать место регистрации

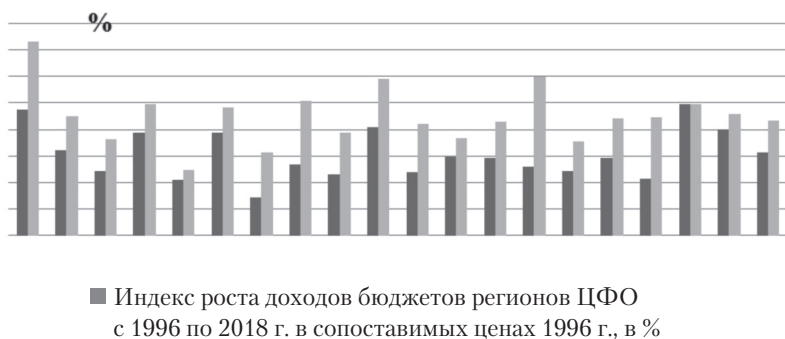

Рис. 3.2. Сравнение индекса роста реальных доходов консолидированного бюджета регионов ЦФО РФ с индексом роста их реального ВРП, в % (рассчитано на основе данных статистики)

Рис. 3.3. Сравнение индекса роста реальных доходов консолидированного бюджета регионов Республики Беларусь с индексом роста их реального ВРП, в % (рассчитано на основе данных статистики)

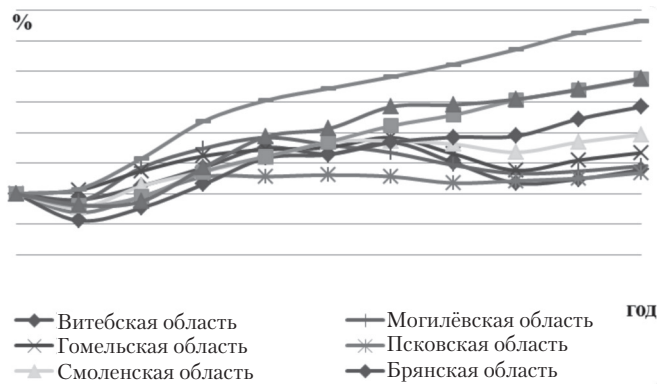

Рис. 3.4. Сравнение динамики ВРП регионов ДДР и регионов северо-восточного участка российско-украинской границы в сопоставимых ценах относительно уровня 2008 г., в % (рассчитано на основе данных статистики)

обособленного подразделения или представительства, и им часто становятся столичные регионы, а не приграничные территории. «Москва продолжает жить на ренту от налога на прибыль, которую аккумулируют штаб-квартиры крупнейших российских компаний», — этот тезис, высказанный Н.В. Зубаревич [8] восемь лет назад, актуален до сих пор. Помимо налога на прибыль, столичные регионы забирают у пристоличных налог на доходы физических лиц. Центростремительная миграция лишает регионы ДДР рабочей силы, а значит, и налогоплательщиков. Описанная тенденция в меньшей степени характерна для РБ, так как масштабы страны позволяют белорусскому бизнесу оставаться близко к центру принятия решений, не переводя головной офис в столичный регион. Однако для Могилёвской и Витебской областей острой остается проблема трудовой миграции и неформальной занятости. Более 25% трудоспособного населения официально не заняты. Предположительно, большая часть этих граждан работает в России неформально (или в Латвии и Литве) [9, с. 138].

Анализ динамики реального ВРП некоторых регионов российско-белорусского и российско-украинского приграничья за период с 2008 по 2018 гг. показывает общее отставание темпов роста трех регионов Днепропровинья (рис. 3.4). При этом выявлены следующие закономерности: темпы роста ВРП регионов РБ и РФ,

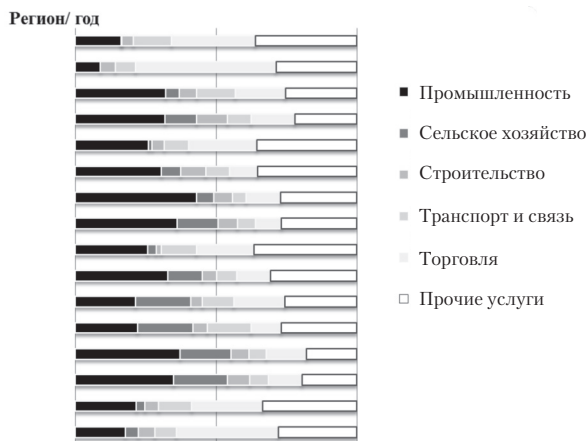

Рис. 3.5. Изменение структуры ВРП ряда регионов ЦФО РФ в период с 2000 по 2017 гг.

расположенных вдоль границы, увеличиваются строго с севера на юг; темпы роста ВРП российских приграничных регионов выше, чем белорусских.

7. Для того чтобы разобраться в причинах отставания темпов экономического роста ДДР от темпов роста других регионов РБ и ЦФО РФ, важно проанализировать, как изменялась структура их ВРП, какие виды экономической деятельности были катализаторами роста. Для упрощения процесса анализа и сопоставления объединим виды экономической деятельности по отраслям в соответствии с классификацией 2000 г. (рис. 3.5).

В приграничной Смоленской области структура ВРП несколько изменилась. Более чем вдвое снизилась доля сельского хозяйства (с 11,4% в 2000 г. до 4,9% в 2017-м), рентабельность которого в ДДР в несколько раз меньше по сравнению с южными регионами России и юго-западными Беларуси. Также банкротство сельхозкооперативов и урбанизация снизили потенциал для развития отрасли. Наибольшими темпами увеличивалась сфера услуг и транспорт, которые стали локомотивами развития региона в этот период. Это объясняется транзитностью региона, торгующего ввозимыми из Беларуси и Европейского союза товарами, а также обладающего транспортно-логистическим потенциалом [9, с. 108].

Рис. 3.6. Изменение структуры ВРП ряда регионов РБ в период с 2010 по 2017 гг.

Рост экономики наиболее успешных, в том числе приграничных регионов ЦФО – Белгородской, Курской, Воронежской, Тамбовской областей был обусловлен развитием сельского хозяйства. «Аграрный рывок» связан с введением «контрсанкций» и инновациями, что позволило сократить издержки.

Структуру ВРП регионов РБ можно проанализировать за период с 2010 по 2017 гг. (рис. 3.6).

8. Выявленные закономерности во многом схожи с изменениями структуры ВРП по ЦФО РФ. Регион-лидер – Минская область – увеличил в структуре ВРП сектор услуг на 4,2%, а также незначительно выросла промышленность – на 1,2%. Второй по темпам роста регион – Гродненская область – увеличил в структуре ВРП промышленную и сельскохозяйственную составляющие на 1,7 и 2,4% соответственно. Следует отметить, что в целом для РБ характерно сохранение либо увеличение доли промышленности в структуре ВРП. Беларусь сумела сохранить крупные промышленные предприятия, хотя многие из них существуют благодаря государственным дотациям и их рентабельность едва ли позволила им работать самостоятельно в рыночных условиях.

Таблица 3.4

Изменение структуры экономики областей
Днепро-Двинского региона с 2000 по 2017 г.

Регион приграничья	Год	Удельный вес производства по отдельному ВЭД в общем объеме промышленного производства, в % к итогу
Смоленская область	2017	17,7% – производство, передача и распределение электроэнергии; 16,0% – производство металлургическое, готовых металлических изделий, а также производство машин и оборудования; 12,2% – производство пищевых продуктов, напитков и табака; 11,6% – производство химических веществ и продуктов и лекарственных средств; 8,7% – производство кокса и нефтепродуктов, а также резиновых и пластмассовых изделий; 7,8% – производство компьютеров, электронных и оптических изделий, производство электрического оборудования и др.
	2000	19,7% – машиностроение и металлообработка; 19,4% – электроэнергетика; 9,8% – химическая и нефтехимическая промышленность; 9,7% – пищевая промышленность; 4,8% – промышленность строительных материалов и др.
Витебская область	2017	41,7% – производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов; 17,1% – производство продуктов питания, напитков и табачных изделий; 13,3% – снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом; 6,7% – производство химических продуктов
	2000	44,1% – производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов; 17,1% – производство и распределение электроэнергии, газа, пара и горячей воды; 13,6% – производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака; 6,3% – химическое производство

Регион приграничья	Год	Удельный вес производства по отдельному ВЭД в общем объеме промышленного производства, в % к итогу
Могилёвская область	2017	24,6% – производство продуктов питания, напитков и табачных изделий; 18,9% – производство резиновых и пластмассовых изделий, прочих неметаллических минеральных продуктов; 8,6% – снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом; 8,3% – производство химических продуктов; 8,3% – производство машин и оборудования, не включенных в иные группы; 7,6% – производство из дерева и бумаги, полиграфическая деятельность и др.
	2000	19,8% – производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака; 16,8% – химическое производство; 12,2% – производство и распределение электроэнергии, газа, пара и горячей воды; 11,1% – текстильное и швейное производство; 10,8% – производство резиновых и пластмассовых изделий; 6,3% – обработка древесины и производство изделий из дерева и бумаги, издательская деятельность и др.

Среди регионов российско-белорусского приграничья наибольший рост доли транспорта и связи в структуре ВРП имел место в Смоленской области: с 2010 г. – на 3,7% к 2017 г. Транзитность и приграничность региона являются факторами, стимулирующими развитие отрасли грузоперевозок [9, с. 78].

Структура промышленности областей приграничья за период российско-белорусской интеграции хотя и изменилась, но не кардинально (табл. 3.4).

Все регионы российско-белорусского приграничья нарастили производство в пищевой промышленности на 2–4%. Это обусловлено популярностью белорусских товаров на российском рынке из-за их невысокой стоимости при сопоставимом качестве. Общим трендом в ДДР стало сокращение доли энергетики в структуре промышленности, хотя в Смоленской области она по-прежнему является отраслью специализации региона из-за наличия значительных мощностей по генерированию электроэнергии.

Продолжили развитие в данных регионах химическое и смежные с ним производства – выпуск лекарств, пластмасс и резины. В этих отраслях, в том числе благодаря иностранным инвестициям, смогли сохраниться крупные предприятия как на территории регионов РБ, так и в Смоленской области (ПАО «Дорогобуж» – группа компаний «Акрон»).

В Смоленской области объем отгрузки по отраслям машиностроения сократился, однако стали развиваться виды деятельности, связанные с производством компьютеров, электронных и оптических приборов, а также электрического оборудования. Это объясняется тем, что сохранился выпуск бакалавров и магистров по направлениям подготовки в сфере энергетики и информатики, в то время как машиностроение испытывает в регионе кадровый голод. В 2017 г. производство машин и оборудования нарастило свою долю в структуре промышленности Могилёвской области до 8,3% (против 7,9% – в 2000 г.). Также в регионе сохранилось производство транспортных средств (3% от общего объема промышленного производства). Развитию машиностроения способствует общегосударственная политика в РБ по сохранению крупных промышленных предприятий с госучастием, а также по подготовке кадров [9, с. 57].

9. Интеграция РБ и РФ не придала импульса кооперации в промышленности между предприятиями российско-белорусского приграничья. Фактически взаимодействие осуществляется по цепочкам поставок, возникшим еще до создания Союзного государства.

Следовательно, влияние интеграционных процессов на экономическое развитие приграничных территорий имеют противоречивые тенденции, как положительные, так и отрицательные.

Так, с одной стороны, из-за свободного перемещения товаров через российско-белорусскую границу усилилась конкуренция на внутреннем региональном рынке продовольственных товаров ряда приграничных областей, что привело к вытеснению отечественной продукции более дешевой белорусской, а с другой стороны, приграничные регионы могут иметь преимущество в привлечении ресурсов из-за нахождения их в центре государств и также улучшает их положение близость к внешнему рынку, поскольку это обеспечивает стимулирование спроса на их продукцию.

Граница по-прежнему ущемляет и сдерживает экономический рост этих территорий. Приграничные территории как со стороны РБ, так и со стороны РФ по-прежнему являются эконо-

мически отсталыми регионами, которые не смогли реализовать преимущества своего географического положения. Более того, они все больше становятся типичными периферийными районами, в которых экономическая депрессия сочетается с социальной.

10. Приграничные территории имеют ряд специфических черт благодаря своему географическому расположению, так как они, с одной стороны, удалены от центра своего государства, а с другой стороны, приближены к границам соседних стран. Это позволяет им одновременно обладать свойствами как приграничной территории, так и периферийной, что дает им, с одной стороны, преимущественные ресурсы на развитие, а с другой – определяет их как более отсталые и депрессивные по сравнению с пристоличными регионами.

Анализ характерных свойств свидетельствует о доминировании периферийности на рассматриваемых приграничных территориях. А именно, если приграничное положение территорий дает преимущественные ресурсы на развитие и предоставляет тому или иному региону преференции в расширении возможностей рынка труда, то периферийность одновременно может означать и малопривлекательность для капиталовложений в соответствующие территории [34, с. 128]. А прямым следствием малопривлекательности для капиталовложений является низкий интерес к региону как местных жителей (которые стремятся уехать в более развитые регионы), так и мигрантов, которых привлекает, в первую очередь, возможность найти высокооплачиваемую работу.

Однако данная тенденция действует противоречиво, поскольку в настоящее время преимущества регионов для местного населения и мигрантов становятся более разнообразными и не всегда связаны с получением сиюминутных доходов. То, что недавно представлялось локальными преференциями отдельных регионов, на сегодняшний день имеет отношение ко всей территории страны.

Это и возможность получения образования для детей, и доступность здравоохранения, и обеспеченность товарами и услугами, и многое другое.

Таким образом, привлекательность регионов как для местного населения, так и для потенциальных мигрантов, имеет очень разные векторы и зависит от сочетания множества факторов.

Заключение

Проведенные исследования, представленные в данной монографии, показали наличие схожих тенденций в экономике и миграционной политике на территории большинства стран бывшего СССР. На сегодняшний день государства постсоветского пространства – это аутсайдеры мирового прогресса, сырьевой Клондайк мировой экономики. В итоге, сегодня все постсоветские страны конкурируют друг с другом на одних и тех же рынках. Пример – рынок калийных удобрений и борьба на нем России и Беларуси. В одиночку очень трудно противостоять крупнейшим игрокам на мировых рынках товаров, услуг и капиталов. Все это происходит на фоне формирования у наших ближних и дальних соседей единых рынков, конфедеративных квазигосударственных образований и иных интеграционных объединений. Нужно четко понимать, что единое геополитическое и геоэкономическое пространство – это колоссальное конкурентное преимущество в современном противоречивом мире.

За время своего развития человечество уже выработало некоторые единые формы своего развития. Но этот же опыт подтверждает, что помимо глобальных общечеловеческих элементов каждая нация имеет присущие только ей черты и характеристики общественного устройства. Реалии общественного реформирования требуют их приведения в соответствие с субъективными общественными ожиданиями и желаниями, условиями и ресурсами, которыми располагает каждое конкретное общество.

В науке, в общественном и политическом сознании постепенно происходит понимание того факта, что мировые и европейские модели общественного обустройства проходят долгий и мучительный путь собственного развития и являются составной, органичной частью собственной национальной культуры. Ни в коем случае не отказываясь от пытливого, упорного изучения накопленного человечеством опыта оптимизации общественного обустройства, важно понимать, что собственный путь к построе-

нию своего общества каждая нация проходит, опираясь на свою уникальную культуру и специфический менталитет. История построения государств убедительно демонстрирует, что каждая нация вырабатывает свою модель общественного обустройства, сочетающего глобальные экономические, социальные и политические технологии с национально-специфическими особенностями.

Россия и другие независимые государства постсоветского пространства при общественном обустройстве в современных условиях должны учитывать, что в современных условиях весьма актуальны вопросы адаптации населения и экономики регионов «нового» и «старого» пограничья к происшедшим геополитическим изменениям.

В монографии рассмотрены различные факторы формирования привлекательности регионов России и стран бывшего СССР.

Основным ареалом исследования стали регионы российско-белорусского приграничья. В рассматриваемых регионах сложилась асимметрия в подготовке высококвалифицированных кадров в пользу инженерных направлений обучения на белорусской территории, в том числе за счет бюджета и подготовки специалистов со средним профессиональным образованием на территории всего приграничья. Кадры для работы в сфере экономики и управления на бюджетной основе практически не готовятся. Эти и другие факторы определяют существующий и возможный в будущем дисбаланс в структуре занятости населения, что приводит к разнонаправленным миграционным потокам как в регион, так и из него.

Подводя итог, можно считать неперспективной позицию региональных властей, основанную на ожидании изменений в экономике России в целом. В этом случае с большой долей вероятности стоящие перед регионами цели не будут вовремя и эффективно реализованы.

Для изменения этой ситуации необходима разработка адекватной требованиям сегодняшнего дня стратегии развития региона, в том числе миграционной политики.

Список источников и литературы

1. Абаев А.Л., Архипова Н.И., Гуриева М.Т., Назайкинский С.В., Селова О.Л. Бренд-менеджмент в управлении персоналом: Учеб. пособие. М.: РГГУ, 2020. 268 с.
2. Абаев А.Л., Крючков В.Н., Чуб А.А. Разработка эффективных брендов территорий с применением эконофизических моделей миграционных потоков // Вопросы этнополитики. 2020. № 3. С. 20–33.
3. Абаев А.Л., Боровикова Т.В., Гуриева М.Т. Внутренний маркетинг и информационно-коммуникационная модель развития персонала в условиях цифровой экономики // Экономика и управление: проблемы и решения. 2020. Т. 2. № 8. С. 83–88.
4. Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2009. 320 с.
5. Аналитическая справка о туристской отрасли Псковской области (2019) [Электронный ресурс]. URL: http://gkt.pskov.ru/sites/default/files/itik-12-2010-01-2021_0.pdf (дата обращения 20.03.2021).
6. Антипова Е.А., Фокеева Л.В. Демографическое пространство стран СНГ: структура и основные сдвиги // СНГ: проблемы, поиск, решения: Ежегодник. М.: Изд-во РУДН, 2019. С. 193–206.
7. Бабурин В.Л. Циклические механизмы формирования неоднородности географического пространства России / Под ред. А.И. Шкириной и В.Е. Шувалова // Социально-экономическая география: традиции и современность. М.; Смоленск: Ойкумена, 2019. С. 234–250.
8. Бакланов П.Я. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. Владивосток: Дальнаука, 2018. С. 5–19.
9. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л.Б. Вардомского, С.В. Голунова. М.; Волгоград: НОФМО, 2012. 572 с.
10. Беларусь и Россия, 2015: Стат. сб. М.: Росстат, 2015. 190 с.; Минстат Республики Беларусь, Госкомстат России. М., 2015. 140 с.
11. Боровикова Т.В., Филинов В.А. Интеллектуальный труд – фактор инновационного развития региона: теоретико-методологический анализ: Монография. Смоленск: Универсум, 2015. 214 с.

12. *Боровикова Т.В.* Методологические основы формирования интеллектуального потенциала территорий в условиях инновационной экономики // *Modern Economy Success*. 2017. № 6, раздел «Экономические науки». С. 46–49.
13. *Боровикова Т.В., Филинов В.А.* Интеллектуальный потенциал региона: методика оценки // *Региональные исследования*. 2014. № 3. С. 38–42.
14. *Боровикова Т.В., Филинов В.А.* Интеллектуализация труда как фактор инновационного развития региона // *Региональные исследования*. 2016. № 2. С. 98–102.
15. *Боровикова Т.В., Филинов В.А.* Интеллектуальный потенциал региона: теоретико-методологический аспект // *Научно-практический журнал «Проблемы безопасности российского общества»*. Смоленск (МИИТ). 2015. № 4. С. 73–78.
16. *Боровикова Т.В.* Интеллектуальный труд и интеллектуальная миграция в инновационном развитии регионов: единство противоположностей // *Вестник РМАТ*. 2018. № 2. С. 35–46.
17. *Боровикова Т.В.* Управление финансовыми рисками – основа безопасности кредитной организации // *SCOPUS Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems*.-Scopus SJR, 2018. P. 295–302.
18. *Боровикова Т.В.* Интеллектуальный потенциал – фактор инновационного развития региона: теория и практика: Сб. научных трудов Междунар. науч.-практ. конф. 22.11–23.11.2019 «Пространственное развитие региона: перспективы, приоритеты, развитие». Калининград, 2020. С. 31–34.
19. *Блауг М.* Методология экономической науки // *Вопросы экономики*. 2004. 324 с.
20. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: Введение / Пер. Н. Тюкиной. М.: ИД «Территория будущего», 2018. 248 с.
21. *Вардомский Л.Б.* Российское порубежье в условиях глобализации. М.: Либроком, 2009. 216 с.
22. *Вертинская Т.С.* Межрегиональные связи Беларуси со странами – членами ЕАЭС // *Наука и инновации*. 2019. Т. 1. № 191. С. 17–20.
23. *Гранберг А.Г.* Основы региональной экономики: Учеб. для вузов. 4-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 495 с.
24. *Гайдукевич Л.М.* Особенности трансграничного сотрудничества Беларуси в сфере туризма // *Туризм и региональное развитие: Сб. науч. статей*. Вып. 6. Смоленск: Универсум, 2016. С. 223–233.
25. *Герасименко Т.И.* Трансграничные этнокультурные регионы: методологические подходы к изучению // *Изв. РГО*. 2015. Т. 137. Вып. 1. С. 73–83.

26. Голунов С.В. Постсоветское пограничье как фактор дезинтеграции и реинтеграции // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегодный доклад – 2001. М., 2012.
27. Города и районы Брянской области: Стат. сб. Брянск, 2016. 243 с.
28. Городские округа и муниципальные районы Брянской области: Стат. сб. Брянск, 2018. 240 с.
29. Государственный земельный кадастр Республики Беларусь (по состоянию на 1 января 2015 года). Минск: Государственный комитет по имуществу Респ. Беларусь, 2015. 57 с.
30. Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2012. 253 с.
31. Земляк С.В., Шеломенцева М.В. Развитие инфраструктуры инновационной экосистемы как фактора экономического роста // Изв. Юго-Западного гос. ун-та. 2020. Т. 10. № 5. С. 145–155. (Серия «Экономика. Социология. Менеджмент»)
32. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый ин-т соц. политики, 2010. 160 с.
33. Евдокимов М.Ю. Проблемы экономико-политической трансформации российского пограничья (на примере Смоленской области) // Политика и экономика в региональном измерении / Под ред. В. Климанова, Н. Зубаревич. М.: ИГПИ; СПб.: Летний сад, 2010. С. 228–233.
34. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Стат. сб. М.: Росстат, 2012.
35. Катровский А.П. Оценка российско-белорусских отношений населением российско-белорусского приграничья // Методология и методика региональных исследований: из прошлого в будущее (К 90-летию со дня рождения Я.А. Соловьева): Материалы школы-семинара молодых ученых. Смоленск: Универсум, 2010. С. 124–129.
36. Катровский А.П. Смоленско-белорусское приграничье: социально-географические аспекты реинтеграции // Сотрудничество приграничных регионов Беларуси и России в области образования, науки и культуры: состояние, проблемы и перспективы. Могилёв: Изд-во Белорусско-российского ун-та, 2014. С. 21–29.
37. Катровский А.П. Смоленское приграничье: от депрессии и стагнации к устойчивому развитию // Региональные исследования. 2010. № 4. С. 70–75.
38. Катровский А.П. Формирование и развитие территориальной структуры высшего образования России: Монография. М.: Междунар. отношения, 2003. 208 с.
39. Катровский А.П., Ридевский Г.В. Пространственная экономическая асимметрия как фактор российско-белорусского трансграничного региона // Региональные исследования. 2013. № 3. С. 128–136.

40. Кириенко В.В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы. Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2009. 119 с.
41. Ковалев Ю.П. Туристские кластеры: теоретические и методологические вопросы формирования: Монография. Смоленск: Универсум, 2009. 192 с.
42. Концепция развития агропромышленного комплекса Псковской области на период 2015–2017 гг. Псков, 2019 [Электронный ресурс]. URL: www.csu-nw.ru (дата обращения 20.03.2021).
43. Концепция стратегии социально-экономического развития Псковской области. Псков, 2009 [Электронный ресурс]. URL: www.csu-nw.ru. (дата обращения 20.03.2021).
44. Костюченко М.И. Приграничное положение как фактор регионального развития Смоленской области: Дис. ... канд. геогр. наук. М., 2003. 177 с.
45. Кузавко А.С., Катровский А.П., Ридевский Г.В. Эволюция потребительского рынка Днепро-Двинского региона: Монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2019. 160 с.
46. Кузавко А.С., Барановский И.Ю., Шевченко О.А., Лихачева С.Н., Ридевский Г.В. Днепро-Двинский регион в зеркале социологии. Смоленск, 2019. 141 с.
47. Кузавко А.С. Анализ методик выявления закономерностей формирования и оценки бизнес-среды региона // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 129–139.
48. Кузавко А.С. Этапы формирования потребительского рынка Смоленской области в условиях интеграции России и Беларуси с 2000 по 2018 год // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2019. № 12 (130). С. 44.
49. Кузнецова О.В. Региональная политика России. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 392 с.
50. Кривуля И.В. Трансформация размещения населения Псковской области в конце XX века // Региональные исследования. 2018. № 4. С. 116–126.
51. Кузенева Т.Н., Манаков А.Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социс. 2013. № 7. С. 77–84.
52. Куница М.Н. Современный кризис сельского расселения староосвоенных регионов центра России: демографический аспект // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика: Сб. науч. ст. Смоленск: Универсум, 2015. С. 486–491.
53. Лапто Г.М. География городов. М.: ВЛАДОС, 2007. 480 с.
54. Лебедева Н.М. Этническая и кросс-культурная психология. М.: МАКС Пресс, 2011. 424 с.

55. Морачевская К.А. Приграничность и периферийность как факторы социально-экономического развития приграничных с РБ районов России // Региональные исследования. 2010. № 4. С. 61–69.
56. Морачевская К.А. Влияние государственных интеграционных процессов на развитие российско-белорусского приграничья // Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации: Монография / Под ред. Л. Бардомского, Л.И. Попковой. Курск, 2017. С. 267–274.
57. Население Республики Беларусь: его численность и состав // Перепись населения – 2009. Т. 2. Минск, 2010. 414 с.
58. Нефедова Т., Трейвиш А. Российские городские системы в зеркале эволюционных теорий урбанизации // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монограф. сб. М.: ОГИ, 2011. С. 171–195.
59. Никитенко П.Г., Вертинская Т.С. Белорусско-российское приграничное сотрудничество как фактор формирования Союзного государства Беларуси и России // Неприкосновенный запас. 2006. № 3. С. 86–99.
60. Озем Г.З. Приграничное положение как фактор социально-экономического развития сельской местности // Региональные исследования. 2014. № 1. С. 48–54.
61. Пилкингтон Х., Физакли А. Постсоветские миграции в контексте западных миграционных теорий // В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии / Под ред. А.Р. Вяткина, Н.П. Космарской, С.А. Панарина. М., 1999. С. 180–214.
62. Пирожник И.И., Озем Г.З., Шадраков А.В. Экономико-географические факторы трансграничного сотрудничества Беларуси и России // Вестник БГУ. Сер. 2: Химия. Биология. География. 2010. № 1. С. 55–60.
63. Посталюк М.П. Инновационные отношения в экономической системе: Теория, методология и механизм реализации. Казань: Казанский гос. ун-т, 2010. 210 с.
64. Прогноз социально-экономического развития Брянской области на 2018 год и на период до 2024 года. Туризм [Электронный ресурс]. 2021. Департамент экономического развития Брянской области. URL: <http://www.bryanskobl.ru/economy/forecast/standoffiv.php#tourism>; (дата обращения 20.03.2021).
65. Программа развития туризма в Могилёвской обл. на 2006–2010 гг. // НРПА РБ. 2006. № 5. С. 62–74.
66. Промышленность Республики Беларусь. 2009: Стат. сб. Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2009. 282 с.
67. Регионы Республики Беларусь. 2020: Стат. сб. Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2021. 801 с.

68. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. М.: Росстат, 2020.
69. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации: Стат. сб. М.: Росстат, 2021.
70. *Ридевский Г.В.* Билингвизм населения Беларуси по материалам переписи 2009 года // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы: Материалы VII Междунар. научн. конф. Гомель, 26–27 мая 2011 г.: В 2 ч. Ч. 1 / М-во образования Респ. Беларусь [и др.]; под общ. ред. В.В. Кириенко. Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2011. С. 59–61.
71. *Ридевский Г.В.* Методика и основные результаты оценки качества населения белорусских регионов российско-белорусского пограничья // Социально-экономическая география: история, теория, методика, практика: Сб. науч. ст. Смоленск: Универсум, 2011. С. 542–546.
72. *Ридевский Г.В.* Процессы регионополизации, структурная неоднородность и социальное расслоение российско-белорусского пограничья // Региональные исследования. 2011. № 4. С. 127–133.
73. *Ридевский Г.В.* Социально-эколого-экономические районы российско-белорусского пограничья // Наука и образование XXI века: Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (29 октября 2010 г., Современный техн. ун-т, г. Рязань): В 4 т. Т. 3. Ч. 2: «Секция естественных наук и туризма» / Под общей ред. проф. А.Г. Ширяева, доц. А.В. Барановского. Рязань: СТИ, 2010. С. 42–49.
74. Российский статистический ежегодник. 2019: Стат. сб. М.: Росстат, 2020. 796 с.
75. Соглашения о приграничном сотрудничестве Брянской области России и регионов Республики РБ. Брянск, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.econom.brk.ru>soglasenie> (дата обращения 20.03.2021).
76. Социально-экономические показатели развития городов и районов Смоленской области: Стат. сб. Смоленск, 2019. 254 с.
77. Сравнительная оценка устойчивости социально-экономического и демографического развития регионов России и РБ / Под ред. Н.В. Каледина, А.И. Чистобаева. СПб.: НИИ географии факультета геогр. и геоэкол. СПбГУ, 2017. 88 с.
78. Стратегия социально-экономического развития Брянской области до 2025 года. Брянск, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bryanskobl.ru> (дата обращения 20.03.2021).
79. *Суттеля А.В., Ерина С.И.* Исследование нормативно-ценностных ориентаций россиян и их отношения к деньгам в период формирования российского общества // Социальная психология XXI столетия. Ярославль, 2012. Т. 3. С. 178–180.

80. Труд и занятость в Брянской области: Стат. сб. Брянск, 2019. 190 с.
81. Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь: Стат. сб. Минск: Национальный стат. комитет Республики Беларусь, 2019. 234 с.
82. Углонова Е.А. Восприятие собственного дохода как фактор субъективного благополучия в современной России // Социальная психология XXI века. Ярославль, 2012. Т. 3. 204 с.
83. Часовский В.И. Российско-белорусское приграничье: изменения в территориально-отраслевой структуре хозяйства в постсоветский период развития // Региональные исследования – 2010. № 2. С. 82–90.
84. Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. М.: Кооперативное изд-во, 1925. 125 с.
85. Численность и миграция населения Смоленской области в 2018 году: Стат. бюллетень. Смоленск, 2019. 60 с.
86. Чистобаев А.И., Красовская О.В., Скатерщиков С.В. Территориальное планирование на уровне субъектов России: Монография. СПб.: Инкери, 2010. 296 с.
87. Шумская О. Приграничные города и районы Смоленской области: современные проблемы и перспективы приграничного сотрудничества // Региональные исследования. 2017. № 1. С. 47–56.
88. Шульц Т. Вложения в человеческий капитал: роль образования и научных исследований. М.: ИНФРА-М, 2010. 279 с.
89. Эдвинссон Л. Интеллектуальный капитал // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М., 2009. 434 с.
90. Яськова Т.И. Миграционное притяжение Московского столичного региона как фактор трансформации системы расселения приграничных районов Смоленской области // Региональные исследования. 2010. № 2. С. 91–98.
91. Доклад о развитии человека 2010/2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/esa/hdr/2014> (дата обращения 20.03.2021).
92. Abaev A.L., Borovikova T.V., Gorbatkova G.A., Zelenkina E.V., Lozhkina S.L. Concepts of the development of information and communication technologies and management of the effectiveness of investing in their development in the modern economy // Gyrnai Revisna: Espacios. 2020. T. 41. № 1.
93. Dokoupil J. Hranice a hranicni efekt // Ceske Pohranici – bariera nebo prostor zprostredkovani? Praha: Academia, 2004. P. 47–58.
94. Zimin D. Wspolpraca transgraniczna w fisko – rosyjskim obszarze transgranicznym / D. Zimin, J. Ruusuvaori, I. Liikaneu, H. Eskelinen // Nowe granice Unii Europejskiej – wspolpraca czy wykluczenie? Warszawa: Scholar, 2006. P. 68–90.

Список источников и литературы

95. *Kopczewska K.* Renta geograficzna a rozwój społeczno-gospodarczy. Warszawa: CeDeWu, 2008. 190 p.
96. *Kuzavko A., Silchenkova S., Kirillova E.* Main Tendencies of Economic Development of the Cross-Border Regions of Russia and Belarus in the Conditions of Interstate Integration // Proceedings of the International Scientific Conference “Far East Con” (ISCFEC 2020). 2020. P. 870–881. DOI: <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200312.120> (WoS).
97. *Kuzavko A.* Socio-Demographic Features of Business Environment of Dnieper-Dvina Region // Proceedings of the International Scientific Conference “Far East Con” (ISCFEC 2020). 2020. P. 2418–2428. DOI: <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200312.336> (WoS).
98. *Kuzavko A.* The Business Environment of the Russian-Belarusian Border in the Context of Interstate Integration // Society. Integration. Education. Proceedings of the International Scientific Conference. Vol. 6. 2020. P. 656–666. URL: <http://journals.rta.lv/index.php/SIE/article/view/4963> (WoS) <http://dx.doi.org/10.17770/sie2020vol6.4963> (дата обращения 20.03.2021).
99. *Kuzavko A., Silchenkova S.* Research of modern processes in the russian-belarusian border for educational purposes // Society. Integration. Education. Proceedings of the International Scientific Conference. Vol. 6. 2020. P. 667–677. URL: <http://journals.rta.lv/index.php/SIE/article/view/4899> (WoS) <http://dx.doi.org/10.17770/sie2020vol6.4899> (дата обращения 20.03.2021).
100. *Lozhkina S.L., Borovikova T.V., Ionova N.V., Tishenkova G.Z.* State incentive measures for innovation with reference to the type of regional development Incentivos estatales para la innovación, teniendo en cuenta el tipo de desarrollo regional // Gyrnai Revisna. Espacios. 2020. T. 41. № 1. P. 20.
101. *Lozhkina S.L., Borovikova T.V., Tishenkova G.Z., Petushkova G.A., Lozhkin V.A.* Economic and legal factors of digitalization in Russia // Gyrnai Revisna: Espacios. 2020. T. 41. № 1.
102. Nowe granice Unii Europejskiej – współpraca ery wykluczenie? / Red. nauk. G. Gorzelak, K. Krok. Warszawa: Scholar, 2006. 270 p.
103. *Rowland R.* Regional migration in the former Soviet Union during the 1980s: The resurgence of European regions // The New Geography of European Migrations / Ed. R. King. L., 1993. P. 171–172.
104. *Havlicek T., Chromy P., Jaucak V., Marada M.* Vybrane teoreticko-metodologicke aspekty a tremdy geografickeho vyzkumu perifer nich oblasti // Problemy perifer nich oblasti. Praha: Univ. Karlova, 2005. P. 6–20.
105. *Wachowiak H.* Tourism and borders: Contemporary issues, policies, and international research. Ashgate Publishing, Ltd. 2006. 275 p.

A13

Абаев А.Л., Боровикова Т.В., Кузавко А.С.

Социально-коммуникационные процессы в региональном развитии: нереализованные возможности в миграционной политике / Отв. ред. М.А. Омаров. М.: РГГУ, 2022. 170 с.
ISBN 978-5-7281-3101-4

Авторы в своей монографии опираются на доклады и выступления на международных конференциях, симпозиумах и форумах по социальным, демографическим и миграционным проблемам и процессам, происходившим и происходящим на территории бывшего Советского Союза в конце XX – начале XXI в. Они ознаменовались кардинальными изменениями в целостной картине воспроизводства, расселения и направленности миграционных потоков населения. В книге представлен системный анализ современной миграционной ситуации в России, трансформации социальных процессов в российских регионах и изменений, происходящих на приграничных территориях (на примере российско-белорусского приграничья).

Книга предназначена для специалистов, работающих в сферах государственного и регионального управления, миграционной и демографической политики, преподавателей и студентов высших учебных заведений по соответствующим направлениям подготовки и для всех интересующихся проблемами миграции и регионального развития.

УДК 314.15
ББК 60.74

Научное издание

А.Л. Абаев, Т.В. Боровикова, А.С. Кузавко

Социально-коммуникационные процессы
в региональном развитии:
нереализованные возможности
в миграционной политике

Оформление обложки
М.Е. Заболотникова

Корректор
Н.В. Москвина

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 14.02.2022.

Формат 60×90^{1/16}.

Уч.-изд. л. . Усл. печ. л. .

Тираж экз. Заказ №

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
8-499-973-42-06